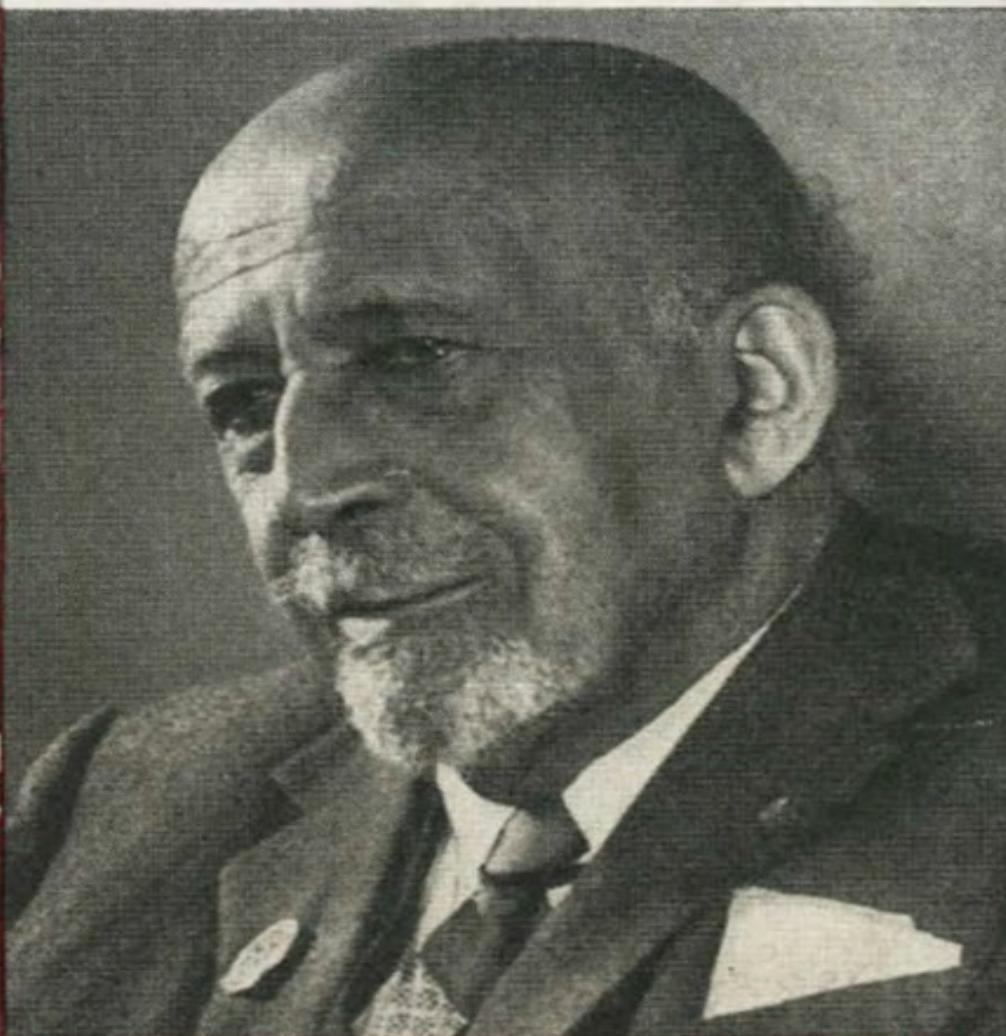
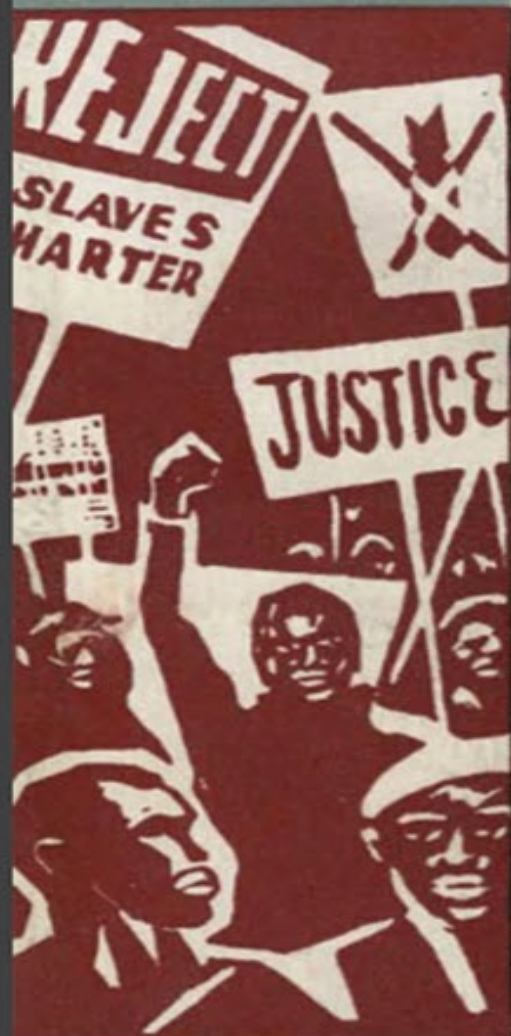

ДЮБУА

Р. Иванов

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Annotation

В своем произведении Р. Ф. Иванов обратился к истории жизни Уильяма Эдварда Бургхардта Дюбуа, американца по происхождению, в 1958 году удостоенного высокой награды — Ленинской премии мира. Уильям Дюбуа — крупный ученый, профессор истории, писатель и публицист, известный своими глубокими исследованиями по истории Америки и Африки, — был мужественным борцом за мир и дружбу между народами и пользовался большой популярностью далеко за пределами США.

[Адаптировано для AlReader]

FB2 книгу сделал mefysto

-
- [Р. Иванов](#)
 -
 -
 - [Глава I](#)
 - [Глава II](#)
 - [Глава III](#)
 - [Глава IV](#)
 - [Глава V](#)
 - [Глава VI](#)
 - [Глава VII](#)
 - [Глава VIII](#)
 - [Глава IX](#)
 - [Глава X](#)
 - [Глава XI](#)
 - [Глава XII](#)
 - [Глава XIII](#)
 - [Глава XIV](#)
 - [ВМЕСТО ЭПИЛОГА](#)

- [ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ](#)
- [ИЛЛЮСТРАЦИИ](#)

- [КРАТКЛЯ БИБЛИОГРАФИЯ](#)
- [INFO](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)

ЖИЗНЬ
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ
ЛЮДЕЙ

Серия биографий

ОСНОВАНА
В 1933 ГОДУ
М. ГОРЬКИМ

ВЫПУСК 4

 (447)

МОСКВА

 1968

Р. Иванов

ДЮБУА

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЦК ВЛКСМ

«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

*

М., «Молодая гвардия», 1968

W. E. D. B. B. B.

Глава I

ДЕТСТВО И ЮНОСТЬ

Уильям Эдвард Бургхардт Дюбуа родился 23 февраля 1868 года в городе Грейт-Баррингтоне, округ Беркшир, штат Массачусетс. Название города «грейт» — «великий», «большой» ни в коей мере не соответствовало действительному положению вещей. Грейт Баррингтон не был ни большим, ни великим. Это был небольшой городок с пятью тысячами жителей, подобных которому было множество в Массачусетсе и в других штатах страны. Но родина всегда прекрасна, и Дюбуа до конца своих дней сохранил самые теплые воспоминания о золотой реке, протекавшей через городок, о прекрасной зелени лугов, о громадах Ист-Маунтин, склоны которых были покрыты лесами, о Мэйн-стрит, обсаженной кленами и вязами.

Материальные лишения, учеба на «медные гроши» и постоянные заботы о том, где и как изыскать средства на продолжение образования, — все трудности, с которыми сталкивается негр из бедной семьи, все это Дюбуа познал за годы своего детства и юности, проведенные в Грейт-Баррингтоне.

Но не эти трудности и лишения сформировали характер Дюбуа. На формирование его взглядов, на интересы молодого негра наложила свой отпечаток и духовная жизнь Грейт-Баррингтона и всего Массачусетса.

Массачусетс не был каким-либо важным промышленным, финансовым или торговым центром страны, но он вошел в историю США как один из штатов, где были сильны аболюционистские настроения. В годы гражданской войны в Массачусетсе формировались первые негритянские полки, сыгравшие важную роль в разгроме мятежной рабовладельческой Конфедерации и освобождении негров-рабов.

Есть нечто символическое в том, что один из самых выдающихся борцов за освобождение негров родился в год, когда на гребне революционных событий, потрясавших юг страны, возникло хорошо организованное движение широких масс негров южных штатов за завоевание равных с белыми экономических, политических и гражданских прав.

В 1865 году в США закончилась гражданская война, война, подобной которой страна не переживала на протяжении всей своей истории. Четыре

долгих года на огромной территории шли тяжелые кровопролитные бои. Более 600 тысяч человек погибли в этой войне, миллион был искалечен.

Много героических подвигов совершили в этой войне солдаты северяне, боровшиеся за освобождение негров, за уничтожение плантаторской олигархии южных штатов. Но бесспорно, что самые яркие страницы в историю гражданской войны внесли сами негры, героически сражавшиеся в тылу мятежной рабовладельческой Конфедерации. В военную историю Соединенных Штатов, которая не блистает особенно яркими, запоминающимися событиями, можно золотыми буквами внести героические подвиги негритянских полков, сражавшихся на фронтах гражданской войны.

Негритянские войска участвовали в 450 сражениях, многие крупнейшие битвы гражданской войны были выиграны благодаря непревзойденному мужеству, самопожертвованию, воинскому искусству негритянских полков.

Уже в первом большом сражении — в штурме Порт-Хадсона, в котором приняли участие крупные негритянские воинские части, негры зарекомендовали себя превосходными солдатами. Батареи конфедератов в упор расстреливали наступающие цепи северян, трудно было найти клочок земли, не изуродованный взрывом, не обожженный порохом, не политый кровью. Артиллерийские залпы мятежников вносили страшное опустошение в ряды наступающих, трудно было в этом кромешном аду заставить солдат идти вперед. И полки северян дрогнули. Мичиганский, Нью-Йоркский и Массачусетские белые полки, не выдержав страшного напряжения, повернули назад.

В этом штурме участвовали два негритянских полка, которые шли в первых рядах атакующих и тоже понесли огромные потери. Шесть раз негритянские полки бросались в отчаянные атаки, они сражались «с утра до 15 ч. 30 м. в самой ужасной резне которую только мог выдержать человек» — так описывал это сражение Г Алтекер, один из крупнейших американских историков, опубликовавший многочисленные труды по истории и современному положению негров.

Много лет спустя после этого героического сражения Дюбуа опубликует монографию, которая станет лучшим научным исследованием участия негров в гражданской войне и реконструкции^[1]. В этом монументальном труде Дюбуа так описывал участие негритянских полков в штурме Порт Хадсона: «Их знамена были в клочья разорваны выстрелами и буквально промокли от крови и мозга. Смертельно раненный сержант — знаменосец 1-го Луизианского полка — крепко прижал знамя к своей

груди, а два сопровождавших его цветных капрала начали борьбу за право нести это священное знамя».

Много было славных сражений, в которых прославились негритянские солдаты и офицеры, но, пожалуй, одним из самых тяжелых испытаний для них явился штурм форта Вагнер в июле 1863 года.

Гражданская война в США дала мощный толчок развитию военной техники и военного искусства. В ходе этой войны были усовершенствованы многие виды оружия, в первую очередь артиллерия, широко использовавшаяся во всех крупных сражениях. Особенно большое количество артиллерии было использовано в боях за форт Вагнер носивших исключительно упорный и кровопролитный характер. «Никогда ранее на Американском континенте не видели и не слышали о подобном ураганном огне тяжелой артиллерии», — писала газета Конфедерации. Только по одной из батарей за одиннадцать часов бомбардировки было выпущено не менее 9 тысяч снарядов.

Негритянские полки шли на штурм форта сквозь сплошную стену артиллерийского огня. Особенно отличился в этих боях негритянский полк, сформированный в родном штате Дюбуа — 54-й негритянский массачусетский полк. За двое суток тяжелого почти непрерывного марша, форсируя под проливным дождем топкое болото, полк сумел преодолеть значительное расстояние и вовремя занял отведенные ему позиции.

Во время штурма сильно укрепленного рабовладельцами форта полк понес огромные потери — из 600 человек личного состава полк потерял 250, погибли почти все офицеры, в том числе командир полка Роберт Шоу. Несмотря на огромные потери, боевой дух негров не был сломлен, 54-й полк успешно выполнил приказ командования.

Героическая дочь негритянского народа Гарриэт Табмен была очевидцем этого сражения. Она так описывала штурм форта Вагнер: «мы увидели молнии — то сверкал ружейный огонь, затем раздался гром — то грохотали пушки. Мы слышали звуки дождя — то падали капли крови, а когда мы пришли собрать урожай, то собирать пришлось только мертвых».

Многие негры с оружием в руках сражались за уничтожение рабства. Всего за время войны в армию Севера вступило около 200 тысяч негров, что составило более 12 процентов личного состава всей федеральной армии. Более 30 тысяч негров служили в военно-морском флоте, что составляло 25 процентов личного состава флота.

Негры подвергались в армии и во флоте жесточайшей дискриминации, и тем не менее 75 негров получили офицерские звания, 100 — унтер-офицерские. Четырнадцать негров были удостоены правительством США

«Медали чести».

Но многие герои-негры так и остались неизвестными, об их подвигах не писали в газетах, их имена не попали на страницы исторических исследований и не дошли до потомков. В частности, очень мало было известно о Гарриэт Табмен, жизнь которой была похожа на эпическую поэму.

Проявляя огромную смелость, находчивость, постоянно рискуя жизнью, Гарриэт Табмен в предвоенные годы совершила 19 поездок в самые отдаленные районы Юга, освободила и вывела на Север около 300 рабов и воодушевила на бегство тысячи других. 25 тысяч долларов назначили за голову этой бесстрашной женщины рабовладельцы. Табмен была человеком исключительной личной храбрости, «величайшей героиней своего времени», как назвал ее один из руководителей аболиционистов.

К настоящему времени во многих странах мира опубликованы работы о героической жизни Гарриэт Табмен, в которых о ней написано много хороших и справедливых слов. Но, по жалуй, наиболее яркие и проникновенные принадлежат Фредерику Дугласу, бывшему рабу, ставшему руководителем революционного крыла аболиционистского движения.

Дуглас прошел тернистый путь американского раба — он знал, что такое быть ребенком, лишенным материнской ласки, что такое голод, холод, каторжный труд на плантациях, избиения надсмотрщика. Дуглас мог с полным основанием сказать о себе: «Мои ступни настолько потрескались от мороза, что перо, которым я пишу, можно вложить в раны»^[2].

Такой человек мог оценить огромное значение для дела освобождения негров героических подвигов Гарриэт Табмен 29 августа 1863 года Фредерик Дуглас писал Табмен «За исключением Джона Брауна, священной памяти, я не знаю ни одного человека, который бы по собственной воле подверг себя большим испытаниям, опасностям и лишениям ради блага порабощенного народа, чем сделали вы. Большая часть сделанного вами покажется невероятной для тех, кто не знает вас так хорошо, как знаю я».

Гражданская война была крупнейшим революционным событием в истории США, и она наложила отпечаток на всю политическую и духовную жизнь страны, имела огромные социально-экономические последствия. И вполне естественно, что профессиональный историк, каким был по образованию и по призванию Уильям Дюбуа, не мог не относиться с живейшим интересом к этому периоду в истории страны.

Дюбуа родился через пять лет после окончания войны, он был

современником таких героев войны и борьбы за освобождение негров, как Гарриэт Табмен и Фредерик Дуглас.

К жизни и деятельности этих лучших представителей негритянского народа он навсегда сохранил живейший интерес, который отразился в его многочисленных произведениях.

По складу характера, по своим взглядам на жизнь Дюбуа был не только борцом за уничтожение всего, что мешало свободному, равноправному развитию негритянского народа. Дюбуа с огромным вниманием изучал творчество народных масс, все то новое, что рождала, в частности, борьба негров за завоевание равных с белыми прав во всех областях экономической, политической, общественной, духовной жизни.

Исключительно благодатный материал в этой связи давал период реконструкции, характеризовавшейся упорной и в ряде случаев успешной борьбой негров за свои права. «То была беспрецедентная в истории Америки попытка установить демократию», — скажет Дюбуа на склоне своих лет.

И это действительно был период, занимавший особое место в истории негритянского народа США. Важнейшим итогом гражданской войны явилось уничтожение рабства. Наконец-то сбылось то, за что на протяжении двух с лишним столетий боролись и умирали лучшие люди Америки, и негры и белые. Но освобождение негров в США еще раз доказало ту истину, что буржуазия не хочет, да и не может обеспечить полное освобождение угнетенного народа. И действительно, освободившись от рабства, негры не получили земли, не получили права голоса, не была ликвидирована дискриминация негритянского народа в различных областях жизни. Борьба с оружием в руках против рабовладельцев, революционное уничтожение рабства привели к, огромному росту общественного, политического самосознания негров. Было очевидно, что окончание гражданской войны являлось началом нового этапа борьбы за решение негритянской проблемы.

Активизация негритянского освободительного движения была тем более неизбежна, что в первые же месяцы после окончания гражданской войны плантаторы, использовав попустительство федеральных властей, обрушили на негров жесточайшие репрессии. Бывшие рабовладельцы дали новые неопровержимые свидетельства того, что, потерпев поражение в вооруженной борьбе, господствующие классы не прекращают борьбы, а изыскивают новые средства ее продолжения, соответствующие изменившимся условиям. Таким новым средством борьбы против негров и поддерживавших их радикальных элементов из белого населения явился контрреволюционный террор, охвативший все штаты бывшего

рабовладельческого Юга.

Рабовладельцы были разгромлены, но они не мыслили своего существования без принудительного труда и готовы были развязать новую войну, чтобы вновь загнать негров на плантации и заставить их работать за нищенское вознаграждение.

Мутная волна антинегритянского террора захлестнула Юг.

Чтобы заставить негров работать, плантаторы применяли самые изощренные пытки. Например, в Виргинии негров связывали и подвешивали на больших пальцах рук так, чтобы пальцы ног едва касались земли. В таком положении истязуемого держали, до тех пор, пока он не соглашался работать за установленную плантаторами плату.

Сразу же после войны плантаторы взяли курс на восстановление если не формального, то фактического рабства. И главным средством достижения этой цели был террор. В 1865 году сразу же после окончания гражданской войны на Юге появились бесчисленные «Огненные кресты», «Белые камелии», «Белые лиги», «Южные кресты», «Белые братства», «Рыцари восходящего солнца», «Белые рыцари». Все эти организации объединяли рыцарей плаща и кинжала — террористические антинегритянские элементы. Формировались эти организации не только из среды плантаторов, но и в значительной своей части из деклассированных элементов и белых бедняков.

В том же 1865 году в штате Теннесси появилась террористическая организация, которой суждено было пережить эпоху, породившую ее, сохраниться до наших дней и превратиться в своеобразный «национальный институт». Речь идет о печально известном Ку-клукс-клане.

Террористы из Ку-клукс-клана и других военно-заговорщицких организаций не ограничивались, осуществлением террористических актов против отдельных негров и их белых союзников. Постепенно они стали переходить к коллективному террору, к организации массовых погромов.

За свою долгую жизнь Уильям Дюбуа был свидетелем многих негритянских погромов. Он хорошо знал весь ужас жертв, обреченных на расправу озверевшей толпой. На протяжении многих лет редактируя негритянский журнал «Крайсис», Дюбуа вел и публиковал статистику линчеваний негров, методы и средства расправы садистов-линчевателей с неграми описаны во многих его работах.

В первом томе своей трилогии «Черное пламя» Дюбуа так описывал линчевание негритянского профсоюзного руководителя на Юге в период реконструкции: «Тома Мансарта вытащили из коляски и бросили у дверей его дома. Он упал с распростертыми руками, широко раскрыв налитые

кровью глаза. Вспыхнул и прогремел залп сотни ружей, и свинцовый град впился в стену дома, превратив тело Мансарта в бесформенную, окровавленную массу. Три звука прорезали холодный мрак ночи: предсмертный вопль, крик роженицы и плач новорожденного (сына Мансарта. — Р. И.).

Внутри дома высокая негритянка... ни на минуту не отходила от женщины, которая корчилась в родовых муках на постели. Наконец, успокоив молодую мать, она взяла на руки ребенка. Прижимая дитя к груди, старуха вышла за дверь и молча помазала лобик новорожденного кровью его отца. Затем, перешагнув через окровавленные внутренности, она, причитая, понесла младенца в ночную тьму».

В основе антинегритянского террора на Юге лежала отнюдь не расовая ненависть к неграм. Организаторы этого террора преследовали конкретные и далеко идущие цели; свести на нет завоевания негритянского народа, достигнутые в годы гражданской войны, ввести на юге принудительный труд для бывших рабов, запугать негров и их белых союзников-республиканцев и полностью восстановить свою власть на Юге. Это была своеобразная программа-минимум. В перспективе бывшие рабовладельцы рассчитывали на базе борьбы против негритянского движения на Юге и рабоче-фермерского движения на Севере создать прочный блок с контрреволюционной буржуазией северных штатов и попытаться занять в этом блоке господствующие позиции, что было равносильно реставрации в измененных условиях господствующего положения плантаторов во всей стране.

Чарлз Самнер, лидер радикальных республиканцев в конгрессе, выступавших за революционное решение проблем реконструкции, 6 февраля 1866 года говорил о власти плантаторов на Юге: «Республика — это пирамида, покоящаяся на основании из широких народных масс. В данном случае пирамида балансирует на своей вершине. Называть подобное правительство «республиканским» — насмешка над здравым смыслом и благопристойностью».

Шаг за шагом плантаторы укрепляли свое господство на Юге. Важнейшим средством для этого являлось сохранение в руках бывших рабовладельцев владения землей, жесточайший вооруженный террор против негров и белых республиканцев, «Черные кодексы», регламентировавшие каждый шаг бывших рабов, законы о бродяжничестве, законы об ученичестве — вся политическая и экономическая система в южных штатах, направленная на второе издание рабства негров.

Казалось, не было силы, способной противостоять хорошо

организованным и вооруженным плантаторам и их политическим союзникам из южных и северных штатов. Мало кто из современников верил в то, что вчерашние рабы, в своем подавляющем большинстве неграмотные, не имеющие фактически никакого опыта политической борьбы, не располагавшие никакими экономическими позициями, смогут оказать серьезное сопротивление мощным силам, развертывавшимся на Юге.

Жизнь опровергла эти скептические предположения. Негры вели успешную борьбу за землю и в некоторых районах силой захватили и на протяжении многих лет удерживали земли бывших рабовладельцев, организовав там успешно функционировавшие местные органы власти.

В первые же послевоенные месяцы в южных штатах стали создаваться политические и военные организации негров. Уже в августе 1865 года на Юге были созданы первые негритянские конвенты, которые выдвинули программу решения негритянской проблемы на базе осуществления в южных штатах основных требований буржуазно-демократической революции.

Негритянские народные конвенты явились важной политической школой для негров. Многие крупнейшие лидеры негров периода реконструкции и в более поздние годы получили первые навыки политической деятельности, активно участвуя в работе этих конвентов. Среди них были Томас Холмз, Роберт Деларж, Иоган Гиббс, Френсис Кардозо, Алонзо Ранзир, Ричард Кейн и многие другие.

Это были негритянские руководители новой формации, порожденные революционным периодом гражданской войны и реконструкции, которые передали свой опыт борьбы за интересы народа последующим поколениям борцов за освобождение негров, среди которых был и Уильям Дюбуа. В научных, художественных и публицистических работах Дюбуа часто встречаются имена этих лидеров негров периода реконструкции, которые сыграли важную роль в решении сложных задач, поставленных перед неграми послевоенной эпохой.

Еще в годы гражданской войны были образованы первые лиги сторонников Союза, объединявшие сторонников решительного разгрома рабовладельцев. В годы реконструкции во всех южных штатах неграми были созданы многочисленные аналогичные лиги, которые часто называли юнионистскими. Эти юнионистские лиги были наиболее массовыми организациями негров, и они сыграли особенно важную роль в борьбе негритянского народа за свои права.

Юнионистские лиги, получившие позднее централизованное

руководство, были прообразом будущих организаций негров и их белых союзников, в работе которых принимали активное участие многие лидеры негров и среди них Уильям Дюбуа.

В первые месяцы после окончания гражданской войны при юнионистских лигах для борьбы с террористическими организациями плантаторов негры сформировали вооруженные боевые дружины, стрелковые клубы и отряды милиции. Главную роль в этих отрядах самообороны играли негры — ветераны гражданской войны. Негритянская милиция давала решительный вооруженный отпор плантаторской реакции.

В своих работах Дюбуа неоднократно писал о том, что буржуазия Севера, боясь укрепления власти плантаторов на Юге, вынуждена была опереться на негров в проведении буржуазно-демократических преобразований в южных штатах, направленных на ограничение власти бывших рабовладельцев.

Важнейшим средством укрепления своих позиций в бывших рабовладельческих штатах радикальные республиканцы считали предоставление права голоса негритянскому населению Юга. После упорной борьбы буржуазия Севера, напуганная перспективой полного захвата власти на Юге бывшими рабовладельцами, терзаемая тысячью сомнений, дала согласие на предоставление избирательного права неграм. Это случилось в 1868 году. «В том году, когда я родился, — писал Дюбуа, — освобожденные рабы Юга получили избирательные права и впервые приняли широкое участие в управлении страной. Во всех южных штатах были созданы учредительные собрания, в которых заседали и представители негритянского народа».

В получении права голоса негры видели большое политическое завоевание, и они были полны решимости сохранить это завоевание даже силой оружия, если это потребуется.

Сотни тысяч негров, преодолев огромные трудности, приняли участие в избирательных кампаниях и помогли республиканцам утвердиться у власти в южных штатах и одержать победу на выборах в конгресс.

Впервые в истории США многие негры были избраны в местные и центральные органы власти. В частности, за годы реконструкции 14 негров было избрано в палату представителей и два в сенат США. Казалось невероятным, что в законодательных собраниях южных штатов плантаторы, никогда не считавшие негров за людей, вынуждены были сидеть рядом с ними на депутатских скамьях.

Вчерашние рабы, неграмотные и забытые нуждой, стали активными участниками решения сложнейших государственных вопросов. Для негров

это было необычное и нелегкое дело. Дюбуа так описывал переживания героя одного из своих произведений, бывшего раба, избранного членом законодательного собрания Южной Каролины: «Онемев от восторга, разглядывал он высокий куполообразный потолок, сверкавший позолотой: стены с панелями из дорогого дерева, где висели картины, изображавшие гордых, высокомерных людей; депутатские скамьи, поднимавшиеся амфитеатром. На них сидели, развалясь или облокотившись, какие-то люди, вернее, не просто люди, а больше сотни людей всех оттенков кожи: черные, коричневые, желтые, кремовые и белые. У Тома широко раскрылись глаза при виде столь невероятного зрелища. Правда, он и прежде слышал, что так бывает, но раньше до сознания его не доходило, что цветные и белые могут сидеть вот так, вместе.

Какой-то негр, сидевший на возвышении, кивнул головой белому, разрешая тому говорить. Мулат прервал его, задав вопрос... Сердце Тома вот вот готово было выскочить. Тут был совсем иной мир. Люди здесь оставались людьми, несмотря на то, что одеты они были по-разному и не все одинаково успешно справлялись с грамматикой».

Не только противники негров, но и многие из тех белых, кто сочувственно относился к бывшим рабам, не были уверены в способности негров успешно работать в органах государственной власти, осуществлять самоуправление, учиться в школах, колледжах и университетах. Это было проявлением твердо укоренившегося и широко распространенного среди значительной части белого населения мнения о мнимой неполноценности негритянской расы.

Период реконструкции опроверг это мнение. Негры активно участвовали в работе органов управления в южных штатах, что сыграло важную роль в осуществлении многих прогрессивных мероприятий, проведенных на Юге в эти годы. И уже сам факт активного участия негров в политических кампаниях был событием огромного значения, так как впервые в истории США бесправные негры получили возможность принять участие в политической жизни и государственном управлении.

Активное участие негров в политической и общественной жизни южных штатов озлобило не только южных демократов, партию бывших рабовладельцев. Росло беспокойство буржуазии Севера. Правящие круги США с возрастающей тревогой следили за ходом событий на Юге, развитие которых сокрушало те узкие рамки, в которые консервативные элементы Севера хотели бы втиснуть реконструкцию Юга.

Реконструкция была блестящей школой для негров. Из их среды за эти годы выдвинулись способные, инициативные и со временем получившие

значительный опыт политические деятели, внесшие большой вклад в осуществление программы реконструкции. Были, конечно, среди негритянских деятелей» полуграмотные и даже неграмотные люди, но недостаток образования они компенсировали прекрасным знанием условий жизни своего народа, его нужд и требований, горячим желанием беззаветно служить его интересам. Можно с полным основанием сказать, что за годы реконструкции негры в своем политическом, общественном и культурном развитии добились больших успехов, чем за несколько столетий пребывания в рабстве.

Сторонники расовой неполноценности негров готовы признать, что среди негров могут быть талантливые одиночки, не уступающие в своем интеллектуальном развитии белым. Но, заявляют они, это только исключение. Они готовы признать талантливость Уильяма Дюбуа, но спешат оговориться, что это необычное явление для массы негритянского народа.

История негров в период реконструкции опровергает эти утверждения. Достаточно привести имена крупнейших деятелей негритянского движения периода реконструкции, перечислить их достоинства, чтобы сделать вывод, что у Дюбуа были многочисленные предшественники в лице негритянских лидеров этого периода. И сам Дюбуа как бы аккумулировал все те лучшие качества, которые были присущи многим поколениям негритянских лидеров, — беззаветная верность интересам своего народа, гордость за великую и многострадальную историю негров, внесших огромный вклад в создание и развитие великой североамериканской республики, в развитие ее огромных производительных сил, в науку, искусство, культуру, в формирование революционных традиций американского народа.

Из среды негров за годы реконструкции выдвинулась целая плеяда талантливых государственных, политических и общественных деятелей, некоторые из них. были люди с университетским образованием, окончившие университеты за границей.

Южная Каролина была важнейшим центром рабовладельческого Юга, она первой зажгла пламя гражданской войны. И было какое-то историческое возмездие в том, что в период реконструкции Южная Каролина стала самым важным центром политической и общественной активности негров. В этом штате выдвинулись многие руководители негров, слава о которых распространилась далеко за пределами штата.

Широкой известностью в Южной Каролине пользовался Самуэль Ли. Этот негр, бывший рабочий лесопильного завода, занимался самообразованием и стал хорошим юристом. В 1872–1874 годах он был

спикером палаты представителей в законодательном собрании штата.

Общественной известностью пользовался другой известный лидер негров Южной Каролины, Френсис Кардозо, священник пресвитерианской церкви, получивший образование в университетах Глазго и Лондона. С 1868 по 1872 год Кардозо был секретарем штата, а с 1872 по 1876 год — казначеем Южной Каролины. Он отличался безукоризненной честностью в исполнении своих служебных обязанностей.

Стефан Свейлз, негр-учитель из Пенсильвании, в годы войны с оружием в руках сражался против рабовладельцев. После войны он переехал в Южную Каролину, где был избран секретарем штата. Свейлз прославился как прекрасный оратор и человек исключительной честности.

Лидер негров Роберт Смоллс получил широкую известность еще в годы гражданской войны. Смоллс служил матросом на пароходе мятежников «Плантер». Проявив исключительное мужество, он привел пароход к месту расположения флота Севера. Морской министр США докладывал, что сведения, доставленные Смоллсом, позволили федеральным вооруженным силам захватить важные позиции противника.

Личное обаяние, тесные связи с широкими народными массами, громкая слава героя гражданской войны — все это сделало Смоллса одним из самых популярных и любимых руководителей негров. В 1875 году Смоллс был избран в палату представителей конгресса США и находился на этом посту до 1879 года. Популярность Смоллса в Южной Каролине была столь велика, что и после победы реакции на Юге он был избран в конгресс и занимал этот пост с 1881 по 1887 год.

Джезеф Рейни был первым представителем негров Южной Каролины в конгрессе США. Большой известностью пользовался Роберт Эллиот, дважды избиравшийся в конгресс США. Блестящий оратор и крупный специалист права, он пользовался исключительно большим авторитетом среди негров. Всегда собранный, подтянутый, в отлично сшитом платье, обладающий безукоризненным английским произношением и безупречными манерами, Эллиот всем своим видом и манерой держаться внушал к себе уважение окружающих.

Ричард Кейн, негритянский священник из Виргинии, оставил свой церковный приход и приехал в Южную Каролину, где проходил передний фронт борьбы за права негров. Кейн дважды избирался в конгресс — в 1873–1875 годах и в 1877–1879 годах и был членом сената Южной Каролины и руководителем «Миссионери Рекорд» — наиболее влиятельной негритянской газеты штата. Позднее Ричард Кейн получил сан епископа.

Портной из Чарлстона Роберт Деларж был членом законодательного собрания Южной Каролины, а в 1871–1873 годах представлял штат в конгрессе США.

Другой крупный руководитель негров Южной Каролины, Алонзо Ранзир, до войны был свободным негром. Сразу же после окончания гражданской войны он принял активное участие в осуществлении реконструкции. Ранзир был избран членом конституционного конвента и позднее выполнял обязанности финансового ревизора в округе Чарлстон В 1870 году Ранзир был избран помощником губернатора штата, а в 1872 году — членом конгресса США. Исключительная энергия, целеустремленность, полная отдача всех сил делу борьбы за интересы негритянского народа сыскали этому лидеру большой авторитет среди всех слоев негритянского населения.

Многие выдающиеся руководители из среды негров выдвинулись за годы реконструкции в штате Луизиана, и значительная часть этих руководителей в прошлом была рабами. Беглый раб Оскар Данн стал председателем сената Луизианы и был в 1868–1870 годах помощником губернатора штата. Оскар Данн отличался исключительной смелостью, твердостью и честностью. Даже политические противники негров признавали его неподкупность. Данн скоропостижно скончался в 1871 году, неожиданная смерть этого талантливого политического деятеля вызвала глубокую скорбь среди негров.

Известным негритянским политическим деятелем в Луизиане был и мулат Пинчбэк, уроженец Джорджии, получивший образование в Цинциннати. Он был активным участником гражданской войны и дослужился до звания капитана федеральных вооруженных сил. Это был хорошо образованный и опытный политический деятель, но в отличие от твердого и прямолинейного Оскара Данна Пинчбэк был типичным практичным политиком и для реализации своих планов нередко прибегал к политической игре. Пинчбэк стал преемником Данна на посту помощника губернатора и в течение 43 дней исполнял обязанности губернатора штата. Это был единственный негр-губернатор на протяжении всей истории США.

Много негров во всех штатах Юга участвовали в борьбе за осуществление насущных нужд негритянского населения, занимая должностные посты в органах местного самоуправления. Это была не столь броская, незаметная, повседневная кропотливая работа, направленная на реализацию решений, принятых конгрессом и законодательными собраниями. Дело это было не только трудным, но и далеко не безопасным. Многие негры, активные участники борьбы за права негритянского

населения в округах и муниципалитетах, пали жертвами террора Ку-клукс-клана.

Вся жизнь Дюбуа, вся его деятельность борца против расовой дискриминации и сегрегации — это непрерывные поиски наиболее правильного, эффективного пути к конечной цели, заключавшейся в достижении полной свободы для своего народа, в ликвидации всех проявлений расовой и национальной нетерпимости. Семьдесят с лишним лет Дюбуа был в рядах самых активных борцов за интересы негритянского народа. За эти годы возникали и, не выдержав жестокого столкновения с жизненной реальностью, распадались течения, направления, организации борцов за освобождение негров. Разные пути и средства борьбы за уничтожение расового неравенства выдвигались на передний план в различные исторические периоды, и одной из наиболее распространенных точек зрения, лежавших в основе практической деятельности многих руководителей негров, была убежденность, что от всех бед и страданий негритянский народ спасут «талантливые десять процентов».

Эта теория была сформулирована Дюбуа еще в его книге «Души черных людей», опубликованной в 1903 году. Дюбуа и его последователи были искренне убеждены, что избранная элита талантливых негров-интеллигентов призвана повести за собой и возглавить негритянское движение, что мелкобуржуазные негритянские интеллигенты — естественные руководители негров и деятельность их надо всемерно поощрять и стимулировать.

Все сказанное не означает, что Дюбуа был сторонником примитивной, антиисторической теории героев и толпы. Бесспорно то, что Дюбуа на протяжении полувека искренне и глубоко верил в особую миссию негритянской мелкобуржуазной интеллигенции.

Почетный председатель Компартии США Уильям Фостер отмечал: «Только в 1952 г., на основе горького опыта, приобретенного за много десятилетий сотрудничества с оппортунистическими буржуазными элементами и на основе растущего убеждения в том, что надежной руководящей силой негритянского народа является негритянский пролетариат, Дюбуа отказался от своей теории «талантливых 10 процентов».

Но и в рамках этой ошибочной теории Дюбуа и его сторонники проводили огромную работу в направлении радикального решения негритянской проблемы. В частности, Дюбуа был глубоко убежден, что только тот, кто вооружен знаниями, может успешно бороться за свое освобождение, что негритянская интеллигенция призвана сыграть

решающую роль в распространении знаний среди широких слоев негров.

Дюбуа и другие прогрессивные руководители негритянского движения внесли огромный вклад в дело негритянского народного образования. Художественные, научные, публицистические произведения Дюбуа настойчиво пропагандировали необходимость развития образования среди негров.

Дюбуа подчеркивал, что одним из самых тяжелых ударов по утверждениям расистов о мнимой неполноценности негров являются их успехи в деле образования, науки, искусства. Он призывал негров тщательно изучать и широко пропагандировать достижения негритянского народа в этих областях, использовать все лучшее из опыта прошлого для практической работы в этом направлении в современных условиях. Сам Дюбуа делал это повседневно и с большим искусством. Дюбуа, в частности, многое сделал для изучения истории негритянского образования, особенно в годы реконструкции.

Период реконструкции занимает особое место в истории негритянского народа и потому, что за этот короткий двенадцатилетний период в негритянских районах Юга, несмотря на огромные трудности, были достигнуты исключительно большие успехи в деле негритянского народного образования.

Огромная работа была проделана на Юге по созданию школ для негров. Дюбуа, много сделавший для изучения этой проблемы, с полным основанием пришел к выводу, что «каждый цент, потраченный на негритянские школы, был взят из негритянской ренты и заработной платы».

Характерно, что правительства реконструкции поставили и в ряде случаев успешно разрешили проблему, которая сегодня, спустя столетие, все еще ждет своего решения на Юге США. Речь идет о создании смешанных школ для белых и черных детей в южных штатах. Сопrotивление решению этой проблемы было большое. В Луизиане, например, дети губернатора штата негра Пинчбэка сопровождались в школу под охраной полицейских. Но как только они удалялись, дети губернатора часто вынуждены были бегством спасаться от погромщиков-расистов, не допускавших их в школу.

Но важно отметить, что там, где неграм удалось добиться совместного обучения белых и черных детей, смешанные школы функционировали успешно и между учениками не чувствовалось никакой вражды.

Негритянские школы были одним из важнейших объектов террора со стороны Ку-клукс-клана и других террористических организаций. Многие активные деятели негритянского образования стали жертвами этого

террора. О подобных фактах довольно часто сообщала пресса демократов, рассчитывая таким путем запугать учителей и учащихся негритянских школ.

Убийство учителей, поджоги школ были обычным явлением на Юге, в ряде районов в период плантаторской реакции 1870–1871 годов были сожжены все негритянские школы. «Это образчик варварства, равного которому нет в летописях ни одной нации мира. Не знаю, где еще могло случиться нечто подобное. Я уверен, что, если подобные факты совершаются безнаказанно, значит цивилизация обанкротилась, и все наши законы стоят не больше, чем бумага, на которой они написаны», — говорил в сенате США Джон Шерман.

И, несмотря на все трудности, дело негритянского образования на Юге успешно продвигалось вперед. В 1860 году, накануне гражданской войны, в рабовладельческих штатах Юга обучалось в негритянских школах 1088 человек, в 1870 году — 108 420, а в 1876–1877 годах — 526 469 человек.

Огромная тяга к знаниям и необходимость преодоления колоссальных трудностей на пути к ним были характерны не только для негров Юга, но и для тех негров, которые проживали в северных штатах. Путь в науку Уильяма Дюбуа был в этом отношении очень типичен для негров Севера. Блестящие способности, огромное стремление к знаниям и поразительное трудолюбие Дюбуа не являлись достаточной гарантией для продолжения образования после окончания школы. Дюбуа неоднократно отмечал, что только счастливые случайности помогли ему выхлопотать стипендии, без которых не могло быть и речи о возможности продолжать учебу.

Причин, создававших эти трудности на жизненном пути Дюбуа, было главным образом две — бедность и негритянское происхождение. Причем очень трудно определить, какую из них надо было поставить на первое место, и та и другая имела решающее значение.

Чернокожий предок Уильяма Дюбуа по материнской линии родился в Западной Африке около 1730 года. Еще ребенком он был похищен голландскими работорговцами и привезен в Северную Америку, в долину Гудзона. Негритянскому мальчику дали имя Том, а когда он подрос, то по установившейся традиции принял фамилию своих хозяев Бургхардтов, в услужении у которых он находился. Это было богатое белое семейство голландского происхождения. Молодой негр не был рабом этого семейства, не был он и свободным человеком. По букве закона Том Бургхардт не был рабом, но это ни в коей мере не влияло на его положение по сравнению с рабами, так как молодой негр был столь же бесправен, как и настоящие рабы.

Подобное положение негров не являлось исключением, многие тысячи негров в штатах Севера, не будучи юридически рабами, фактически являлись полной собственностью своих хозяев. И когда семья Бургхардтов переехала из долины Гудзона в штат Массачусетс, вместе с нею отправился и Том.

Война североамериканских колоний Англии за независимость (1775–1783) сыграла важную роль в судьбе многих негров, в том числе и Тома Бургхардта. История негритянского народа США — это история никогда не прекращавшейся борьбы негров сначала против рабства, а потом за уничтожение расового неравенства. И на всех крутых поворотах американской истории, когда решалась судьба государства, когда заинтересованность в неграх возрастала, широкие массы негров принимали активное участие в событиях, надеясь таким путем добиться коренного улучшения своего положения.

Когда началась война за независимость, негры североамериканских колоний Англии выступили в революционной борьбе на стороне колоний, надеясь, что победа революции приведет к освобождению рабов. Показательно, что первой жертвой революционной войны за независимость, первым человеком, убитым в открытом бою, был негр-моряк Криспус Аттокс, погибший 5 марта 1770 года. Сорокасемилетний Аттокс возглавил демонстрацию рабочих Бостона, протестовавших против господства англичан. Английские войска расстреляли эту демонстрацию. В память о событиях 5 марта в Бостоне был воздвигнут монумент Аттоксу и его погибшим товарищам. Этот монумент до сих пор украшает одну из площадей города.

Одной из наиболее распространенных форм протеста негров рабов против рабства в годы войны за независимость было массовое бегство с плантаций. За годы войны, по самым скромным подсчетам, около ста тысяч, то есть примерно 20 процентов всех рабов, бежали от рабства.

Негры горели желанием с оружием в руках сражаться против англичан, но руководители американской революции испытывали серьезные сомнения в целесообразности столь рискованного, по мнению многих из них, шага, как предоставление неграм оружия. И только под давлением военной необходимости, в силу серьезной обстановки, сложившейся на фронте, главнокомандующий революционной армии Джордж Вашингтон дал согласие на включение свободных негров в его армию. В годы войны не велось учета числа негров, сражавшихся против англичан. Но считают, что в составе 300-тысячной армии Вашингтона их было не менее 5 тысяч.

Негры-солдаты героически сражались на фронтах войны за независимость, особенно они отличились в битвах у Лонг-Айленда, Ред-Бэнка, Род-Айленда, Саванны и Монмаута. Один из участников войны за независимость так описывал роль негритянских войск в сражении у Лонг-Айленда: «Три раза подряд их атаковали с возрастающей яростью хорошо обученные, дисциплинированные войска противника, и все три раза они успешно отразили штурм, чем спасли нашу армию...»

Имена многих негров, наиболее отличившихся в боях, вошли в историю. Среди них Сэлем Пур, проявивший исключительный героизм, о награждении его перед конгрессом ходатайствовали 14 командиров армии Вашингтона. Джеймс Армистид, бесстрашный разведчик, храбрость и находчивость которого спасла от разгрома армию Лафайета. В историю войны за независимость вошло имя и солдата-негра Принса, захватившего в плен английского генерала Ричарда Прескотта.

Война североамериканских колоний Англии завершилась разгромом англичан и созданием первого на Американском континенте независимого государства — Соединенных Штатов Америки. Однако надежды негров и многих радикально настроенных белых не оправдались. Первая американская революция не уничтожила рабства негров.

Тем не менее война привела к серьезным сдвигам в решении негритянской проблемы: было уничтожено рабство в северных штатах, число свободных негров значительно увеличилось и за счет бывших рабов, сражавшихся за независимость в составе армии Вашингтона.

Среди последних был и Том Бургхардт, который уже немолодым человеком вступил в революционную армию и принял участие в войне за независимость, что позволило ему и его семье окончательно освободиться от рабства.

Как правило, — негры — участники войны за независимость находились на наиболее радикальных позициях. Одной из причин этого являлось то, что все негритянское население североамериканских колоний выступало за уничтожение рабства, а среди белых руководителей революционной армии за независимость лишь немногие последовательно отстаивали требование освобождения негров-рабов.

Вполне естественно, что и после окончания войны негры, не добившись уничтожения рабства в цитадели рабовладения, в южных штатах, принимали активное участие в выступлениях демократически настроенных народных масс. В частности, в таком крупнейшем выступлении, как восстание Шейса.

Характерно, что один из сыновей Тома Бургхардта был участником

этого восстания, вспыхнувшего в штате Массачусетс в 1786 году. Этим восстанием фермеров и ремесленников руководил активный участник войны за независимость бывший капитан революционной армии Даниель Шейс. Восставшие, поддержанные неимущими слоями населения других штатов, требовали равного распределения земли и богатств, отмены долгов и справедливого судопроизводства.

Активные выступления масс в поддержку восставших происходили во многих городах Массачусетса, в том числе и на родине Дюбуа в Грейт-Баррингтоне. Плохо вооруженные отряды Шейса в феврале 1787 года были разбиты, руководители восстания преданы суду, 13 из них, в том числе и Шейс, были приговорены к смертной казни. Однако впоследствии под давлением демократической общественности они были помилованы.

Тот факт, что в восстании Шейса активно участвовали негры, являлся свидетельством широкого распространения боевых демократических настроений среди негритянского населения. И одной из важнейших причин этого было тяжелое положение, в котором находились широкие массы негритянского населения Севера. Социально-экономические процессы, происходившие после войны, вели к быстрому ухудшению положения негров. Примером этого была и семья Бургхардтов.

Потомки Тома Бургхардта прожили в Грейт-Баррингтоне поколение за поколением около двухсот лет. Они были фермерами, и обработка земли служила им довольно устойчивым источником существования.

Три семьи Бургхардтов составляли своеобразную общину, просуществовавшую довольно длительное время. Но постепенно эта община стала распадаться, так как обеспечивать сносные условия для существования, занимаясь сельским хозяйством, становилось все труднее. «Одни подались в долину Коннектикут, другие двинулись на Запад, многие разъехались по городам, где шли в работники или нанимались прислугой», — так описывал Дюбуа распад общины Бургхардтов. Распад этот был закономерным и широко распространенным в те времена явлением среди негритянских семей.

В южных штатах негров эксплуатировали в условиях рабовладельческой системы, а позднее в гнетущей обстановке расового угнетения и жесточайшего антинегритянского террора, установившихся после реконструкции.

На свободном Севере все более быстрыми темпами развивались процессы, неумолимым следствием которых была ликвидация независимых фермерских хозяйств. Свободные негры-фермеры разорялись, переселялись в города, пополняя ряды низкооплачиваемых рабочих,

нанимаясь в качестве прислуги в дома белых, шли работать официантами, кельнерами, поварами. Особенно много негров было в различных сферах услуг, что стало своеобразной негритянской профессией.

Положение Бургхардтов было во многом типично для тысяч и тысяч негритянских семей Севера. Дюбуа, тщательно исследовавший генеалогию своего рода, отмечал, что среди Бургхардтов были фермеры, цирюльники, официанты, повара, горничные, рабочие, держатели тракторов, владелец прачечной, пономарь. Некоторые из них были достаточно зажиточные люди, но, так же как и подавляющее большинство негров, мало кто из родных Дюбуа получал какую-либо техническую специальность, становился коммерсантом, врачом или юристом. Рассказывая о жизни своих предков, Дюбуа делал вывод: «Подняться до такой работы, которая давала бы надежду на более обеспеченное будущее, для негра было нелегко».

Образование, как правило, было недоступной роскошью для негров. Дети Бургхардтов, например, учились в школе обычно ровно столько, чтобы научиться читать и писать. Дюбуа был первым Бургхардтом, окончившим среднюю школу. Факт очень показательный. Понадобилось целое столетие, чтобы для потомка Тома Бургхардта, участника войны за независимость, создались условия для завершения среднего образования.

Мать Дюбуа, внучка Тома Бургхардта, выросла в большой семье, в которой было более десяти детей. Дюбуа вспоминал, что его бабушка по материнской линии Сэлли, высокая, энергичная женщина с ястребиным лицом, была негритянкой, в жилах которой текла голландская и, пожалуй, индийская кровь, остальные члены семьи были чернокожими.

Дюбуа оставил яркий, запоминающийся портрет своей матери Мэри Бургхардт: «У моей матери была гладкая, блестящая кожа цвета бронзы и красивые глаза. Ее волосы слегка курчавились, лицо было продолговатое и доброе, выражавшее бесконечное терпение. Однако за этой кротостью скрывалась большая твердость характера».

В 1867 году в возрасте 35 лет она вышла замуж за Элфрида Дюбуа, потомка французского эмигранта-гугенота, переселившегося в США в начале XVIII века. Социальное происхождение отца Дюбуа точно определить не удалось. Белые потомки Дюбуа утверждают, что три брата Дюбуа, выехавшие из Франции, были аристократами. Сам Дюбуа склонен был считать, что братья Дюбуа были ремесленниками.

В 1803 году родился дед Уильяма Дюбуа Александр, отцом которого был потомок одного из братьев-гугенотов, а матерью черная женщина. Дед Дюбуа Александр после смерти своего отца должен был оставить школу и

пойти в обучение к сапожнику. Но восемнадцатилетнего юношу не привлекала эта профессия, он покидает США и направляется на Гаити.

Александр Дюбуа прожил на Гаити с 1821 по 1830 год, чем он там занимался, неизвестно, трудно определить и его имущественное положение. Ничего не известно также и о женщине, на которой он женился, но есть основания предполагать, что это была дочь Эли Дюбуа, известного деятеля просвещения на Гаити. От этого брака в 1825 году у них родился сын Элфрид, отец Уильяма Дюбуа.

В 1830 году дед Уильяма Дюбуа возвратился в США. Спасаясь от дискриминации негров, Александр Дюбуа в 1856 году переехал в г. Спрингфилд, штат Массачусетс, и работал главным стюардом на пассажирском пароходе, плававшем между Нью-Хевеном и Нью-Йорком.

Материально семья деда Уильяма Дюбуа была достаточно хорошо обеспечена, но Александр Дюбуа был негром со всеми вытекающими отсюда последствиями. «Я видел деда лишь однажды, — вспоминал Уильям Дюбуа. — Мне тогда было пятнадцать, ему семьдесят семь лет. Он всегда держал голову высоко, был горд, имел мало друзей. Он не был «негр» — он был человек! И все-таки обстоятельства были сильнее его. В то время, как и теперь, цветной мог либо иметь друзей только среди цветных, либо не иметь их вовсе; он мог жить либо в мире цветных, либо в одиночестве».

В этих словах Дюбуа ярко отображена суровая действительность «свободных» северных штатов. Даже образованный и состоятельный негр был парнем на Севере, круг его знакомств и интересов неизбежно должен был замыкаться узким миром цветных независимо, был ли он негром или мулатом, основанием для общественного остракизма служило даже отдаленное родство с неграми.

Александр Дюбуа был достаточно образованным по тому времени и начитанным человеком, он прошел большую жизненную школу, был энергичен, трудолюбив, требователен к себе и окружающим, обладал большим чувством человеческого достоинства. Таким людям было особенно тяжело, когда они сталкивались с расовой дискриминацией. Но избежать ее было невозможно, если человек не хотел обречь себя на полную изоляцию от окружающих.

Был, конечно, и другой путь — борьба против расовой дискриминации. Александр Дюбуа был молчаливым, ожесточившимся и суровым человеком. Он не относился к числу тех, кто быстро сближается с окружающими, и ему нелегко было стать на путь борьбы против дискриминации, так как для этого надо было войти в контакт с другими

единомышленниками. Но нашлись люди, которые за внешней суровостью разглядели в Александре Дюбуа сильный и честный характер, увидели в нем готовность активно бороться за интересы негритянского народа. Возвратившись в США, дед Уильяма Дюбуа принял участие в борьбе против дискриминации негров.

Уильям Дюбуа очень мало знал о своем отце Элфриде Дюбуа. Ему было только известно, что он приехал с дедом Александром с Гаити, было неизвестно, где и как он учился, чем занимался с 18 до 35 лет. На фотографии, подаренной Элфридом матери Уильяма Дюбуа, он был сфотографирован в форме солдата федеральной армии периода гражданской войны. Но служил он в негритянском или белом полку, и как долго, тоже было неизвестно.

Элфрид был вспыльчивый и неуравновешенный человек. Дюбуа писал о нем: «Мой отец согнулся пред волей своего родителя, но не сломился. А лучше бы сломился. Он уступал, потом вспыхивал, потом просил прощения, не помня за что. Отец стал любимцем, которого держали в ежовых рукавицах, и он, протестуя, убегал из дома, где-то бродяжничал, любил женщин и в конце концов женился на моей темнокожей матери.

В 1867 году отец приехал в Грейт-Баррингтон. Он был невысок, хорошо сложен, с приятным смуглым лицом, едва тронутым солнцем. Лишь волнистые волосы указывали на его родство с Африкой. По натуре он был, как мне кажется, мечтателем — романтичным, ленивым, добрым человеком, на которого нельзя положиться. В нем было что-то от поэта, у него была натура искателя приключений, бродяги. Таким его сделала жизнь, его окружавшая, и жизнь эта дала ему слишком мало».

По укоренившейся традиции к мулатам, особенно светлокожим, многие негры относились с предубеждением. Объяснялось это тем, что, не имея ярко выраженных внешних признаков негритянской расы, они зачастую скрывали свое происхождение и с пренебрежением относились к своим чернокожим братьям.

По этой причине или потому, что Элфрид Дюбуа был отнюдь не завидным женихом: у него не было работы и ни гроша в кармане, во всяком случае, семейство Бургхардтов невлюбило мужа Мэри Бургхардт. Элфрид и Мэри сняли помещение в одном из домов Грейт-Баррингтона, где и родился Уильям Дюбуа. После рождения Уильяма, ставшего предметом восхищения всей родни, взаимоотношения молодой семьи с родственниками жены несколько нормализовались, но не настолько, чтобы Элфрид смог войти в семью черных Бургхардтов.

Со всей настоятельностью возникал вопрос, где и на какие средства

будет жить молодая семья. Элфрид после долгих колебаний направился в штат Коннектикут, намереваясь там обосноваться. Тем временем Уильям с матерью жили в доме деда. Через несколько месяцев Элфрид написал письмо, приглашая жену приехать в небольшой городок Нью-Милфорд, находившийся на расстоянии сорока миль от Грейт-Баррингтона, вниз по реке Хусатоник.

Мэри, редко покидавшая Грейт-Баррингтон, не рискнула принять предложение мужа. Очевидно, важную роль сыграло и давление родителей, все более ожесточившихся против Элфрида. Так разыгралась старая как мир трагедия: материальные трудности и антипатии родственников привели к распаду семьи. «Все кончилось тем, — вспоминал Дюбуа, — что мать не поехала к нему, а отец так и не вернулся в Грейт-Баррингтон. Возможно, он писал, но письма его перехватывали. Я ни разу не видел своего отца и не знаю, где и когда он умер и где похоронен».

У любой нации, у любого народа в трудном положении оказывается женщина, оставшаяся с ребенком на руках и в столь двусмысленном положении. Очень трудно пришлось и матери Уильяма Дюбуа, и только поддержка братьев, сестер, родных и близких Мэри давали ей силы растить сына и переносить все невзгоды.

Мать и сын жили просто, скромно. Уильям, вспоминая детство, отмечал, что ему не приходилось голодать, донашивать чужие обноски, чувствовать себя отщепенцем среди товарищей по детским играм и по школе. И только много лет спустя, на склоне лет Дюбуа писал: «Вспоминая прошлое, я теперь понимаю, что наша маленькая семья, мать и я, нередко, должно быть, оказывалась на грани нищеты».

До пяти лет Уильям жил с матерью у деда Александра, и это, пожалуй, были более или менее обеспеченные годы его существования. После смерти деда Мэри и Уильям продолжали жить в Грейт Баррингтоне, снимая помещение в различных местах города.

Семейная драма, вечные заботы сделали свое дело — скоро мать Уильяма разбил паралич, от которого она не оправилась до самой смерти. Мэри прихрамывала на левую ногу, и левая рука у нее была сухая. Мать и сын всегда ходили, держась за руки.

Шести лет Дюбуа стал посещать школу. Выдающиеся способности, тяга к учебе, поддержка родных и близких — все это позволило Дюбуа успешно пройти десятилетний курс обучения и первым из Бургхардтов получить аттестат об окончании средней школы. Десять месяцев в году, пять раз в неделю, с девяти утра до полудня и после перерыва с часу до четырех продолжались занятия в школе. Вскоре Дюбуа благодаря

природным способностям и трудолюбию стал одним из лучших учеников и прочно завоевал расположение своей первой учительницы — строгой и непреклонной, но доброй и справедливой мисс Кросс.

Невелик был круг предметов, изучавшихся учениками: чтение, письмо, орфография, грамматика, арифметика, география и история. Конечно, в жизни школы важную роль играла религия. Каждое утро ученики выстраивались на молитву и пели. В школьном хоре выделялся чистый голос Уильяма Дюбуа.

Дюбуа обладал не только хорошим голосом, но и безусловными музыкальными способностями, присущими многим неграм. А касаясь голоса Дюбуа, надо отметить, что он сохранил его до последних дней своей жизни. Вспоминается один из последних приездов Дюбуа в Москву. Дюбуа вместе с Полем Робсоном выступал по Московскому телевидению. Рассказав телезрителям о борьбе негров США за равноправие, о негритянской проблеме и Африке, об актуальных задачах борьбы за мир и дружбу между народами, Робсон и Дюбуа спели одну из старинных негритянских народных песен.

Инициатором этого импровизированного концерта был Поль Добсон. Дюбуа не без смущения принял приглашение великого цевца. Вокальные данные Дюбуа выглядели более чем скромными на фоне неподражаемого голоса Робсона, которому, чувствовалось, было тесно в узких рамках телестудии. И тем не менее негромкий, но удивительно чистый голос Дюбуа, которому было тогда более 90 лет, невольно обращал на себя внимание. Выразительный, могучий бас Робсона перенес телезрителей ко временам далекого негритянского рабства, и был какой-то особенно глубокий смысл в том, что вместе с Робсоном пел выдающийся ученый, человек с мировым именем, который всю свою долгую жизнь посвятил борьбе против рабства народов во всех его проявлениях.

Дюбуа с большой теплотой вспоминал о своих школьных годах, об учителях, товарищах по учебе. В те годы среднее Школьное образование в Новой Англии не пользовалось особой популярностью. Многие считали его совершенно ненужной роскошью, и попечители не торопились ассигновывать средства на развитие средней школы.

Уильям учился буквально на медные гроши. Когда директор школы, обратив внимание на его способности к изучению языков, предложил ему изучать греческий язык, то мать и сын проявили колебание, прежде чем принять это предложение, так как учебники стоили дорого. Директору школы пришлось обратиться к жене местного фабриканта, хорошо относившейся к семье Дюбуа, которая и купила необходимые книжки.

Мэри Дюбуа помогали родные, иногда она сама работала где-нибудь, иной раз на помощь приходила ненавязчивая благотворительность.

С детских лет Дюбуа помогал матери поддерживать скудный бюджет семьи, стремясь найти какой-нибудь заработок щепал лучину, косил траву, нанимался в чей-либо дом выполнять работу по хозяйству.

В средней школе у Уильяма впервые появился постоянный заработок. Ежедневно рано утром он отправлялся в магазин дамских шляп растапливать печи. На протяжении всего времени обучения в средней школе Дюбуа постоянно работал после уроков и по субботам. Он продавал газеты, помогал бакалейщикам — всеми способами старался заработать, чтобы хотя немного помочь матери вести немудреное хозяйство.

Неправильно было бы считать, что тяжелые материальные условия с детства прививали Дюбуа мысль о социальном неравенстве и несправедливости деления людей на бедных и богатых. В своих ранних произведениях Дюбуа писал, что в детстве и юности он «до глубины души презирал» фабричных рабочих Грейт-Баррингтона, в их лице он видел «невежественных оборванцев, пьяных пролетариев, удел которых — грязные шерстопрядильные фабрики и дома для бедных». Действительно, среди ирландских рабочих, трудившихся на шерстопрядильной фабрике городка, было немало и неграмотных, и оборванных, и пьяных, но только тот, кто был воспитан на принципах буржуазной морали, мог сделать столь обобщающий вывод, как приведенные слова Дюбуа. Культ частной собственности, взгляды на жизнь матери — самого близкого человека, психология тех, кто окружал Дюбуа в школьные годы, — все это утверждало в нем веру в принципы капиталистической этики. Подводя итоги семидесяти годам своей жизни, Дюбуа формулировал принципы, на которых он воспитывался и в которые верил: «Богатство — результат трудолюбия и бережливости, богатые по справедливости наследуют землю. Бедные, как правило, сами повинны в своей бедности. Они или ленивы, или невезучи. Если они невезучи, их судьба может быть изменена бережливостью и путем принесения жертв».

Такова была жизненная философия того окружения, в котором жил и воспитывался Дюбуа. И потребовалось много лет, прежде чем Дюбуа на основании собственного жизненного опыта пришел к прямо противоположным выводам.

Дюбуа не переоценивал глубины знаний, приобретенных за десять лет обучения в школе. Но бесспорно то, что именно школа, несмотря на все ее недостатки и известный примитивизм, заложила первый фундамент его знаний, приучила будущего ученого к систематической и вдумчивой

работе.

Для Дюбуа как ученика не были характерны ни самоуверенность, ни неверие в свои возможности. Он всегда относился с уважением к талантам других людей, и это проявилось уже в школьные годы в его взаимоотношениях с товарищами по учебе.

Дюбуа, вспоминая учебу в школе, отмечал, что ряд его товарищей больше преуспевали в рисовании и в других предметах, «но я верил в свои способности и систематически испытывал и развивал их».

Школу Дюбуа окончил в 1884 году. На протяжении всех десяти лет обучения только один цветной мальчик, помимо Дюбуа, посещал эту школу, но так и не закончил ее. Уильям Дюбуа был единственным выпускником-негром средней школы города Грейт-Баррингтона.

Глава II

УНИВЕРСИТЕТ ФИСКА

Уже к концу учебы в школе Дюбуа в значительной мере определил свое будущее. Многое, конечно, было еще неясным, но очевидным было одно — большой и все возрастающий интерес к настоящему и прошлому своего народа. Это нашло отражение и в заключительном событии, связанном с завершением учебы, которое навсегда сохранилось в памяти Дюбуа.

Каждый из тринадцати учеников, закончивших в тот год школу, должен был выступить с речью, посвященной какой либо проблеме. Дюбуа посвятил свое выступление Уэнделлу Филлипсу, пламенному борцу за освобождение негров от рабства, за ликвидацию расового угнетения во всех его проявлениях. В феврале 1884 года, незадолго до этого выпускного вечера, Уэнделл Филлипс скончался. Выбор Дюбуа темы для выступления свидетельствовал о том, что уже в то время он проявлял большой интерес к негритянской проблеме. Филлипс был очень своеобразной фигурой в ряду борцов за освобождение негров. В годы, предшествовавшие гражданской войне, он был среди наиболее радикальных кругов аболиционистского движения, требовавших не останавливаться перед применением силы в целях уничтожения рабства. В годы гражданской войны Филлипс был убежденным сторонником немедленного призыва негров в армию, предоставления им оружия для борьбы с мятежными рабовладельцами. Филлипс был одним из немногих лидеров радикальных республиканцев, которые в годы гражданской войны и реконструкции требовали конфискации земель плантаторов и ее бесплатного распределения среди негров. Это было покушение на святая святых буржуазного общества — на незыблемый принцип частной собственности, ведь для буржуазии Севера, гегемона второй американской революции, собственность, даже вражеская, была священна.

В течение многих лет Филлипс был членом конгресса США, в котором всегда возглавлял самые радикальные круги, требовавшие скорейшего и полного решения негритянской проблемы. Вся логика политической, классовой борьбы США второй половины XIX века привела этого человека, отличавшегося кристальной честностью, к выводу, что единственный путь решения всех проблем, в том числе и негритянской, —

путь научного социализма, а главная революционная сила — пролетариат.

Для буржуазной Америки Филлипс был одиозной фигурой. Но когда молодой негр, родившийся и выросший в штате Массачусетс среди людей, гордившихся своей принадлежностью к аболиционистам, выступил с речью о жизни и деятельности этого великого аболициониста и революционера, то этот факт не вызвал какой-либо отрицательной реакции.

«Мое собственное выступление, — вспоминал Дюбуа, — имело успех: слушатели долго аплодировали, сочтя, что тему доклада я, как негр, выбрал для себя самую подходящую... Среди слушателей была и моя мать, гордая и счастливая».

Было бы интересным прочитать сейчас текст этого выступления, посмотреть, каковы были оценки шестнадцатилетнего Дюбуа деятельности одного из самых выдающихся аболиционистов Америки, но, к сожалению, это невозможно, так как текста выступления не сохранилось. Однако показательно то, что среди целой плеяды выдающихся деятелей американского аболиционизма Дюбуа выбрал самого революционного.

Конечно, шестнадцатилетний Дюбуа не имел ни малейшего представления о социализме и о путях и средствах решения негритянской проблемы в США. Но характерно, что сам Дюбуа к концу своей жизни, так же как и Уэнделл Филлипс, пришел к выводу, что социализм — это будущее человечества, что коммунисты — самые последовательные, убежденные, бескорыстные борцы за интересы всех рас и народов. Именно в силу этого убеждения на склоне своих лет Дюбуа вступил в Коммунистическую партию США.

Сильные аболиционистские традиции Массачусетса способствовали тому, что негритянская проблема не стояла в этом штате с такой остротой, как в других районах страны. И Дюбуа в детские годы не сталкивался с проблемой расового неравенства. «В детстве, — вспоминал Дюбуа, — я почти не знал, что такое сегрегация или расовая дискриминация. Все мои школьные товарищи были белые, но я, естественно, принимал участие во всех играх, экскурсиях, церковных праздниках, вместе со всеми катался с горы, плавал, ходил пешком за город. Я хаживал почти ко всем моим школьным приятелям, ел с ними за одним столом, играл».

Но смуглый цвет лица и волнистые волосы выделяли Уильяма среди остальных ребят, он чувствовал, что его внешность привлекает внимание окружающих. А по мере того как он взрослел, Дюбуа стал обращать внимание на характерную закономерность: почти все цветные были беднее белых, причем даже в том случае, если они отличались трудолюбием, хорошим знанием своего дела, трезвым образом жизни.

На примере своих родственников Дюбуа видел, что неграм уготована судьба быть ремесленниками, рабочими, домашней прислугой, мелкими фермерами. В своем подавляющем большинстве эти негры умели только читать и писать. Прислушиваясь к разговорам своей родни, Дюбуа узнавал, в каких местах неграм живется лучше, где легче найти работу, где она выше оплачивается. Так ему становилось очевидным, что есть в мире то, что получило наименование «расовый барьер». Это был не личный опыт, но опыт родных и близких, который не оставлял никаких сомнений на тот счет, что негр в Америке — человек особого рода, что на своем жизненном пути его неизбежно ждут большие трудности и разочарования.

А после прихода к такому выводу невольно появлялась защитная реакция — попытка избежать всего этого. «Итак... — писал Дюбуа, — чтобы преуспевать в жизни и не чувствовать расового барьера, надо превосходить других, уметь все делать лучше. Если бы мои цветные родственники побольше учились в школе и не были вынуждены с ранних лет зарабатывать себе на кусок хлеба, они могли бы стать ровней белым. Так внушала мне мать. Никакой дискриминации по цвету кожи нет — все зависит от способностей и трудолюбия».

Дюбуа рос сдержанным и довольно молчаливым. Эти качества были у него от рождения, да и сама жизнь в Новой Англии в большой мере способствовала развитию этих черт характера. По традиции в Грейт-Баррингтоне в людях особенно ценили умение сдерживать свои чувства, немногословие. Кроме того, у Дюбуа установилась привычка уходить в себя при малейшей дискриминации, что сделало его довольно замкнутым человеком. Но то, что было хорошо для Новой Англии или, во всяком случае, не обращало на себя внимания, в других местах могло быть неправильно понято и истолковано. Когда Дюбуа переехал в южные штаты, то негры там поражались, почему он не приветствует всех встречных на улице и не хлопает своих друзей по спине.

То, что Дюбуа в школьные годы не сталкивался с открытой дискриминацией, в значительной мере объяснялось и его личными качествами. Он был чуток и насторожен, не навязчив, никогда не напрашивался на приглашения и вместе с тем, пользуясь большим уважением у своих товарищей, всегда был желанным гостем в их домах.

Дискриминация негров и довольно широко распространенные антинегритянские настроения заставляли многих негров, не имевших ярко выраженной негритянской наружности, выдавать себя за белых. В частности, много десятилетий назад отпочковалась белая ветвь Дюбуа, нынешние потомки которых не подозревают, очевидно, о том, что в их

жилах течет негритянская кровь. Насколько можно судить по многочисленным письменным свидетельствам Уильяма Дюбуа, эта белая ветвь Дюбуа не поддерживает каких-либо связей со своими чернокожими родственниками.

Дюбуа ни в коей мере не относился к числу тех негров, которые скрывали или тяготились своим негритянским происхождением. Более того, на протяжении всей своей жизни он оставался преданным сыном своего народа, поддерживал самые тесные связи с неграми различного социального положения. И это было характерно для него с детских лет. «Общество моих цветных родственников и друзей в детстве меня очень привлекало, — вспоминал Дюбуа, — яс большим интересом бывал в нем, и мне было приятно ощущать себя его частью. Расовый барьер существовал, хотя и не был абсолютным правилом».

В 70—80-е годы XIX века, в годы детства и юности Дюбуа, для таких городов Новой Англии, как Грейт-Баррингтон, было характерно наличие довольно большого по численности и очень влиятельного по положению среднего класса. Конечно, жители города жили в разных условиях, различным путем зарабатывали на жизнь, по-разному оплачивался их труд.

Вес человека в обществе определялся той собственностью, которой он владел, размерами доходов, которые, к слову сказать, не афишировались, а всячески скрывались. Наиболее влиятельная часть общества состояла из белых американцев английского и голландского происхождения.

Значительную группу населения составляли ирландцы, особенно много их появилось в начале 50-х годов XIX века, после страшного голода 1845–1847 годов в Ирландии. Голод, начавшийся в результате болезни картофеля, являвшегося основным продуктом питания, превратил многие районы Ирландии в сплошное кладбище, страна обезлюдела: за три года от голода умерло около миллиона человек. Голод, жесточайшая колониальная политика англичан, аграрный переворот — все это привело к резкому усилению эмиграции. С 1846 по 1851 год страну покинуло 1,5 миллиона человек, и многие из эмигрантов направлялись в США.

В Грейт-Баррингтон тоже прибывали ирландцы-иммигранты, истощенные от голода, оборванные, как правило, неграмотные, в большинстве своем крестьяне. Чаще всего ирландцы нанимались в дома состоятельных граждан прислугой или шли работать на шерстопрядильную фабрику, где ирландские рабочие подвергались самой беспощадной эксплуатации. Ирландцы селились в верхней части города в трущобах, окружавших фабрику. Держались они замкнуто, не сближаясь с другими жителями города. Причиной этой замкнутости была католическая религия,

которую исповедовали все ирландцы, их национальные особенности, хорошо сохранившиеся у тех, кто недавно прибыл в США, а также предубежденное отношение со стороны остальной части населения города.

Кроме ирландцев, в Грейт-Баррингтоне было еще одно нацменьшинство — негры, число которых было очень невелико. На пять тысяч жителей приходилось всего 25–50 негров. Семья Бургхардтов относилась к числу самых старых жителей города и на протяжении многих десятилетий проживала в Грейт-Баррингтоне. Бургхардты породнились со многими негритянскими семьями и распространились по всей округе.

Но очень редко кто-либо из Бургхардтов родился с белыми. Были довольно многочисленные браки между неграми и индейцами, но брак между черными и белыми был своего рода сенсацией. Расовый барьер в вопросах брака действовал постоянно и был почти незыблем.

До гражданской войны негритянское население Грейт-Баррингтона пополнялось за счет негров, бежавших из рабовладельческих штатов. Аболиционистски настроенные граждане Массачусетса, особенно из числа негритянского населения, хорошо встречали их. Но в 70—80-х годах негритянское население Грейт-Баррингтона стабилизировалось, так как приток негров из южных штатов прекратился. Что же касается бурной миграции негритянского населения, массами покидавшего южные штаты в результате сложных социально-экономических процессов, происходивших на Юге, то это имело место в более поздний период. В годы же детства и юности Дюбуа негры составляли небольшую группу населения Грейт-Баррингтона, жившую, как правило, своими собственными интересами, имевшими свой собственный духовный мир. Но в отличие от ирландцев негры не представляли из себя какой-то замкнутой, отгороженной от остального населения группировки.

Система управления в Грейт-Баррингтоне была типичной для многих мест Новой Англии того периода. По традиции почти все жители города по своим политическим убеждениям принадлежали к республиканской партии. Объяснялось это тем, что аболиционизм пустил довольно глубокие корни в Грейт-Баррингтоне, а созданная в 1854 году республиканская партия в сознании большинства населения была партией, освободившей негров.

Дюбуа с детских лет любил бывать на ежегодных собраниях, проводившихся в ратуше. На этих собраниях жители города обсуждали вопросы, близкие и понятные школьнику Дюбуа. Речь шла о ремонте улиц, мостов, школ, в том числе и той школы, в которой он сам учился.

Одним из ярких впечатлений от посещения этих собраний было

отношение горожан к выступлениям тех участников собрания, точка зрения которых не соответствовала мнению большинства Тринадцати-четырнадцатилетнему Дюбуа запомнился один страшно грязный, оборванный и толстый старик. Он жил где-то в глухом лесу и иногда появлялся в городе, чтобы излить на окружающих свою желчь и ненависть к бездельникам, тратившим деньги на такое бесполезное, никому не нужное дело, как образование.

Вспоминая о выступлениях этого отшельника на годовых собраниях, Дюбуа писал: «Помню, как злился я при виде горожан, которые неподвижно сидели и молча слушали его. Он был ничтожеством, а все-таки люди слушали его внимательно, потому что Биб был членом их общины и владел кое-каким имуществом. Когда же он кончал, они как ни в чем не бывало голосовали за обычные ассигнования на содержание школы. Позднее, когда я подрос, я стал понимать, что в этом и заключается сущность демократии: выслушать мнение всякого, а потом, честно и внимательно взвесив все, проголосовать и принять правильное решение».

Отношение уважаемых, сдержанных, немногословных горожан к оборванцу Бибу было данью традиционно установившимся демократическим порядкам. Но уже в то время пытливым умом молодого Дюбуа ставил перед ним вопросы и другого порядка: почему негры, как правило, беднее белых, почему одни граждане города, работая три часа в день, зарабатывали тысячи долларов в год, а плотник за двенадцать часов работы получал один доллар, прислуга же за непрерывный, тяжелый труд в течение круглых суток получала два доллара в неделю.

Все это были вопросы, на которые могли дать правильный ответ только многие годы труда и борьбы, годы напряженной учебы и не только по книгам, а учебы у лучшего учителя — жизни.

Тот факт, что Уильям Дюбуа был единственный негр, окончивший среднюю школу в Грейт-Баррингтоне, свидетельствовал о том, что даже в тех местах, где были сильны аболиционистские традиции, негру было очень не легко получить образование. Это было выдающееся событие в жизни не только семьи Бургхардтов, но и всей негритянской общины города. А когда по настоянию директора школы способный негр, выпускник средней школы стал готовиться к поступлению в колледж, он стал объектом пристального внимания всего города.

Негритянское население Грейт-Баррингтона гордилось тем, что Дюбуа был лучшим учеником школы и получил рекомендацию для поступления в колледж. Белые жители города, во всяком случае, те, кто придерживался аболиционистских традиций, с не меньшей гордостью говорили о том, что

их город способствует молодому негру получить образование.

У Дюбуа было немало искренних доброжелателей, готовых и советом и практическими делами помочь ему взять новый важный рубеж на пути к знаниям. Но когда он объявил, что намерен готовиться к поступлению в старейший, самый крупный и наиболее известный Гарвардский колледж, то даже его близкие друзья были озадачены и искренне советовали ему не искушать судьбу. Для их пессимизма были серьезные основания. Дело не только в том, что Дюбуа был негр, путь которых в науку был особенно тернистым. Его друзья были искренне убеждены, что ограниченных знаний, полученных в средней школе Грейт-Баррингтона, будет явно недостаточно для поступления в этот знаменитый колледж.

Дюбуа предстояло серьезное испытание — чтобы сдать вступительные экзамены, надо было изучить алгебру, геометрию, латинский и греческие языки. Не говоря уже о том, что необходимо было иметь какие-то минимальные средства на покупку книг (здесь опять пришла на помощь благотворительность), одежду и питание. Все эти проблемы особенно остро встали осенью 1884 года, когда неожиданно умерла мать Дюбуа. Шестнадцатилетний юноша остался в буквальном смысле слова без гроша в кармане и мог отныне рассчитывать только на счастливый случай и на бескорыстную помощь родных и друзей.

Дюбуа везло на встречи с хорошими людьми, да и судьба была к нему благосклонна. На протяжении многих лет учебы в университетах обстоятельства всегда складывались так, что ему удавалось получить стипендию, без чего не могло быть и речи о возможности продолжать образование.

Одним из наиболее трудных и важных шагов на пути в большую науку было поступление в колледж. И трудно сказать, каков был бы дальнейший жизненный путь Дюбуа, если бы рядом с ним не оказался в то время Фрэнк Госмер, директор школы, в которой он учился. Этот опытный педагог, окончивший Амхерстский колледж и ставший впоследствии сам ректором колледжа, обратил внимание на выдающиеся способности молодого негра и убедил его в необходимости поступления в колледж.

Не исключена возможность, что Дюбуа был бы потерян для большой науки, не окажи ему помощь и поддержку Фрэнк Госмер. «Если бы Госмер был другим человеком, — вспоминал Дюбуа, — если бы он считал, что негр «должен знать свое место», и посоветовал мне заняться сельским хозяйством или домоводством, я, возможно, последовал бы его совету». Во всяком случае, вспоминал Дюбуа в 1922 году, трудно было сказать, по какому пути он пошел, если бы Госмер не был рожден с верой в

«черномазых».

Было твердо принято решение продолжать образование, но после этого возникла проблема — на какие средства будет существовать Дюбуа в годы учебы. Кто-то из горожан предложил коллективными усилиями собрать ему стипендию и выплачивать ее на протяжении всех лет учебы. Четыре церкви Грейт-Баррингтона приняли решение жертвовать в год каждая по 25 долларов на стипендию Дюбуа. Так была решена финансовая сторона проблемы, минимально необходимая сумма для существования на время учебы была найдена.

Однако мечта Дюбуа поступить на учебу в Гарвард оказалась пока невыполнимой. Один из его покровителей, священник Пейнтер, хорошо знакомый с положением в южных штатах в период после реконструкции, высказал убеждение, что Дюбуа надо ехать учиться на Юг, где он получит возможность широко применить свои способности. Выбор пал на Университет Фиска в городе Нашвилле, штат Теннесси, основанный в 1866 году Клинтонем Фиском. Это был самый крупный в США негритянский университет, который к середине 80-х годов приобрел уже большую известность как важный центр по подготовке негритянских специалистов самого различного профиля. Дюбуа твердо решил в будущем обязательно закончить Гарвардский университет, но он с радостью откликнулся и на предложение поступить в Университет Фиска. Объяснялось это тем, что Дюбуа понимал, что, по мере того как он будет становиться старше, ему все чаще придется сталкиваться с пресловутым цветным барьером. Стали бы возникать все более трудно преодолимые препятствия на пути общения с друзьями детства, которые, принимая его в свою компанию, должны будут объяснять своим новым знакомым причины присутствия в их обществе цветного.

Дюбуа тянуло на Юг и потому, что как раз в это время он впервые услышал негритянские народные песни в исполнении Хэмптонского квартета. Чудесные мелодии далеких предков взволновали Дюбуа до глубины души, он почувствовал в этих песнях что-то невыразимо близкое, родное. И Дюбуа неудержимо потянуло к людям своего народа. «Теперь, когда у меня появился шанс попасть в среду молодежи одной со мной расы, — вспоминал Дюбуа, — я понял, что до сих пор жил все-таки в духовной изоляции... Я слышал зов черного Юга — там были нужны учителя».

Уже в то время Дюбуа в значительной мере придерживался взглядов, которые позднее оформились в его теорию «талантливых десяти процентов». Он был глубоко убежден, что террор на Юге, лишение негров избирательных прав — все это временное явление. У бывших рабов

блестящее будущее, считал Дюбуа, им нужно только умелое руководство, чтобы приблизить это будущее, превратить его в жизненную реальность. Дюбуа чувствовал себя частью такого руководства, и сознание того, что он будет полезен своему народу, будет бороться за решение вопросов, имеющих важное для него значение, наполняло Дюбуа гордостью, уверенностью в своих силах.

Образование, конечно, было необходимо неграм. Но Дюбуа явно переоценивал в то время его значение. Во всяком случае перед неграми Юга стояли сложнейшие задачи борьбы против расового угнетения, против дискриминации, за решение неотложных экономических и политических проблем.

Дюбуа отправлялся на Юг через 20 лет после завершения гражданской войны и всего через восемь лет после окончания реконструкции. Это было тяжелое время для негритянского населения южных штатов. В 1877 году республиканцы предали своих негритянских союзников. Во время кампании по выборам президента страны в 1876 году ни кандидат республиканцев Хейс, ни кандидат демократов Тилден не получили четко выраженного большинства. Началась ожесточенная свалка между лидерами двух партий, борьба за пост президента приняла опасный размах. Демократы начали вооружаться и настойчиво грозили военным походом на Вашингтон, чтобы утвердить у власти своего кандидата. По приказу президента Гранта на подступах к столице и в самом Вашингтоне были сконцентрированы войска.

Не исключена была возможность новой гражданской войны. После окончания избирательной кампании три месяца страну трясла страшная лихорадка, лидеры партий после безуспешных попыток добиться нужного им решения вынуждены были пойти на компромисс. Состоялось несколько глубоко законспирированных встреч между руководителями двух партий, на которых была выработана следующая программа выхода из кризиса. Более чем сомнительная победа на выборах была признана за кандидатом республиканцев Хейсом, который дал за это обещание вывести федеральные войска из Южной Каролины и Луизианы, что и было сделано. Это были два последних штата, в которых черные и белые республиканцы, истекая кровью, отбивали ожесточенные атаки плантаторской реакции, захватившей к этому времени власть во всех штатах Юга.

Так белые республиканцы в Вашингтоне предали интересы своих черных союзников, с помощью которых они разгромили мятежных плантаторов в годы гражданской войны и решительно пресекли их попытки вернуться к власти на Юге в период реконструкции. Это был убедительный

урок того, что в борьбе за свои интересы негритянский народ не может положиться ни на одну из буржуазных партий, которые могут быть только временными союзниками негров при условии, если этот союз дает им ощутимую политическую выгоду.

Гражданская война и реконструкция дали еще один важный исторический урок, суть которого сводилась к тому, что только в союзе с широкими массами трудящегося белого населения негры могут добиться решения стоящих перед ними задач. В годы гражданской войны именно союз негров и широких кругов рабочих и фермеров создал условия для полного военного разгрома мятежных рабовладельцев и уничтожения рабства. В период реконструкции буржуазно-демократические правительства в южных штатах успешно функционировали только до тех пор, пока существовал союз между неграми и теми кругами белого населения Юга, которые выступали против плантаторов. Как только силам реакции удалось расколоть этот союз, отколов от него значительную часть белых бедняков, коалиция республиканцев рухнула, погребя под своими останками правительства реконструкции. Именно распад этого союза создал возможность для предательства Хейса — Тилдена.

В истории всевозможных закулисных махинаций, связанных с борьбой за власть, компромисс Хейса — Тилдена занимает почетное место. По своей циничности, ярко выраженной антинародной направленности, открытому предательству интересов негров он не имеет себе равных в американской истории. Вот почему наиболее пикантные подробности этого тайного сговора были похоронены в партийных архивах обеих партий. Много лет спустя на дружеском обеде у президента Кливленда собрались активные участники этого предательского акта. Когда полити-ческие боссы, предавшиеся далеким воспоминаниям, стали разглашать нежелательные подробности компромисса 1877 года, Кливленд заметил: «Что бы подумал народ Соединенных Штатов, если бы крыша с этого дома была поднята и он мог бы услышать этих людей?» В ответ на это один из участников сговора 1877 года невозмутимо ответил: «Если кто-нибудь повторит то, что я сказал, я обвиню его во лжи».

«Джентльменское» соглашение республиканцев и демократов было выполнено. Демократы согласились признать Хейса президентом, а в апреле 1877 года федеральные войска по приказу президента Хейса покинули Южную Каролину и Луизиану. Власть плантаторов-демократов утвердилась во всех южных штатах.

Так был установлен на Юге режим политического, экономического, общественного неравенства негров с судами Линча, жесточайшей

сегрегацией негров, бесправием белой бедноты и другими атрибутами полного господства реакции, многие из которых не претерпели существенного изменения и в наши дни, спустя почти столетие после тех событий.

О жесточайшем терроре на Юге против негров было хорошо известно в северных штатах, Дюбуа знал, что он ехал в рассадник расизма, в район жесточайшей эксплуатации и культурной деградации. Но ничто не могло испортить его приподнятого настроения, начиналась новая жизнь, будущее было неизвестным, немного тревожным, но уже была четкая и ясная цель в жизни, что прибавляло энергии, вселяло уверенность в свои силы.

Шестнадцать-семнадцать лет — возраст, когда, как правило, мало кто имеет четкое, ясное представление о своих планах, о будущем. Дюбуа был не столь уж распространенным исключением из этого правила. В пятнадцать лет он уже собирал и аннотировал свои бумаги. Тогда же он начал работать местным корреспондентом «Нью-Йорк глоб», негритянской газеты северо-востока страны. Уильям был, пожалуй, самым молодым корреспондентом этой газеты, но равного ему по образованности и большому интересу к этой работе не было во всей округе. Уже в первых корреспонденциях Дюбуа проявилось его критическое отношение ко многим сторонам окружавшего его мира. В его сообщениях проскальзывают критические нотки в адрес африканской методистской епископальной церкви.

Юный корреспондент высказывал сожаление по поводу того, что среди «нашего народа» нет бизнесменов. В другой корреспонденции он советовал «тем, кто хочет пополнить свои библиотеки, прежде чем делать это, проконсультироваться с корреспондентом «Нью-Йорк глоб». Он горячо поддерживал как «наилучшее начинание» стремление создать для негров литературное общество. Дюбуа порицал «очередной спор» в негритянской церкви в местечке Ли как «шокирующую сцену», призывал негров бороться с продажей спиртных напитков. Негритянского корреспондента тревожило то, что многие негры не посещают городское собрание, он упрекал своих читателей-негров в том, что они проявляют слишком незначительный интерес к политике, к борьбе за свои требования.

Практически ничто не ускользало от внимания дотошного корреспондента, проявлявшего живейший интерес к самым различным областям жизни негритянского народа.

Можно с полным основанием говорить о том, что к моменту окончания средней школы Дюбуа был уже человеком с достаточно широким жизненным кругозором, имел довольно твердые взгляды на многие важные

жизненные вопросы.

Собрав свои немногочисленные пожитки, Уильям поехал в Нашвилл поступать в Университет Фиска. Само путешествие на Юг уже было крупным событием для семнадцатилетнего юноши. Дюбуа прожил почти безвыездно всю свою жизнь в Грейт-Баррингтоне, и эта длительная поездка вызывала у него живейший интерес. До поездки на Юг Дюбуа только однажды совершил небольшое путешествие, которое запомнилось ему на всю жизнь. Это было в 1883 году, когда жена деда пригласила Уильяма приехать к ним в Нью-Бедфорд. Проехав довольно значительное расстояние по железной дороге, побывав в Бриджпорте, в столице Коннектикута Хартфорде, в Провиденсе, Уильям Дюбуа уже тогда почувствовал страсть к путешествиям, сохранившуюся у него на всю жизнь.

И когда он отправлялся на Юг, то предвкушал огромное удовольствие от посещения новых городов, от знакомств с новыми людьми, от созерцания красот природы. По железной дороге Дюбуа доехал до Нью-Йорка, проплыл на пароме вверх по Гудзону, пересел на Большую Центральную железную дорогу и доехал до южных штатов. Таков был путь, приведший молодого Дюбуа в новый для него мир.

«Я пришел в восторг, — писал Дюбуа, — очутившись среди множества таких же, как я, цветных, но с такими разнообразными и необычными оттенками кожи, цветных, каких прежде я редко видел. Я почувствовал, что связан с этими людьми нерушимыми, вечными узами, и был взволнован... Я самозабвенно окунулся в этот новый мир. Я перестал быть просто американцем, у меня появились новые узы и привязанности: здесь я сильнее, чем раньше, почувствовал себя сыном негритянского народа».

Перед семнадцатилетним юношей открылись новые возможности, и главное — начиналась настоящая учеба, начало пути в большую науку. Дюбуа был молод, энергичен, горел желанием как можно скорее познать то новое окружение, частью которого он становился. Биограф Дюбуа Френсис Бродерик нарисовал такой портрет Уильяма Дюбуа, поступившего в Университет Фиска: «Семнадцати лет от роду, стройного телосложения, с красивой бронзовой кожей, темными волосами, отточенными чертами лица. Он быстро двигался и говорил — молодой человек в порыве».

Дюбуа блестяще выдержал приемные испытания. Более того, благодаря глубоким знаниям его сразу приняли на второй курс, что было неслыханным фактом, особенно потому, что он был на пять-десять лет моложе своих однокурсников. Уже на первом экзамене Дюбуа продемонстрировал прекрасное знание английского языка, заняв второе

место после одной студентки, дочери белого, преподавателя немецкого языка.

В Университете Фиска изучалось сравнительно немного предметов, но выбор их был очень удачным, и, главное, большинство педагогов были подлинными знатоками и энтузиастами своего дела. Дюбуа на всю жизнь сохранил в памяти имена преподавателей своего первого университета. Адама Спенса — прекрасного знатока греческого языка. Томаса Чейза, работавшего в крошечной лаборатории и тем не менее сумевшего привить своим студентам любовь к химии и физике, понять, что такое наука и жизнь. Немецкий язык, который преподавал Бенет, пригодился Дюбуа, когда он учился в Берлинском университете, а позднее он сам преподавал студентам Уилберфорского университета немецкий язык. Философию и этику преподавал ректор Крэват, знания, заложенные им, Дюбуа совершенствовал и углублял в Гарвардском университете.

Первый год был посвящен изучению «Илиады» и «Одиссеи», греческого языка, математики, риторики, французской грамматики и литературы, ботаники. В последующем в программу обучения входило изучение произведений древних философов, немецкой грамматики и перевода. Дюбуа выкраивал также время для психологии, гигиены и астрономии. Последний год был посвящен изучению философии, этики, политической экономии, английской литературы и лабораторному курсу химии.

Благодаря хорошим преподавателям, умело продуманной системе обучения Дюбуа получил в Фиске достаточно глубокие познания, которые позволили ему уже в те молодые годы определить свое отношение к негритянской проблеме и выработать основные положения своей собственной программы освобождения и прогресса негритянского народа. Дюбуа наметил план работы для изучения жизни и положения негров и улучшения их жизненных условий. Он сознавал, что неизбежна борьба, не исключено и то, что будет применена сила, хотя самому Дюбуа она представлялась, как битва умов и знаний. Убежденный гуманист, он верил в то, что в конечном счете разум и добродетель восторжествуют над темными силами зла и насилия. Своих друзей и себя Дюбуа представлял как пастырей негров, которых они поведут к новой, счастливой жизни.

Определяя место, которое Университет Фиска сыграл в его жизни, Дюбуа отмечал: «Университет Фиска как промежуточный этап дал мне ту пользу, что моя жизненная программа стала шире, хоть и не изменилась по существу; отныне я связал свою жизнь с группой образованных негров в надежде, что она, опираясь на свои знания и опыт, поведет за собой массы.

Я ни на минуту не допускал мысли, что эта руководящая группа будет заботиться только о благе образованного меньшинства, а не широких масс. Я не задумывался над тем, как, какими способами мы будем вести свою работу. Прежде всего — приобрести всестороннее, исчерпывающее знание окружающего нас мира; остальное — методы и их применение на практике — станет ясно потом.

В основном моя программа сочетала требование социального равенства для угнетенной части населения со свойственным молодежи стремлением к свету, к знаниям».

Университет Фиска был привилегированным мирком, изолированным от остальной части города. На его территории не было расовых бесчинств, здесь текла спокойная, размеренная жизнь, определенная своими законами и моральными принципами. Да, собственно говоря, Нашвилл и та часть штата Теннесси, где он находился, никогда не был типичным уголком рабовладельческого Юга, и негритянская проблема не стояла здесь так остро, как в других южных штатах. Можно было проучиться несколько лет в стенах Университета Фиска, так и не столкнувшись с проявлениями расизма и не поняв, что такое Юг, что такое расовая ненависть.

И Дюбуа, несмотря на явно выраженное неодобрение преподавателей и товарищей по учебе, решил ближе познакомиться с Югом. Средств для путешествия он не имел и поэтому отправился летом в провинцию, решив использовать свои каникулы для обучения детей в летней школе. Поездка в восточные районы штата Теннесси дала Дюбуа огромный материал, позволила понять, что такое негритянская провинция — оплот рабства, каковы приемы и методы порабощения негров в новых условиях. Продолжительная совместная жизнь среди беднейшей части негритянского населения Юга на многое открыла глаза восемнадцатилетнему юноше. Он видел жизнь босоногих бедняков, одетых в тряпье и живущих в хижинах с земляным полом. Бывал в краях, где появление чужого человека — крупнейшее событие, где люди всю жизнь не покидают своего очага, где учитель был очень редким гостем.

Два лета подряд Дюбуа учительствовал в одном из селений восточной части штата Теннесси. Школа, в которой он работал, размещалась в сарае без окон, вместо парт были грубые скамьи без спинок, не было классных досок, почти не было книг. Многие дети добирались в школу из очень отдаленных районов. «Зато, — писал Дюбуа, — я увидел душевную красоту и величие людей, тяжким трудом добывающих себе кусок хлеба. Услышал их грустные песни. Узнал трудную и унылую жизнь захолустья, страдания безземельных, невежественных крестьян. Постиг самые истоки

расовой проблемы».

Молодой учитель получал огромное моральное удовлетворение от работы со своими цветными учениками. Он любил их, как может любить только учитель, который видит цель своей работы не в том, чтобы научить детей началам грамоты, но в первую очередь в том, чтобы как-то облегчить тяжелое положение народа, неразрывной частью которого он себя чувствовал. Дюбуа не только учил детей, он пел с ними песни, собирал цветы, рассказывал им о мире, о котором они никогда не слышали.

У его учеников была огромная тяга к знаниям, к учебе, но нередко Дюбуа приходилось направляться в обход по хижинам, чтобы убедить неграмотных и забитых нуждой родителей, что не надо препятствовать детям ходить в школу.

Работа в качестве учителя позволила Дюбуа хорошо познакомиться с музыкой и песнями своего народа. От рождения он обладал хорошим музыкальным слухом и врожденной способностью глубоко понимать и чувствовать музыку. Но в детстве у него не было никаких материальных возможностей, чтобы развить свои музыкальные способности. С глубокой благодарностью вспоминал Дюбуа Университет Фиска, который оказал ему неоценимую услугу, привив музыкальный вкус и понимание музыки на хорошем профессиональном уровне. Профессор Спенс был не только прекрасный знаток древнегреческого языка, но и человек редких музыкальных способностей, глубоко понимавший музыку и, главное, умевший доводить это понимание до других. Спенс взял на себя труд руководить музыкальными занятиями студентов.

К тому времени, когда Дюбуа поступил в Университет Фиска, там уже были хорошие и твердо установившиеся музыкальные традиции. Под руководством опытных педагогов, энтузиастов своего дела, из числа многочисленных музыкально одаренных студентов были отобраны лучшие из лучших, которые выступали потом с негритянскими песнями по всей стране и даже за границей. Профессиональные музыканты были потрясены эмоциональной силой этих негров-любителей. Хор студентов Фиска с огромным энтузиазмом встречали во многих странах мира, студентов-негров слушали даже короли.

Еще до поступления Дюбуа в Университет Фиска там было создано общество Моцарта, объединявшее всех лучших певцов колледжа. Отдавая дань времени, студенческий хор исполнял главным образом религиозные оратории. Дюбуа стал членом этого музыкального общества, что сыграло очень важную роль в развитии его музыкального вкуса, помогло ему понять и классическую и негритянскую народную музыку. Под руководством столь

опытного наставника, как Спенс, в обществе исключительно одаренных молодых негритянских певцов и музыкантов Дюбуа прошел музыкальную школу, которую вряд ли могло дать в то время самое фешенебельное музыкальное учебное заведение.

Работая учителем в Теннесси, Дюбуа не только учил негритянских детей, но и сам учился у негров неподражаемому искусству народной песни.

Еще в Грейт-Баррингтоне он впервые услышал негритянские народные песни в исполнении Хэмптонской капеллы, но там пели артисты, а здесь исполнителем был народ. Негритянские народные песни воспринимались Дюбуа как изумительные шедевры настоящей музыки, в них точно в зеркале отражалась душа раба, история бесконечного мучительного невольничества. И на протяжении всей своей жизни Дюбуа сохранил живейший интерес к негритянской народной песне, его всегда поражало богатство мелодий старинных гимнов. Негритянская народная песня и музыка давали возможность понять пути развития современного негритянского музыкального искусства, связанного тысячами нитей с народным творчеством периода рабовладения.

Во время своего учительства в штате Теннесси Дюбуа впервые узнал, что такое негритянская церковь. В церкви можно было послушать негритянский хор, познакомиться с чарующими мелодиями негритянской музыки, лучше познать душу негритянского народа. Это знакомство с церковью имело большое значение и потому, что церковь всегда играла большую роль в жизни негритянского народа. В частности, церковь внесла значительный вклад в решение проблемы создания негритянских школ.

Этот вопрос особенно интересовал Дюбуа, который в ранний период своей деятельности видел в просвещении негров чуть ли не главное средство решения негритянской проблемы. Деятельность церкви по организации негритянского народного образования развернулась после гражданской войны, так как в период рабства обучение негров грамоте считалось тягчайшим преступлением и по законам ряда штатов каралось смертной казнью.

В годы реконструкции в южных штатах были приняты прогрессивные буржуазно-демократические конституции, предусматривавшие отделение школы от церкви. И церковные организации не играли никакой роли в многочисленных государственных школах, созданных на Юге после гражданской войны.

Но, борясь за влияние на паству и учитывая огромную тягу негров к учебе, негритянская церковь развернула энергичную деятельность,

направленную на создание довольно многочисленных церковных школ, в которых преподавалась не только теология, но и общеобразовательные дисциплины.

Баптисты, методисты, квакеры, пресвитериане — представители всех церквей и религиозных сект созывали специальные съезды, на которых обсуждались вопросы, связанные с работой негритянских школ. В Бостоне 14 ноября 1871 года состоялся съезд негритянской методистской епископальной церкви. В принятой резолюции съезд выразил удовлетворение успешной образовательной работой церковных сект в южных штатах. Съезд отмечал, что бесплатные государственные школы, созданные на Юге, ведут большую и успешную борьбу с невежеством, превращаясь в «бастионы свободных институтов». Съезд констатировал, что ликвидация неграмотности среди негров — задача общенационального значения и в связи с этим конгресс должен ассигновать средства на подготовку учителей негритянских школ. Для реализации этой задачи, по мнению делегатов съезда, надо было создать на Юге специальные учебные заведения без дискриминации по отношению к неграм.

Значительный интерес церкви к проблемам негритянского образования ни в коей мере не объяснялся филантропией или гуманизмом служителей культа. Негритянская церковь в период реконструкции в значительной мере отражала интересы буржуазии, одержавшей победу над рабовладельцами в гражданской войне. А буржуазия, реконструируя Юг в интересах капиталистического развития, была заинтересована, чтобы негры, главная производительная сила Юга, получили хотя бы начальное образование, что создавало условия для более успешного их использования в деле перехода к капиталистическому производству. Помимо этого, в годы реконструкции в борьбе с разгромленными, но не поверженными плантаторами буржуазия опиралась на негров. Для того чтобы вовлечь широкие слои негров-избирателей в политическую жизнь, надо было просветить их хотя бы в минимальной степени. Это было тем более необходимо, что именно там, где негры были особенно невежественны и забиты, реакционные круги плантаторов особенно успешно использовали негритянские массы в своих интересах.

Но было бы неправильно считать, что в деле образования негров негритянская церковь выступала только как орудие класса буржуазии. В первую очередь церковь действовала в своих собственных интересах, так как, создавая негритянские школы, она укрепляла свои позиции среди негритянской паствы. А необходимость этого была очевидна. В годы рабства негритянская церковь являлась одним из важных средств

идеологического и духовного воздействия на рабов с целью сохранения и укрепления важнейших позиций рабовладения. Уничтожение рабства не могло не привести к резкому ослаблению влияния негритянской церкви на бывших рабов. Только методистская церковь Юга в течение года после освобождения рабов потеряла 400 тысяч своих цветных прихожан.

Во второй половине 80-х годов, когда Дюбуа учился в Университете Фиска, церковь в значительной мере укрепила свои позиции и влияние среди негритянского населения Юга. Негритянская церковь в условиях расовой ненависти, культивировавшейся на Юге, меньше любого другого негритянского учреждения зависела от влияния белых. Разумеется, не могло быть и речи о какой-то полной свободе негритянской церкви от воздействия белых, управлявших южными штатами. Негритянская церковь зависела от власти имущих в экономическом плане, она подчинялась всем установлениям и распоряжениям местных властей, всегда представленных белыми. Негритянский священник мог добиться прочного положения и успеха в своей деятельности, если его благонадежность не вызывала сомнений у белых руководителей.

И тем не менее негритянская церковь была избавлена от ежедневной мелочной опеки со стороны белых, в негритянской церкви не могло идти речи о конкуренции между неграми и белыми бедняками, интересы которых сталкивались во многих областях жизни южных штатов. Негритянская церковь удовлетворяла внутренние духовные запросы негров, в какой-то мере она выражала интересы негритянского народа, пользовалась среди негров влиянием. И для того чтобы правильно понять негритянскую проблему и духовный мир негров, определить пути и средства воздействия на широкие массы негритянского народа, надо было как можно ближе познакомиться с негритянской церковью.

И такая возможность представилась Дюбуа во время его работы в качестве учителя в Теннесси. Недалеко от того селения, где учительствовал Дюбуа, был небольшой запущенный поселок, громко называвшийся городом Александрия. Поселок был грязный и захламленный, неблагоустроенный, но в нем имелись две негритянские церкви, являвшиеся центром духовной и общественной жизни всей округи. Каждое воскресенье сюда стекались негры со всех окрестных ферм и селений. Впервые услышанные богослужения в негритянской церкви произвели огромное впечатление на Дюбуа: «Под сводами церкви в эти дни то нежно звучали, то гремели религиозные мелодии и раздавались могучие звуки негритянских песнопений... едва вы попадали в Александрию, до вашего слуха доносились лившиеся из церкви звуки пения — мелодичного,

волнующего, потрясающего; звуки росли, а потом печально замирали... меня больше всего поражало крайнее возбуждение толпы верующих негров. Казалось, какой-то тайный ужас витал в воздухе и охватывал их — какое-то безумие пифий, демоническая одержимость, и это придавало жуткую реальность словам и мелодии. Черная, тяжелая фигура проповедника раскачивалась, вздрагивая, слова, толпясь, срывались с его уст, и он зажигал слушателей своим пламенным красноречием. Люди, взволнованные, стонали; какая-то темнокожая женщина со впалыми щеками, стоявшая возле меня, внезапно высоко подпрыгнула и издала жуткий вопль; вслед за ней все начали стенать и вопить. Подобного зрелища человеческих страстей мне никогда прежде не доводилось видеть».

Отношение к церкви самого Дюбуа определялось теми условиями, в которых он жил, и теми традициями, которые господствовали на его родине. Он не был чрезмерно религиозен, но, как и все жители Новой Англии, исполнял церковные обряды. По приезду в Нашвилл Дюбуа заболел брюшным тифом. Крепкий, молодой организм переборол недуг, вскоре он поправился и, очевидно, под настроение вступил в конгрегационную церковь, имевшуюся при колледже.

Но молодой студент очень скоро разочаровался и в церкви и главным образом в ее наставниках. Причина этого была несколько неожиданной. Однажды один из служителей церкви в присутствии всех собравшихся на богослужение упрекнул Дюбуа и еще нескольких других студентов за то, что они танцуют. Этот упрек ошеломил Дюбуа, который, как и все другие студенты, не видел в танцах никакого греха. С присущей ему прямоотой Дюбуа открыто высказал свое мнение на этот счет, чем привел в ярость служителя культа. После этого случая Уильям вообще отказался от участия в каких-либо религиозных организациях.

Многие товарищи Дюбуа по Университету Фиска избрали духовную карьеру, которая обеспечивала материальное благополучие и значительный вес в обществе. У Дюбуа, бывшего одним из первых учеников, были все возможности пойти по этому проторенному пути. Более того, ректор колледжа настойчиво предлагал ему стипендию в Хартфордской богословской семинарии. Дюбуа решительно отверг все посулы. Во-первых, он мечтал о продолжении своего образования, но светского, а не духовного. А главное — прямому и честному до резкости Дюбуа всегда претило делать или говорить то, во что он не верил. Дюбуа так определял свое отношение к религии: «Я слишком мало верил в догматы христианской веры, чтобы стать священником». И с присущей ему иронией

он продолжал: «Не скажу, чтобы я не соблюдал христианских заповедей: я в жизни ничего не крал, будь то ценности материальные или духовные; я не только никогда не лгал, но, наоборот, говорил то, что считал правдой, даже в самых неблагоприятных обстоятельствах; я не пил спиртного и не знал женщин — ни с физической, ни с психологической стороны, над чем, не слишком мне доверяя, весело смеялись мои более просвещенные приятели. Я прежде всего верил в необходимость трудиться — систематически, неустанно».

Дюбуа никогда не был кабинетным ученым. История, социология, философия и другие общественные науки, в развитии которых он оставил столь заметный след, понимались им так: общественные науки должны служить обществу. Главные интересы Дюбуа концентрировались на негритянской проблеме, но отнюдь не замыкались на ней. Он все больше приходил к выводу, что для правильного решения негритянского вопроса надо знать весь комплекс сопутствующих ему проблем. И уже в Университете Фиска Дюбуа проявляет большой интерес к политике. Он следит за соперничеством двух главных буржуазных партий — республиканской и демократической, за упорной битвой между Хейсом, Гарфильдом, Артуром и другими лидерами партий в борьбе за политическое верховенство. Знакомится с развертывавшимся тогда популистским движением, отражавшим резкое недовольство широких трудящихся масс страны все усиливавшимся засильем крупного капитала.

Во второй половине 80-х годов, в период, вплотную примыкавший к эпохе империализма, в мире происходили важные события, и особенно в странах Азии и Африки, где шло развернутое наступление колонизаторов на государства и народы, еще сохранившие к тому времени свою независимость. Дюбуа старался осмыслить борьбу народов Азии и Африки, расовую проблему в мировом масштабе в прямой связи с негритянской проблемой США. Но ему не удалось преуспеть в этом важном вопросе, чему были достаточно объективные причины: «Не обращаясь за разъяснениями ни к учебникам, ни к преподавателям, я внимательно следил за развитием расовой проблемы в разных странах мира. Трудность, однако, заключалась в том, что невозможно было получить настоящее и исчерпывающее знание фактов. Так, я не мог получить ясной картины перемен, происходивших в Африке и в Азии».

Уже в ранней юности, во время учебы в Фиске, Дюбуа проявил свои способности редактора, писателя и оратора. Еще в школе Дюбуа редактировал школьную газету, которая называлась «Крикун». Правда, «Крикун», не успев прочно стать на ноги, скоростно скончался.

Вышло всего два или три номера этой газеты.

Если редактирование школьной газеты было чем-то вроде интересной забавы, то в Фиске Дюбуа получил возможность по-настоящему проверить свои редакторские способности и даже развить их. Он стал редактором университетской газеты «Фиск геральд». Это была уже настоящая, серьезная редакторская работа, выполнявшаяся Дюбуа с большим интересом и умением. Во всяком случае, в период, когда Дюбуа был редактором, «Фиск геральд» стала самокупаемой. В этом, безусловно, была и его заслуга.

Среди студентов Фиска было много уроженцев южных штатов, которые испытали на себе все ужасы и всю мерзость политики расовой ненависти, проводившейся на Юге плантаторами, полностью восстановившими свою власть в южных штатах после предательства Хейса — Тилдена 1877 года. Подавляющее большинство студентов было на 5—10 лет старше Дюбуа, они прошли тяжелую жизненную школу, испытали на себе всю тяжесть расовой дискриминации, чего не пришлось пережить Дюбуа. Большинство студентов были убежденными сторонниками борьбы за освобождение своего народа, но, как организовать и вести эту борьбу, никто из них не знал. Каждый стремился решать эту проблему в меру своего понимания ее, а нередко и в меру своего личного темперамента. Один из товарищей Дюбуа по учебе, Дж. Д. Филд, хорошо знавший и ненавидевший белый Юг, никогда не расставался с пистолетом. В ответ на удивленный вопрос Дюбуа Филд отвечал, что пистолет требуется не часто, но если уж потребуется, его следует иметь под рукой.

Конечно, надо было иметь незаурядное мужество, чтобы в условиях Юга, где господствовал суд Линча, решиться индивидуально вступить в вооруженную борьбу с расистами. Подобное мужество заслуживало самого глубокого уважения, но Дюбуа понимал, что пистолетным выстрелом нельзя было разрешить негритянской проблемы.

Надо было готовиться к настоящей, действенной борьбе за освобождение своего народа, а для этого нужно было не только вооружаться знаниями, но и найти энергичных и многочисленных союзников. Дюбуа выступает с взволнованными, горячими речами против расовых барьеров, убеждает своих товарищей в необходимости вести неустанную, упорную борьбу за уничтожение всех проявлений расизма. Это были первые выступления Дюбуа как оратора, первый опыт массовой политической агитации, который так пригодился ему в последующие годы, которые были заполнены непрерывной, тяжелой, нередко разочаровывавшей, но в целом дававшей огромное моральное

удовлетворение борьбой за освобождение своего народа, за уничтожение всех форм и видов расовой дискриминации и сегрегации.

За годы учебы в Фиске Дюбуа твердо определил свой жизненный путь — борьба за уничтожение всех тех ужасов расизма, с которыми он познакомился на Юге.

Известный лидер республиканцев Карл Шурц писал о положении на Юге в те годы: «Люди, которые ведут себя честно во взаимоотношениях с белыми соседями, обманут негра, не испытав ни малейшего угрызания совести. Убийство негра они не считают убийством. Изнасилование негритянки они не считают развратом. Отнятие собственности у негра они не считают грабежом... Они и до сих пор убеждены в том, что черные принадлежат белым».

Убийства, принудительный неоплачиваемый труд, изнасилования негритянок, система расовых преследований, получившая название джимкродизм, — все это было обычным явлением на Юге в годы учебы Дюбуа.

Это был период дикого разгула линчеваний. С 1885 по 1894 год тысяча семьсот негров в Америке стали жертвами суда Линча. Причем следует отметить, что статистика линчеваний была далека от совершенства. «Смерть каждого из них, — писал Дюбуа, — оставляла неизгладимый след в моей душе и заставляла еще лучше понять ужас положения других национальных меньшинств».

Уже в те молодые годы у Дюбуа проявилось качество, которое осталось характерным для него на протяжении всей его долгой жизни: он никогда не замыкался в узких рамках только негритянской проблемы США. Во время пребывания в Фиске он пристально следит за всеми проявлениями расовой и национальной нетерпимости. Его глубоко потрясло линчевание нескольких итальянцев в Новом Орлеане. Он с возмущением отзывался о китайских погромах в западных штатах, внимательно следил за делом Дрейфуса, за сообщениями о дискриминации евреев и еврейских погромах в России.

Приехав на Юг, Дюбуа, по существу, не представлял, что такое расовая дискриминация, во всяком случае он не имел личного опыта в этом вопросе. И тем в большей мере его ранило любое проявление расовой нетерпимости. Глубокий след в памяти Дюбуа оставил факт, который для Юга был заурядным явлением. Во время учебы в Фиске, идя по улице Нашвилла, он случайно слегка задел белую женщину. Дюбуа тотчас же вежливо извинился, приподнял шляпу и с чувством глубокого искреннего сожаления попросил прощения за свою неловкость. «Но мой жест, —

вспоминал Дюбуа, — почему-то привел женщину в бешенство; возможно, я нарушил какой-то неписаный закон расовых взаимоотношений. Может быть, потому, что я не проявил никакого смирения? Не стал унижаться, не пал ниц перед ней? Вел себя как равный с равным? Не знаю. Я только почувствовал с ее стороны злобу и ненависть, презрение, какое может вызвать только грязная собака».

Этот случай показателен в качестве примера того, как рождается расовая нетерпимость, как однажды нанесенное негру оскорбление надолго порождает в нем настороженность и неприязнь ко всем белым. «После этого, — продолжал Дюбуа, — я по меньшей мере в течение полувека не старался быть очень вежливым с незнакомыми белыми людьми. Если же мне приходилось быть таким, чтобы не уронить себя в собственных глазах, то я делал все так, как будто не замечаю, с кем имею дело».

Трехлетнее пребывание Дюбуа в Фиске оставило огромный след в его жизни. Здесь Дюбуа определил свое жизненное кредо — борьба за счастье своего народа, здесь он пришел к твердому убеждению, что для того, чтобы эта борьба была успешной, надо вооружиться глубокими знаниями. Дюбуа был глубоко признателен преподавателям университета за все то хорошее, что они сделали для него, за знания, которые он приобрел под их руководством, но он понимал, что эти знания далеко не достаточны, что Фиск был хорошим колледжем, но это не был настоящий университет. Дюбуа никогда не покидала мечта закончить Гарвардский университет, и свою учебу в Фиске он рассматривал только как этап на пути реализации своей мечты. Сразу же после завершения учебы в Фиске он начал готовиться к поступлению в Гарвард.

Дюбуа был блестяще образованным человеком. В его время не только негры, но редко кто и из белых получал столь глубокое и разностороннее образование. По сравнению с Гарвардским и Берлинским университетами Университет Фиска выглядел отнюдь не внушительно. И тем не менее Дюбуа исключительно высоко оценивал роль Фиска, как первого высшего учебного заведения, давшего ему необходимые знания для продолжения образования. Он навсегда сохранил исключительно теплые воспоминания о Фиске, здесь училась его дочь, с этим учебным заведением он поддерживал связь на протяжении многих лет. Десятилетие, прошедшее после окончания Университета Фиска, Дюбуа рассматривал, как «своего рода продолжение моих дней пребывания в Фиске. Я был в Гарварде, но не являлся частью его. Я был студентом в Берлине, но все же оставался сыном Фиска».

Глава III

ГАРВАРД

В том, что Дюбуа осенью 1888 года стал студентом Гарварда, был значительный элемент удачи. На протяжении многих лет это учебное заведение было фактически центром по обучению молодежи Новой Англии. В 80-х годах многие деятели просвещения настойчиво ставили вопрос о необходимости превращения Гарварда в действительно общенациональное учебное заведение.

Когда Дюбуа подал заявление о приеме его в Гарвард, предпринимались меры по расширению контингента студентов университета. Момент был очень благоприятный. В пользу Дюбуа был тот факт, что он родился и получил начальное образование в Новой Англии. Не меньшее значение имело и то, что он был цветным, а до сих пор цветной студент был в Гарварде очень редким явлением. Кроме того, Дюбуа уже закончил Университет Фиска. Дипломы этого учебного заведения котировались очень низко, и не без оснований, так как, несмотря на весь энтузиазм преподавателей Фиска и их высокую профессиональную подготовку, в целом, учебная программа и уровень знаний выпускников Фиска были значительно ниже, чем в основных университетах Севера. Причем это было характерно не только для Университета Фиска, но и для других учебных заведений Юга, где система образования серьезно отставала от Севера. И, несмотря на все слабости и пробелы в подготовке выпускников Фиска, это был университет, и диплом об его окончании давал определенные преимущества при поступлении в другое высшее учебное заведение.

Сложнее обстоял вопрос с изысканием средств для продолжения образования. За время учебы в Фиске Дюбуа скопил небольшую сумму из денег, полученных им за работу учителем в летней школе. Но это были мизерные средства, которых не могло хватить даже на несколько месяцев скромного существования, не говоря о том, что за учебу надо было платить вперед, и довольно крупную сумму.

Выход был один — получить стипендию, что было довольно трудной задачей. Однако и на этот раз, так же как и при поступлении в Университет Фиска, удача сопутствовала Дюбуа, ему была обещана премия Гринлифа в двести пятьдесят долларов, получение которой решало все финансовые

проблемы, связанные с поступлением и учебой в Гарварде.

Выпуск в Фиске состоялся в мае 1888 года, до начала занятий в Гарварде оставалось несколько месяцев, которые Дюбуа использовал для поездки на Средний Запад. Это не было путешествие для отдыха или развлечения. Небольшая группа выпускников Фиска с целью заработка отправлялась на Средний Запад. Им предстояла работа в отелях в качестве официантов и исполнение музыкальных номеров для развлечения постояльцев отелей. Это был один из многочисленных способов заработка, использовавшихся студентами не только Фиска, но и других университетов.

В состав группы вошли четыре студента, которые уже имели опыт работы в отелях. Для Дюбуа это было совершенно новое поприще, но он тем не менее был приглашен в группу в качестве импресарио. Для новичка это было высокое доверие и безусловное признание его больших организаторских способностей. И действительно, за время учебы в Фиске Дюбуа зарекомендовал себя прекрасным организатором, энергичным и трудолюбивым руководителем, который не стремился занять почетный пост председателя при проведении какого-либо мероприятия, а всегда успешно выполнял роль работающего секретаря. Так было во время его работы в студенческой газете, при сборе средств для постройки физкультурного зала университета и во многих других случаях.

Дюбуа и его группа прибыли в летний отель на озере Миннетонка, возле города Миннеаполиса, в штате Миннесота. Работа оказалась не из легких. Посетители отеля развлекались каждый в меру своих склонностей и моральных принципов, которые, как правило, не отличались особой устойчивостью. Будние дни проходили более или менее спокойно, а по субботам и воскресеньям нередко имели место развлечения, напоминавшие настоящие оргии. Рекой лилось спиртное, появлялись многочисленные веселые женщины без мужей, тратились огромные суммы денег. Студенты, имевшие небольшой опыт работы в качестве официантов к обслуживанию клиентов не допускались. Они только время от времени должны были убирать столы.

Подобное времяпрепровождение, конечно, не могло дать удовлетворения, и только концерты, проходившие с известным успехом, сглаживали неприятный осадок от работы в отеле. В сентябре Дюбуа покинул свою группу и отправился на Юг, а потом на Запад, чтобы заключить контракты на выступление музыкальной группы из Фиска. За две недели напряженной работы он побывал в Миннеаполисе, Сент-Поле, Мадисоне, Милуоки и Чикаго. Путешествие было не из легких, но чрезвычайно интересное, оставившее незабываемое впечатление. Дюбуа

познакомился со Средним Западом, с традициями, обычаями, условиями жизни населения этого своеобразного района. Встречался со многими интересными людьми самого различного положения в обществе. Среди них были священники, руководители различных религиозных организаций и литературных объединений. Переговоры о подписании контрактов происходили с переменным успехом, но несколько соглашений было подписано. И с материальной точки зрения поездка себя оправдала. После вычета расходов на переезды, питание и оплату места жительства каждый из участников поездки получил по сотне долларов. Что же касается впечатлений от пребывания в новых местах и встреч с людьми, то эта поездка дала Дюбуа очень многое. Он прожил 17 лет в Новой Англии, три года — на Юге, а теперь благодаря этой поездке он получил достаточно полное представление о Среднем Западе. Его страсть к путешествиям, стремление увидеть все интересное собственными глазами делали эту поездку особенно для него < важной и полезной.

Завершив поездку по Среднему Западу, Дюбуа в конце 1887 года начал занятия в Гарвардском университете. Во время поступления в Гарвард его предупредили, что он может быть принят только на предпоследний курс, если даже получит в Университете Фиска степень бакалавра искусств. В подобном условии не было никакой дискриминации. Оно объяснялось тем, что программа средней школы в Грейт-Баррингтоне далеко не удовлетворяла требованиям Гарварда, а уровень знаний выпускника Фиска был значительно ниже того, который давал Гарвардский университет.

У Дюбуа была одна цель при поступлении в Гарвард — расширить и углубить свое образование, изучить науку наук — философию, и его ни в коей мере не смутило условие, поставленное ему при поступлении в Гарвард. С осени 1888 года по 1890 год Уильям Дюбуа учился в Гарвардском университете. У него не было долгих колебаний в вопросе о том, какой выбрать курс лекций. Он сразу же принял решение изучать то, что не изучалось или преподавалось по сокращенной программе в Университете Фиска, где не было, например, настоящей химической лаборатории и давались очень ограниченные знания по математике. И Дюбуа остановил свой выбор на смешанном Курсе лекций, в который входили химия, геология, общественные науки и главное — философия.

В 1888 году, когда Дюбуа стал студентом Гарварда, этот университет, существовавший уже в течение двухсот тридцати восьми лет, пользовался репутацией одного из самых солидных высших учебных заведений страны. В то время среди его руководителей и профессоров была целая плеяда блестящих ученых, прекрасных педагогов и знатоков своего дела, равных

которым не было ни в одном другом университете США.

Дюбуа с огромным энтузиазмом принялся за учебу. С большой теплотой он вспоминал своих профессоров того периода. Уильям Джеймс, курс лекций которого прослушал Дюбуа, помог ему перейти от аморфной схоластической философии к реалистическому прагматизму. Это было отнюдь не прогрессивное направление философии, особенно отрицательную роль оно сыграло в более поздний период, когда было взято на вооружение реакционными кругами США. Но бесспорно то, что Уильям Джеймс, основатель этой школы, был талантливым ученым, ставшим по своей профессиональной подготовке значительно выше большинства философов своего времени.

Для исторических и социологических работ Дюбуа всегда было характерно использование огромного количества архивного и документального материала. Это особенно присуще его социологическим исследованиям, о неграх США, фундаментальной работе о работорговле, прекрасно документированной монографии о жизни и деятельности Джона Брауна, фундаментальному исследованию негритянской проблемы в период реконструкции.

Это исключительно внимательное, трогательно бережное отношение к архивной документальной базе исследования было привито Дюбуа его преподавателями в Гарварде. Дюбуа отмечал, что среди преподавателей общественных наук в Гарварде были ученые, по-разному подходившие к оценке явлений, которые они исследовали, различны были и их методы преподавания. Лекции Фрэнсиса Пибоди напоминали религиозно окрашенные проповеди социальных реформ. В то время как профессор Элберт Башнелл Харт, ведущий курс истории, был горячим поборником проведения исследовательской работы на документальной базе.

Фрэнк Тоссиг вел курс политэкономии, который носил отчетливо выраженный реакционный характер. Здесь, в Гарварде, Дюбуа усиленно занимался наукой, которая в то время не имела еще отчетливо сформировавшегося направления и даже не получила своего наименования. Только позднее ее стали называть социологией. Дюбуа был настоящим энтузиастом этой новой отрасли науки, и по окончании Гарвардского университета он успешно занимался социологическими исследованиями, ценность которых целиком сохраняется и в наши дни.

Разумеется, в этом уважаемом университете тщательно избегали касаться таких крамольных тем, как научный коммунизм, хотя к тому времени уже были опубликованы важнейшие труды Маркса и Энгельса в области философии, политэкономии, истории. «О Карле Марксе

говорило редко, — вспоминал Дюбуа, — да и то как о человеке, чьи сомнительные воззрения давно отвергнуты. Социализм считался пустой мечтой филантропов, несбыточным идеалом, будоражащим горячие головы, изучением его пренебрегали как чем-то второстепенным».

За время обучения в Гарварде Дюбуа пришел к выводу, что философия, литература и физические науки изучались там очень глубоко, на самом передовом для того времени уровне. Что касается истории, политэкономии, социологии, то здесь достижения университета были более чем скромными. Но бесспорным было одно — в Гарварде имелись все условия для серьезных занятий, а это было для Дюбуа главным. И Дюбуа не преминул их использовать «Гарвард того времени, — писал Дюбуа, — открывал широкие возможности для молодого человека вообще, а для молодого негра в особенности, и я это понимал. Я выработал собственные методы, отличные от методов большинства других студентов. Я никогда не сидел ночами, а готовился к занятиям днем и распределял свое время с точностью почти до минуты. Я подолгу сидел в библиотеке и выполнял задания очень тщательно, заранее обдумывая, какой работой заняться позднее».

С большим увлечением Дюбуа занимался политэкономией. Вместе со своими товарищами по учебе он часами просиживал над работой Ракардо «Фонд заработной платы», пытаясь применить его теоретические выводы для понимания экономических процессов, происходивших в США в конце 80-х годов. В стране бурно развивался процесс концентрации и монополизации капитала, тресты и монополии устанавливали все более жесткий контроль не только над экономической, но и над политической и вещественной жизнью страны. В Гарварде отмечали большую угрозу демократии, которую несли с собой тресты, но вместе с тем приходили к выводу, что это необходимое условие индустриализации и ее неизбежный спутник. И опять-таки если и заходила когда речь о Марксе, то только для того, чтобы лишний раз подчеркнуть, что его выводы не оправдались, о его же учении в целом никогда не упоминалось.

В Гарварде сравнительно большое внимание уделялось политэкономии и практическому применению ее различных теорий для объяснения современных явлений в американской и мировой экономике, но вместе с тем там совершенно не изучалось положение рабочего класса и рабочее движение. Подавляющее большинство студентов относилось к рабочим с пренебрежением, а упорную классовую борьбу пролетариата рассматривали как нарушение всех законов и обычаев цивилизованного общества. Дюбуа писал по этому поводу: «Это было в порядке вещей: ведь

Гарвард был детищем своей эпохи. Свободная мысль, которая расцвела было в нем в конце XVIII — начале XIX века, постепенно сникла под мертвящим экономическим давлением, и Гарвард стал богатым, но реакционным учебным заведением».

Как и во многих привилегированных учебных заведениях, в Гарварде было немало прекрасно обеспеченных студентов, особенно не утруждавших себя наукой. Они с большим или меньшим успехом старались совместить пребывание в стенах университета с праздной, беззаботной жизнью, заполненной всевозможными развлечениями. И преподавателям было приятно иметь дело с таким серьезным студентом, как Дюбуа, который занимался с огромным увлечением и настойчивостью.

У Дюбуа установились очень хорошие, дружественные отношения с Уильямом Джеймсом, поклонником школы которого он являлся. Дюбуа часто бывал дома у Джеймса, который с большим удовольствием занимался со своим любимым учеником. Дюбуа состоял членом философского клуба, в котором участвовал в дискуссиях с преподавателями философии Джорджем Полмером и Джосае Ройсом.

С огромным увлечением занимался Дюбуа историей, и к нему с большим уважением относился Элберт Харт, ведущий этот предмет Дюбуа был одним из лучших учеников Харта, по рекомендации которого он отправился после окончания Гарварда на учебу в Берлинский университет.

Не все шло гладко у Дюбуа с учебой. Редко, но все же бывали и срывы. Надолго ему запомнился, например, случай с сочинением по английскому языку. Как и во время учебы в Фиске, Дюбуа с огромным вниманием следил за развитием негритянской проблемы. И всегда старался взять темой для доклада, выступления, сочинения эту самую злободневную для него проблему. Свою первую письменную работу в Гарварде Дюбуа посвятил разоблачению нападок белых южан на негров. О таких вопросах он не мог писать в спокойной манере бесстрастного летописца или добросовестного, но безразличного к сути проблемы регистратора событий. Ненависть к южным расистам, злоба и презрение ко всем их пособникам и молчаливым подстрекателям, боль и глубочайшее сочувствие к поруганному человеческому достоинству своих черных братьев, бьющая ключом страстность и глубокая убежденность человека, сражающегося за самое близкое, дорогое и понятное в жизни, — все это было в работе Дюбуа.

Он хорошо знал грамматику, имел большой словарный запас, но, когда ему приходилось писать о негритянской проблеме, Дюбуа меньше всего заботился о литературной форме, грамматической округности фраз,

лексике и стилистике. Пунктуальным до педантичности преподавателям английского языка, разумеется белым, было глубоко безразлично отношение Дюбуа к негритянской проблеме, их интересовала только форма, а не содержание его работы. Во всяком случае, работа, в которую Дюбуа вложил всю свою душу, всю страсть своего сердца, не вызвала никаких эмоций у преподавателей, а ее достоинства с учетом стилистических и грамматических ошибок были определены оценкой «неудовлетворительно».

Автор сочинения был близок к шоковому состоянию. Впервые в жизни его знания получили такую беспощадную и, как он понимал, объективно правильную оценку. Это был урок на всю жизнь И Дюбуа сделал выводы, которым следовал всю жизнь: если хочешь, чтобы твои мысли были убедительны и доходчивы, мало страсти и убежденности в своей правоте, материал надо излагать и хорошим литературным языком.

Потерпев фиаско со своей первой письменной работой, Дюбуа с яростью одержимого занялся изучением английского языка. Он понимал, что если ты хочешь, чтобы народ понял тебя, те надо по крайней мере безукоризненно владеть языком, на котором говорит этот народ. Дюбуа выбрал для себя самый лучший и самый трудный в Гарварде курс английской стилистики, значившийся в списке курсов, представленных студентам для выбора, под номером двенадцать.

Многие месяцы упорного труда дали свои результаты. Дюбуа сохранил работу, которую он написал 3 октября 1890 года для лучшего в Гарварде специалиста по английскому языку, Баррэтта Уэнделла. «Толкаемый к тому жизненными условиями, — писал Дюбуа, — я выработал привычку составлять планы на будущее. Нередко я ошибался, подвергал свои планы изменениям, но, как бы то ни было, я рано и глубоко осознал, что жизнь — серьезная вещь... Возможно, это глупо, но я искренне верю: мне есть что сказать миру, и для того, чтобы сказать это как следует, я выбрал курс номер двенадцать».

Это были знаменательные слова Дюбуа действительно было что сказать миру. Вся долгая жизнь этого выдающегося ученого и борца за мир и дружбу между народами доказала, что слова 22-летнего студента не были излишней самоуверенностью, нередко присущей юности.

Показательно и то, что урок, полученный в Гарварде, сослужил Дюбуа добрую службу. Он сделал выбор, которому следовал всю жизнь, мысль должна быть совершенной и по содержанию и по форме, только тогда она дойдет до сознания окружающих и будет правильно понята.

Дюбуа неукоснительно следовал этому правилу. И все его научные

труды, публицистические статьи, многочисленные речи и выступления — настоящий образец глубины мысли и совершенства ее изложения. Что касается художественных произведений Дюбуа, особенно его многочисленных романов, то об их литературных достоинствах свидетельствует тот факт, что Дюбуа по праву считается одним из основателей современной негритянской литературы в США.

За годы учебы в Гарварде Дюбуа не бедствовал, но жил очень скромно. Он был лишен возможности снять комнату в здании колледжа, где проживали состоятельные студенты, и должен был поселиться на частной квартире, выбрав скромную комнату в доме одной цветной семьи. Дюбуа приходилось постоянно подрабатывать, чтобы свести концы с концами, в частности, он отправлялся в лекторские турне по стране, что давало возможность не только укрепить материальное положение, но и познакомиться с новыми местами.

Однажды, подсчитав все свои небольшие доходы и многочисленные расходы, Дюбуа пришел к твердому убеждению, что он находится на грани полного финансового банкротства. Возможность пополнить свой бюджет он имел в то время только одну: попытаться получить одну из премий Бойлетона, присуждавшуюся в Гарварде за ораторское искусство. И Дюбуа добился своего, заняв на конкурсе второе место. Это было тем более знаменательное событие, что, первое место тоже занял один из немногочисленных студентов-негров, обучавшихся в университете, Клемент Морган.

Во время учебы в Гарварде Дюбуа заинтересовался африканской проблемой. Он с гордостью отмечал величие Африки и с чувством отвращения констатировал, что земля его предков должна поклоняться «англосаксонскому богу». Этот первый интерес к Африке с годами не пропал, а еще больше окреп и развился, найдя свое отражение в научных трудах Дюбуа, в его художественных произведениях, в его активной общественно-политической деятельности, направленной на освобождение Африки от оков колониализма, на построение новой жизни в независимых странах Африканского континента.

Касаясь негритянской проблемы, Дюбуа обращал значительное внимание и на экономический аспект этого вопроса. В частности, отмечая то, что Север предпринимал определенные усилия в деле обучения негров, он подчеркивал, что его великодушные на этом и заканчивалось. Ничего не предпринималось для того, чтобы дать возможность работать тем самым неграм, которым помогли получить какое-то образование.

Дюбуа заявил в 1891 году, что белая олигархия Юга эксплуатирует

негритянских рабочих и что для защиты своих экономических интересов им необходимо получить политические права. Дюбуа отмечал, что Юг страдает от сверхбыстрой индустриализации, осложненной политическими и экономическими недугами. Как же избавиться от этих недугов? Он видел выход в том, чтобы создать на Юге действенную систему образования. Дюбуа отмечал, что Юг не возражает против того, чтобы создавать начальные общеобразовательные школы и школы по подготовке негритянских юношей к промышленной деятельности. Что же касается университетов, то их создание белая олигархия Юга рассматривает как совершенно излишнюю затею. Образованные негры, по мнению Дюбуа, должны были направлять и руководить образованными и политически активными массами трудящихся негров.

В этих высказываниях Дюбуа четко отражалась его позиция по негритянскому вопросу в то время: образование — панацея от всех зол. Надо дать возможность неграм стать образованными людьми, и это решит все экономические и политические аспекты негритянской проблемы. Этот гипертрофированный примат проблемы образования был составной частью его главной теории — «талантливые десять процентов» поведут за собой весь негритянский народ и выведут его на светлую дорогу всеобщего равенства и братства.

Взгляды Дюбуа на негритянскую проблему в определенной мере отражало его выступление в Бостоне в 1891 году. Двадцатитрехлетний аспирант Гарварда с горечью говорил о том, что, по его мнению, есть плохого в негритянской расе. Он возлагал в значительной мере на негров ответственность за условия, в которых они находились. Он заявлял, что негры не сделали вклада в цивилизацию и они находятся на примитивном уровне развития. Дюбуа подчеркивал, что библиотеки и литературные общества игнорируются неграми. Он обвинял негритянскую церковь за бездеятельность в деле организации негритянского образования. Негры, говорил Дюбуа, унижают себя, воспринимая «англосаксонский образец морали».

Это было выступление человека, горячо переживавшего за свой народ. Его критика в адрес негров была направлена на то, чтобы активизировать движение широких масс негритянского народа, показать то, что мешает неграм успешно бороться за разрешение негритянской проблемы.

Дюбуа никогда не был аскетом, человеком, отгораживающимся от реальной жизни, но он, как правило, старался избегать того, что могло помешать его занятиям, он стремился взять Ст пребывания в университете все, что можно было взять.

Но в Гарварде была одна студенческая организация, членом которой он горячо хотел быть, — «Веселый клуб», объединявший тех, кого у нас принято называть участниками художественной самодеятельности. У Дюбуа был хороший голос, он любил и понимал музыку, и тем не менее доступ в «Веселый клуб» для него оказался закрыт. Причина была одна: респектабельные студенты — члены клуба, разъезжавшие со своими концертами по всей стране, не пожелали иметь в своей компании цветного.

Дюбуа воспринял отказ очень спокойно. Причиной этого являлось то, что за три года проживания на Юге он прошел через чистилище расовой дискриминации и сегрегации, и решение «Веселого клуба» не явилось для него неожиданностью. Примеров подобных оскорблений было немало. На одном из приемов, например, белая дама с настойчивостью, достойной лучшего применения, назойливо пыталась подчеркнуть, что она принимает Дюбуа за официанта.

Круг друзей Дюбуа состоял из цветных студентов Гарварда и других учебных заведений и негров, живших в Бостоне. Их объединяла общая культура, общая расовая принадлежность, одинаковая судьба, неотъемлемой частью которой была расовая дискриминация. Эти люди жили в одном духовном мире, и вполне естественно, что этот мир сплачивал и объединял их. Так сложилась самостоятельная негритянская община, подобных которой было в США десятки тысяч.

Повторялось то, что уже было так хорошо знакомо по учебе в Фиске, где существовал непроницаемый расовый барьер. Дюбуа и в Университете Фиска и в Гарварде отличался от значительного большинства негров тем, что добровольно принимал расовую сегрегацию. Это не была капитуляция раба перед рабовладельцем, признание цветным превосходства белого. Наоборот, это была своеобразная, возможно не лучшая, но форма протеста и даже борьбы против расового барьера. Многие негры, стремясь вырваться из расового барьера, искали покровительства белых, старались как можно скорее приобщиться к «белой» культуре. Дюбуа шел иным путем он пытался всеми возможными средствами доказать, что негр не ниже белого, что цветной может превосходить белого и в интеллектуальном, и в духовном, и в моральном отношении.

Дюбуа в определенной мере замыкался в расовом барьере. «Это, разумеется, не было моим окончательным решением. Впоследствии, став сплоченными и вооруженными знаниями, мы, негры, должны были сломать этот расовый барьер, пока же мы собирались в единый кулак, готовясь к борьбе, и были счастливы. Возможно, что, предвидя в будущем полное слияние человеческого общества, когда не будет ни дискриминации, ни

неравенства, я еще сильнее испытывал желание общаться пока с людьми одной со мной расы и по мере возможности забывать о существовании этого окружающего меня «мира белых».

Шовинизм проявлялся в Гарварде довольно отчетливо, в университете, например, пренебрежительно относились к ирландцам и евреям. Но особенно дискриминировались негры. Причем расизм находил свое проявление не только в антинегритянских выступлениях отдельных студентов, расистские теории нередко проповедовались и с университетских кафедр. В частности, в лекциях о биолого-расовой эволюции настойчиво подчеркивалось, что имеются существенные различия между основными группами людей, и, как само собой разумеющееся, отмечалось, что на самой низкой стадии развития находятся негры. Дюбуа запомнилось посещение музея, где были экспонированы скелеты, начиная от обезьяны и кончая белым человеком. Скелет негра был поставлен в этой экспозиции чуть-чуть впереди шимпанзе.

Нетрудно представить, как могли реагировать на подобные «научные» положения студенты-негры, многие из которых, подобно Дюбуа, были прекрасно подготовлены во многих областях науки, учились с большим успехом, чем белые студенты. Это были люди с обостренным чувством собственного достоинства, с легко ранимым самолюбием, что являлось следствием частых оскорблений со стороны расистов.

На таких расистских теориях воспитывались студенты Гарварда. и не было ничего удивительного в том, что Дюбуа и другие немногочисленные студенты-негры, обучавшиеся в университете, нередко сталкивались с фактами грубой расовой дискриминации.

В июне 1890 года Дюбуа с отличием закончил Гарвардский университет, получив степень бакалавра философии. В числе пяти других выпускников ему было предоставлено почетное право выступить на выпускном вечере, что являлось признанием его больших успехов в учебе. Тема, выбранная Дюбуа для выступления, могла показаться на первый взгляд по крайней мере странной: Джефферсон Дэвис, президент мятежной рабовладельческой Конфедерации периода гражданской войны. Но в выборе этой темы был особый смысл: Дюбуа пытался таким образом начать в Гарварде, да и в масштабах страны, дискуссию о рабстве и тем самым привлечь внимание к современному состоянию негритянской проблемы в США.

Оценка Дюбуа деятельности Джефферсона Дэвиса, данная в этом выступлении, представляет очень большой интерес как образец прекрасно аргументированной критики догматов расистской рабовладельческой

идеологии и практики. Интересны и оценки двадцатидвухлетнего Дюбуа вопроса о роли личности в истории, показательны это выступление и с точки зрения глубины интеллекта молодого ученого.

«Я намерен, — говорил Дюбуа, — исследовать не отдельную личность, а тот тип общества, который она представляла. В основу этого общества была положена идея сильной личности — индивидуализм в сочетании с властью силы, а ведь именно эта идея принимается за логику даже в современной истории, равнодушную логику большой дубины. Именно она сделала от природы храброго и великодушного человека Джефферсоном Дэвисом, который то насаждает цивилизацию, убивая индейцев, то становится «героем» национального позора, из вежливости названного Мексиканской войной, и наконец — верх абсурда! — берет на себя странную роль поборника права людей, дорожащих своей свободой, лишая свободы другой народ... В каком бы виде ни появлялся такой Джефферсон Дэвис — как отдельная личность, отдельная раса или государство, — смысл существования его логически сводится только к одному: к возвышению и прогрессу какой-то части за счет целого, исходя из преувеличенного состояния собственного «я» и, следовательно, забвения понятия «ты». Прогрессу цивилизации всегда мешал близорукий национальный эгоизм... Утверждать, будто какая-нибудь нация стоит поперек дороги развитию цивилизации, значит противоречить истине, а человеческая цивилизация, основанная на возвышении одной расы и угнетении другой, представляет собой фарс и ложь. Именно такого рода цивилизацию представлял Джефферсон Дэвис — цивилизацию, на почве которой вырастают мужественные и героические характеры, но наряду с этим безнравственность и утонченная жестокость. Такие разительные противоречия возникают всякий раз, когда какой-нибудь народ возомнит, будто целью человеческого развития является не просто цивилизация, а цивилизация тевтонов».

Выступление Дюбуа произвело огромное впечатление и получило блестящие отзывы научной общественности и прессы. Один из профессоров Гарварда, у которого Дюбуа занимался, после его выступления писал в крупном периодическом издании того времени «Кейт Филдс Вашингтон», что Дюбуа произвел фурор и оказался в центре всеобщего внимания. Отметив выдающиеся научные достоинства доклада Дюбуа, профессор подчеркивал, что докладчик был прекрасным студентом и «наверняка самый способный из негров, учившихся в Гарварде». Заключительная фраза в статье профессора знаменательна: вольно или невольно она признавала то, что негры в университете были на особом

положении.

В газете «Бостон геральд» выступил нью-йоркский епископ Поттер, присутствовавший на выступлении Дюбуа. Отметив, что его выступление было блестящим и красноречивым, епископ делал знаменательный вывод: «Вот на что способна эта древняя раса, когда у нее есть поле для приложения сил, высокая цель и твердая решимость».

В редакционной статье нью-йоркского еженедельника «Нэйшн» был нарисован яркий портрет Дюбуа, выступившего на торжественном выпускном вечере: «Когда произнесли имя Уильяма Эдварда Дюбуа и на кафедру поднялся стройный, с интеллигентной внешностью мулат, поклонился ректору университета, губернатору штата Массачусетс, нью-йоркскому епископу, а также знатным горожанам — их было около ста человек, — в зале вспыхнули аплодисменты в знак признания необычности его появления здесь». Журнал отмечал, что выступление Дюбуа прошло с огромным успехом.

Итак, еще один важный рубеж на пути в большую науку был преодолен. По тому времени Дюбуа уже имел прекрасное образование, равное которому было редким явлением даже среди белых. Позади было пятнадцать лет непрерывной учебы. Однако Дюбуа еще не чувствовал себя достаточно хорошо подготовленным к выполнению той миссии, которую он добровольно принял на себя. К этому времени он уже пришел к твердому убеждению, что успешно бороться за счастье своего народа можно, только вооружившись глубокими знаниями. Дюбуа блестяще закончил два университетских курса, но он отчетливо видел, что жизнь сложнее, чем теоретические выкладки университетских профессоров, что необходимо и далее углублять и совершенствовать свои знания, чтобы понять, объяснить, а главное, суметь разрешить негритянскую проблему, в чем он видел свое призвание.

И действительно, в США и в мире происходили изменения огромного масштаба, которые требовали своего изучения и объяснения. На Юге США была создана система пеонажа и издольщины, негры да и многие белые бедняки подвергались жесточайшей эксплуатации. Это было следствие захвата власти в штатах Юга плантаторами-демократами, взявшими курс если не на формальное, то на фактическое порабощение негров. Это было новое, если можно так выразиться, комбинированное рабство, приспособленное к нуждам не только плантаторов, но и буржуазии, захватившей после гражданской войны власть в национальном масштабе. Это был период, когда на Юге США складывались новые экономические и политические отношения, яркую характеристику которых позднее дал

Ленин: «Замкнутость, заскорузлость, отсутствие свежего воздуха, какая-то тюрьма для «освобожденных» негров — вот что такое американский юг».

В южных штатах происходили важные изменения в классовом составе населения. Значительно изменился по сравнению с предвоенным периодом класс плантаторов. Очень многие плантации были куплены буржуазией Севера, которая, теперь не только косвенно, но и прямо приняла участие в эксплуатации негров. Значительные сдвиги в расстановке классовых сил произошли и среди белых бедняков. Теперь не нужна была столь огромная, как до войны, армия погонщиков и надсмотрщиков за рабами; чтобы зарабатывать средства на существование, многие белые бедняки вынуждены были заняться производительным трудом, в первую очередь выращиванием хлопка. Начинает быстро расти процент белых, занятых на хлопковых плантациях, где в период рабства лоснились под лучами горячего южного солнца только потные спины негров-рабов.

Конечно, сохранялись расовые предрассудки, культивировавшиеся на Юге не одно столетие. Белый бедняк нередко находился в такой же страшной нищете, как и негр, подвергался столь же беспощадной эксплуатации, но тем не менее он до глубины души презирал негра, считая его человеком второго сорта, ни в коей мере не равным белому. Однако общий труд, общие классовые интересы, необходимость совместной борьбы против плантаторов — все это создавало объективные предпосылки для сближения негров и трудовой части белого населения, что и нашло свое отражение в совместных выступлениях негров и белых в 90-х годах, когда в стране развернулось массовое движение, получившее название популистское.

На Юге стала быстро развиваться промышленность, что неизбежно влекло за собой важные социально-экономические и политические сдвиги. Дело не только в том, что негров эксплуатировали жесточайшим образом, что платили им нередко только половину того, что на Севере, что рабочая неделя достигала 60–84 часов. В обширном районе страны, где вся жизнь строилась на принципах расизма, даже развитие промышленности не могло происходить в обычных формах, присущих буржуазному государству. Была резкая противоречивость в том, что создание самой передовой промышленности сопровождалось полуфеодальными методами эксплуатации рабочих, особенно негров.

На Юге широко применялся принудительный труд, в виде сдачи внаймы заключенных. В южных штатах очень большие масштабы приняла практика ареста рабочих за мельчайшие нарушения, а часто и без всякой причины; арестованных присуждали на очень длительные сроки

заклучения и передавали их в полное распоряжение предпринимателей. Известный историк-негр писал, что эта система приобрела широкий размах. Законодательные собрания южных штатов отдавали внаем крупным промышленникам и плантаторам приговоренных к тюремному заключению рабочих на сроки в 10, 20 и даже 30 лет. «Падение нравов и жестокость, вызванные этой системой, носили совершенно невероятный характер, в них трудно было бы поверить, если бы на этот счет не имелось много подтверждений из официальных источников. С существовавшей на Юге системой найма преступников современный ученый может сравнить только средневековые преследования или порядки, существовавшие в концентрационных лагерях гитлеровской Германии».

Дюбуа внимательно следил за развитием событий на Юге по сообщениям прессы, по рассказам очевидцев. Суть этих событий была ясна, расовая подоплека полуфеодалных методов эксплуатации негров не вызывала никаких сомнений. Но научное изучение этих новых явлений в жизни негров Юга, выработка средств борьбы с этой жесточайшей эксплуатацией негров требовали знаний, опыта, времени. Только много лет спустя, приобретя огромный опыт изучения истории и современного положения негров, Дюбуа глубоко проанализирует все эти новые явления в своем капитальном труде «Черная реконструкция», опубликованном в 1935 году. Дюбуа сделал в этой работе вывод, что «при помощи такого порабощения уголовных преступников на Юге сотни плантаторов накопили крупные состояния». Колоссальные прибыли принудительный труд негров приносил и промышленникам Юга.

Стремясь удержать негров в повиновении, реакционные силы Юга развернули жесточайший террор против негритянского населения южных штатов. Только позднее, в значительной мере благодаря инициативе Дюбуа, стали публиковаться достойные доверия данные о числе жертв антинегритянского террора. Но бесспорным было одно — число этих жертв было очень значительным.

Жесточайшая эксплуатация, суды Линча, полное политическое бесправие явилось причиной массового бегства негров с Юга на Запад. Особенно активно этот процесс развивался в 1879–1880 годах, когда, по некоторым данным, с Юга переселилось на Запад, в Канзас до 25 тысяч негров.

Это была не первая попытка решения негритянской проблемы путем переселения негров. Еще в 1816 году в США по инициативе рабовладельцев было создано Американское колонизационное общество, цель которого заключалась в том, чтобы переселить в Африку свободных

негров, боровшихся за уничтожение рабства. За 1820–1852 годы это общество переселило в Либерию около восьми тысяч негров. Подавляющее большинство негров рассматривало США как свою родину и выступало против переселения в Африку или в какое-либо другое место. Но некоторые из негров видели в эмиграции единственное средство избавиться от расовых преследований, и они поддерживали планы переселения в Африку. Активными борцами против переселения негров являлись Уильям Гаррисон, Фредерик Дуглас и другие лидеры аболиционистов. К началу 50-х годов, когда в США резко обострилась борьба вокруг проблемы рабства, стало очевидным, что негритянский вопрос невозможно решить путем колонизации. Деятельность общества все более глохла, и к началу 50-х годов оно фактически прекратило свое существование.

На протяжении всего периода рабства негры массами бежали в северные штаты и в Канаду. Это была стихийная попытка спастись бегством от рабовладельцев. В конце 50-х годов XIX века под руководством лидера аболиционистов Мартина Делани началось движение за переселение негров из Америки. В 1877 году в Южной Каролине возникла идея переселения негров в Либерию. Тогда же был законтрактован корабль, совершивший один рейс и вывезший в Либерию 206 эмигрантов. Однако переезд в далекую Африку стоил больших денег, помимо этого, американских негров ничто, кроме цвета кожи, не связывало с африканскими неграми.

И в последующие годы возникало движение за переселение негров. После первой мировой войны началось массовое переселение негров с Юга на Север, что сыграло большую роль в положении всего негритянского народа США. В 20-х годах началось массовое движение негров под руководством Маркуса Гарви. Лозунг движения «Назад в Африку!» нашел немалый отклик среди негров. А после второй мировой войны началась бурная урбанизация негритянского населения, массовое переселение негров в города, оказавшее большое воздействие на развитие всего негритянского движения.

Но это были события будущего. А когда в 1879 году началось массовое переселение негров в Канзас, все, кто следил за развитием негритянского движения в стране, задавали вопросы, в чем корни этого движения, какова социальная база негритянского населения, участвующего в этой миграции, каковы будут последствия этого движения.

Разумеется, возникали не только вопросы, связанные с миграцией негров. Очень остро стояла вся негритянская проблема, чувствовалась острая необходимость научного обобщения многогранного опыта борьбы

негров за свои права, глубокого всестороннего анализа всего комплекса проблем, связанных с негритянским вопросом, с новыми явлениями в развитии всей страны.

В сознании Дюбуа все более крепла уверенность в том, что ему есть что сказать миру, но вместе с тем он понимал, что ему еще не хватает необходимых знаний, чтобы сказать это достаточно аргументированно, научно обоснованно. Дюбуа писал: «Я понимал: чтобы разобраться в новой обстановке, в чрезвычайно сложных событиях, развивавшихся в Соединенных Штатах и во всем мире, мне нужно учиться дальше. Ведь я, в сущности, только приступил к изучению социальных условий Жизни».

У Дюбуа уже было твердое решение посвятить свою жизнь борьбе за освобождение негров. Однако возникал вопрос, какую избрать специальность, как обеспечить себе средства существования. Научные интересы Дюбуа к моменту завершения учебы в Гарварде уже определились, философия — наука наук безраздельно завоевала сердце молодого ученого. Несмотря на то, что его учитель Уильям Джеймс настойчиво повторял, что общество плохо оплачивает труд философов, что философу не прокормиться своим трудом, Дюбуа твердо решил посвятить себя изучению и преподаванию философии.

Вместе с тем у Дюбуа в Гарварде, в значительной мере под влиянием курса истории США, который с большим профессиональным искусством вел Элберт Харт, проявился большой интерес к истории, изучение которой он также хотел продолжить. «У меня, — писал Дюбуа, — возникла идея применить философию к исторической интерпретации расовых взаимоотношений. Иными словами, я пытался сделать первые шаги в социологии как науке о человеческой деятельности».

Социологии как науки в то время не существовало, но и после того как она завоевала себе право на существование, ей пришлось отстаивать это право в ожесточенной борьбе с доктринерами и догматиками слева и справа. И если сегодня эта наука получила полное признание и развивается быстрыми темпами, то во многом благодаря работам первых энтузиастов социологических исследований, к числу которых в США относится Уильям Дюбуа. Его социологические исследования о неграх, созданные в конце прошлого века, и сегодня являются классическими работами, без которых не обходится ни один серьезный исследователь истории негров США.

Работы эти, принесшие Дюбуа всеобщее признание, были созданы позже, а в период после завершения учебы в Гарварде перед ним стояла проблема выбора пути, который дал бы ему возможность заниматься и философией и историей, используя накапливаемые знания для

практической деятельности в интересах решения негритянской проблемы в США.

Негритянской тематике Дюбуа остался верен всю жизнь. Это в равной степени относится к его трудам в области истории и социологии, его художественному творчеству, публицистике, редакторской деятельности, выступлениям как общественному деятелю. И первую свою серьезную научную работу он посвятил исследованиям в области негритянской истории. Потом, следуя совету своего учителя Элберта Харта, принялся за докторскую диссертацию о запрещении работорговли в Америке.

Блестящие способности, глубина научного анализа уже в первых работах, редкое трудолюбие, прекрасные отзывы профессоров Гарварда позволили Дюбуа добиться стипендии, и с 1890 по 1892 год он был аспирантом Гарварда, с огромным увлечением занимаясь изучением комплекса дисциплин, которые в настоящее время называются социологией. Работа над диссертацией продвигалась успешно, и весной 1892 года Дюбуа получил ученую степень магистра, а затем был избран членом Американского исторического общества.

Свидетельством большого интереса, проявленного американскими учеными уже к первым работам Дюбуа, было то, что в 1892 году его пригласили в Вашингтон выступить с докладом по теме докторской диссертации на заседании общества. Выступление Дюбуа прошло с огромным успехом. Трудно припомнить случай, чтобы молодой негритянский ученый получил столь быстрое признание в национальном масштабе. К тому времени негритянский народ уже дал Америке немало выдающихся деятелей в области искусства, художественной литературы, общественной деятельности.

Жив был еще Фредерик Дуглас, общепризнанный лидер негров во второй половине XIX века. Выдающийся самоучка поражал современников остротой своего ума, глубоким знанием и пониманием сложнейших аспектов негритянской проблемы, блестящие статьи и речи Дугласа, его поразительно талантливые мемуарные произведения и сегодня читаются с огромным интересом. Но жизнь настоятельно требовала нового руководства негритянским движением. Нужны были руководители, которые сочетали бы качества народного трибуна, присущие Дугласу, его беззаветную преданность интересам своего народа и пламенную страсть с глубокими научными знаниями, умением научно обобщить и подытожить исторический опыт борьбы негритянского народа с теми большими сдвигами, которые происходили в положении широких негритянских масс, с теми новыми явлениями в жизни США, которые были связаны с

приближавшейся эпохой империализма.

Успехи Дюбуа в области детального изучения негритянской проблемы действительно получили самое широкое признание. Когда Дюбуа выступил в декабре 1892 года на заседании Американского исторического общества, газета «Нью-Йорк Индепендент» писала: «Статья «О запрещении работорговли» была написана и прочитана негром — факт поразительный, если вспомнить, что минуло едва тридцать лет с тех пор, как кончилась война, освободившая его расу. И вот аудитория белых людей слушала негра, который прочел ей обстоятельный, объективный, философски осмысленный доклад об истории закона, который так и не смог предотвратить порабощение его расы. Голос, дикция, манеры оратора — все было безукоризненно. Глядя на него, нельзя было удержаться от возгласа: «Нам нечего тревожиться за будущее своей страны — ей не страшны расовые различия!»»

Глава IV

БЕРЛИНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

В Гарварде Дюбуа в отличие от Университета Фиска никогда не чувствовал себя органической частью студенческого коллектива. Причина этого была одна — в этом старейшем, фешенебельном учебном заведении расовый барьер был непоколебим. Никакие достоинства цветного студента не имели значения, он должен был оставаться по другую сторону барьера. И когда по рекомендации профессора истории Харта Дюбуа решил продолжить свое образование в Берлине, у него не было никакого чувства огорчения в связи с тем, что предстояло расставание с университетом, в котором он, считая аспирантуру, проучился четыре года.

Характерно, что во время учебы в аспирантуре Гарвардского университета Дюбуа занимался не столь близкой его сердцу философией, а социологией и историей негров. Главной причиной этого решения было то, что французская философия или логические построения Джеймса не приближали его к пониманию негритянской проблемы в США, а только уводили в сторону от решения этого главного вопроса.

Не случайно Дюбуа взял темой своей докторской диссертации вопрос о запрещении работорговли — один из важнейших аспектов истории негритянского народа США. Усиленно работая над докторской диссертацией, Дюбуа не замыкался в рамках чисто научного рассмотрения негритянской проблемы. Он продолжал принимать самое активное участие в дискутировании важнейших проблем, связанных с современным положением негров и с важнейшими вопросами негритянского движения.

Выступления Дюбуа по негритянскому вопросу носили столь резкий характер, что, как писал его биограф, среди негров стало легендой отсутствие такта у Дюбуа. В 1891 году, выступая в Национальной цветной лиге Бостона, он выражал глубокую тревогу о судьбе «народа, который ничего не внес в современную цивилизацию, который в эти последние дни XIX века в значительной мере находится на низшей ступени варварства», Дюбуа говорил о том, что негры не приспособлены к жизни в современном мире, потому что они отвергают образование даже в объеме средней школы.

Трудно согласиться с теми жестокими упреками, которые бросал Дюбуа в адрес своего народа, но можно с полным основанием говорить о

том, что подобные выступления показывали всю глубину душевной боли Дюбуа за судьбу своего народа, его глубокие переживания за все те тяготы и муки, которые ему приходилось переживать.

Во время учебы в Гарварде Дюбуа все чаще возвращался к вопросу об африканских неграх, ставил проблему подготовки кадров руководителей для всего негритянского мира. Эфиопия, подчеркивал Дюбуа, требует «сильного, властного, честного человека, который может забыть о своих интересах». Вместо этого, отмечал Дюбуа, Эфиопия получает трусов, презренных политиканов, ничтожных лидеров, которые боятся назвать ложь ложью.

Каковы пути и средства решения негритянской проблемы, и не только в США, но и в мировом масштабе? Для того чтобы ответить на этот вопрос, надо было изучать не только историю и современное положение негров США, но и целый комплекс мировых проблем. А для этого надо было ехать за границу, в один из лучших университетов Европы.

По установившейся к тому времени традиции в США особой популярностью пользовались немецкие профессора, многие из которых переехали в Соединенные Штаты и преподавали в крупнейших университетах Северной Америки. Из дипломов об окончании иностранных университетов особый вес имели дипломы Берлинского университета. И когда негритянский студент без гроша в кармане, не имевший никаких влиятельных связей, принял решение поступить в Берлинский университет, это было настоящей сенсацией.

И вновь, как при поступлении в Университет Фиска и в Гарвард, встала все та же проблема — где найти средства на учебу. Причем на этот раз нужны были несравненно большие деньги, так как речь шла об учебе За границей. Дюбуа действительно родился под счастливой звездой, ему и на этот раз удалось получить стипендию из Фонда Слейтера, созданного на нужды образования негров. Правда, делом это оказалось нелегким. Во главе правления фонда стоял бывший президент США Хейс. Пожалуй, трудно было подобрать на этот пост более неподходящую фигуру, чем человек, запятнавший свое имя предательством 1877 года, когда он выдал на расправу бывшим рабовладельцам негров южных штатов. Хейс, презрительно относившийся к «черномазым», в одном из своих публичных выступлений подверг сомнению возможность того, что среди негров найдется хотя бы один, кто по своему интеллектуальному уровню будет достаточно подготовлен, чтобы получить хорошее университетское образование в США или за границей. Если бы такой негр отыскался, заявил Хейс, то ему была бы предоставлена из Фонда Слейтера стипендия.

Рассуждения Хейса появились в прессе, где с ними и познакомился Дюбуа.

От заявления Хейса за версту разило самым махровым расизмом. Оно одновременно и возмутило и обрадовало Дюбуа. Возмутило как грубый выпад против негров, как оскорбление всего негритянского народа. Вместе с тем это заявление предоставляло Дюбуа единственный шанс получить столь необходимую стипендию.

Молодой аспирант Гарвардского университета принял вызов. Дюбуа написал Хейсу письмо, в котором, перечислив университеты, где он учился, высказал желание получить стипендию из Фонда Слейтера. Долго длилась переписка между Дюбуа и Хейсом. Возможно, сыграла свою роль боязнь публичного скандала, связанного с отказом от данного обещания, а возможно, и блестящие рекомендации, представленные Дюбуа, и его успехи в учебе. Может быть, Хейс и правление фонда не устояли перед бурным натиском студента-негра. Во всяком случае, правление Фонда Слейтера капитулировало: Дюбуа получил стипендию в 750 долларов в год, половина стипендии передавалась в виде дара, а другую половину и пять процентов от общей суммы он должен был возвратить в течение определенного срока после окончания учебы. Так и на этот раз удалось получить стипендию, вопрос о поездке в Берлинский университет разрешился для Дюбуа положительно. Дюбуа с чувством огромного интереса отправлялся в Европу. Он покидал Америку в приподнятом настроении. Сбывались его мечты: он ехал учиться в один из крупнейших центров научной мысли, он увидит Европу, приобщится к ее богатой культуре, искусству, увидит своими глазами шедевры архитектуры, художественные произведения величайших мастеров — все, о чем он так много читал и слышал.

Письма Дюбуа из Европы отражали все эти настроения. Во время учебы в аспирантуре он работал в качестве корреспондента газеты «Нью-Йорк эйдж», куда посылал свои корреспонденции и о путешествии в Европу. Дюбуа оставил в Америке немало критиков, готовых встретить в штыки его любое устное или печатное слово. Таких критиков научной, публицистической, общественной деятельности Дюбуа было больше чем достаточно на протяжении всей его жизни. Недоброжелатели Дюбуа росли как грибы. И причиной этого являлась резкая, принципиально последовательная позиция Дюбуа в тех вопросах, за претворение которых в жизнь он боролся. Его готовность всегда смело и открыто выступить в защиту своих принципов, нелюбовь Дюбуа к обтекаемым, дипломатичным словопрениям, когда решались жизненно важные для его народа вопросы.

И на этот раз далеко не всем понравились корреспонденции Дюбуа из

Европы. «Кливленд газет» так, например, комментировала его письма: «Многие письма У. Э. Б. Дюбуа из Европы, опубликованные в «Нью-Йорк эйдж», утомляют. «Я, я, я, мне, мне, мне, черный хлеб и масло...» Эта бессвязная и злобная реплика свидетельствовала о том, что корреспонденты Дюбуа отнюдь не встречали повсеместно доброжелательных откликов.

Учеба в Берлинском университете позволила Дюбуа много путешествовать и многое увидеть своими глазами. Он побывал в Англии, Франции, Италии, посетил многие районы Германии, был в Вене, Кракове, Будапеште. Эти многочисленные поездки дали ему возможность сравнить жизнь американцев с условиями жизни населения целого ряда европейских стран. Дюбуа хорошо познакомился с жизнью Германии, он посетил Веймар, Франкфурт, Гейдельберг, Мангейм, Страсбург, Штутгарт, Ульм, Мюнхен, Нюрнберг, Дрезден и другие города. Много часов Дюбуа потратил на осмотр богатых картинных галерей Мюнхена и Дрездена.

Огромное впечатление произвели на Дюбуа Альпы. Когда из южной Германии они направились в Италию и пересекали Альпийский хребет, Дюбуа был зачарован суровой и величественной красотой снежных вершин.

Неизгладимое впечатление осталось у него от посещения Италии, где он впервые в жизни увидел произведения скульптуры и живописи, пользующиеся мировой известностью, прекрасные архитектурные памятники. За короткое время Дюбуа побывал в Генуе, Турине, Флоренции, Риме, Неаполе, Венеции.

Далее путь Дюбуа лежал в Австрию. «Мы увидели Вену, — вспоминал Дюбуа, — во всем ее блеске, правда не на вершине ее славы, но все еще великолепную. Помню чудесную венскую оперу, зрителей, которые, привстав с мест, разглядывали присутствующих, широкое, пространное фойе, по которому мы с небрежным видом разгуливали вместе с остальными, прекрасную музыку и безукоризненную игру актеров».

Во время посещения Венгрии Дюбуа наглядно убедился в том, что национальный вопрос в этой стране стоит не менее остро, чем расовая проблема в США. Его поразило резко враждебное отношение венгров к австрийцам, находившее свое проявление во всем и даже в нежелании изъясняться с иностранцем на немецком языке.

Путешествуя по Польше, Дюбуа еще раз убедился, что в Европе национальный вопрос стоит с исключительной остротой. Оскорбления национального достоинства поляков в школах, на работе, в общественных местах живо напомнили Дюбуа дискриминацию негров в США.

Единственное различие заключалось в том, что польская аристократия находилась в привилегированном положении и не подвергалась личным оскорблениям.

В Германии Дюбуа наблюдал многочисленные проявления антисемитизма, которые, как отмечал Дюбуа, «имеют много общего с нашей расовой проблемой и поэтому представляют для меня большой интерес». Все эти факты заставили его иначе взглянуть на расовую проблему в США. Он увидел собственными глазами то, о чем слышал раньше и читал: национальные, расовые и религиозные противоречия широко распространены и в других странах. В зависимости от конкретных условий, исторических особенностей они по-разному проявлялись в различных странах Европы, острота их не везде была одинаковой, но всевозможных проявлений их было больше чем достаточно.

Дюбуа был поражен огромным развитием национализма в Германии. Привыкший к сдержанной манере проявления чувств в Новой Англии, он был шокирован крикливым патриотизмом немцев, тем рвением, с которым они распевали «Германия, Германия превыше всего, превыше всего на свете». Для Дюбуа была необычной реакция на слова профессора о том, что Бисмарк — главный творец германского единства. Выражая свой восторг по этому поводу, 300 студентов в течение пяти минут оглушительно топали ногами, что являлось проявлением высшей меры одобрения.

Страсть к парадам и дробь военных барабанов бросалась в глаза сразу же по прибытии в Германию. Парадный блеск марширующих солдат и офицеров, красочные мундиры и яркие знамена, бравурные звуки военных маршей, с присущей пруссакам пунктуальностью отработанные движения, доведенные до автоматизма, толпы гражданских, восторженно приветствующих военных, — все это не оставило Дюбуа равнодушным. Дюбуа так описывал свое впечатление от одного из многочисленных парадов:

«— Я увидел молодого императора. Он то и дело вырывался вперед и оставлял позади себя своих белых с золотом драгун на горячих конях, следовавших через величественные Бранденбургские ворота, по Унтер-ден-Линден. Развевались знамена, бил барабан! Я был зачарован этим зрелищем, хотя и знал, что у императора левая рука сухая и что он одержим ненасытной жаждой власти. Если все это произвело такое впечатление на меня, иностранца, то что можно сказать о немецкой молодежи?»

То, что Дюбуа увидел в Германии, — этот массовый психоз национализма, культ армии, преклонение перед личностью, затянутой в военный мундир, — все это помогло ему в будущем понять, почему

миллионы немцев и многие миллионы солдат из противоположного, враждебного лагеря с огромным остервенением уничтожали друг друга в годы первой мировой войны. Почему угар псевдопатриотизма затуманил головы многих честных людей, не сумевших разобраться в подлинных причинах войны и тех целях, которые преследовали в ней империалистические державы.

Дюбуа неоднократно бывал в Германии, и всегда он обращал внимание на чудовищно гипертрофированный национализм немцев, который незаметно, но неуклонно стирал грань между патриотизмом и здравым смыслом, который перерастал в махровый расизм, в презрение и ненависть к другим народам, культивировавшиеся, и небезуспешно, немецкими фашистами.

Именно во время этой первой поездки в Европу Дюбуа пришел к выводу, что расовая проблема в США не является каким-то исключительным явлением, что проявлений расизма немало и в других странах, что расовое и национальное угнетение — неизбежный спутник буржуазной демократии. Подобный вывод не получил еще четко выраженного оформления, но основные положения его уже четко наметились. Все более очевидной становилась мысль, которая в дальнейшем получила свое окончательное развитие: негритянская проблема в США — только одно из звеньев расистской политики капитализма в мировом масштабе. Еще не ясны были причины этого явления, его экономическая и политическая суть, не было ясности в вопросе о том, каковы пути и средства решения национального и расового вопроса в США и в странах Европы, не было четкого представления о природе колониальной политики в странах Востока. Но бесспорным было то, что более чем двухгодичное пребывание в Европе, личные впечатления от поездок по европейским странам и далеко не в последнюю очередь знания, приобретенные за время учебы в Берлинском университете, значительно расширили кругозор Дюбуа, позволили ему шире взглянуть на проблему межрасовых и межнациональных отношений.

Культурная и духовная жизнь Европы была несравненно богаче, чем в Америке, и Дюбуа жадно впитывал в себя все новое, что раньше ему было совсем незнакомо или о чем он имел самое смутное представление. «Из материального провинциализма Америки и психического провинциализма узкорасовой проблемы, в условиях которых я был рожден и которые казались мне сущностью жизни, — говорил Дюбуа, — я, к моему величайшему удивлению, переселился в настоящий центр современной цивилизации».

Дюбуа с большим интересом отнесся к учебе в Берлинском университете не только потому, что в области общественных наук этот университет являлся в то время законодателем мод в мировом масштабе. Он с особым интересом ехал в Германию и потому, что Бисмарк долго был его кумиром. В лице железного канцлера, объединившего разрозненные немецкие княжества в сильное централизованное государство, Дюбуа видел образец решительного, целеустремленного государственного деятеля, способного успешно решать национальные проблемы. С годами ореол, созданный Дюбуа вокруг Бисмарка, значительно побледнел, и он уже иначе оценивал его деятельность и роль в объединении Германии, немалое значение в этой метаморфозе взглядов Дюбуа на Бисмарка имела и его поездка в Германию. Дюбуа высоко оценивал значение своей учебы в Берлинском университете, где он получил возможность совершенствоваться и расширять свои познания под руководством ученых с мировым именем. Во время учебы Дюбуа в Берлинском университете ректором его был известный ученый и политический деятель Рудольф Вирхов, крупный специалист в области медицины и физиологии.

Лекции о политике читал фон Трейчке, фанатичный поборник единой, вооруженной до зубов Германской империи, аристократ, презиравший «всё нивелирующую демократию», презиравший «чувствующих свою неполноценность мулатов». Это был воинствующий реакционер и вместе с тем один из могучих и независимых умов факультета, как говорил о нем Дюбуа. В лекциях Трейчке Дюбуа и других студентов привлекал юмор, веселая шутка, нередко перераставшая в сарказм, пренебрежение к высшим государственным сановникам, которых ему ничего не стоило публично назвать «проклятыми болванами».

Дюбуа посещал семинарские занятия, которыми руководили Густав Шмоллер и Адольф Вагнер. Это были известные в свое время буржуазные экономисты, убежденные поборники незыблемости капиталистического общества, ученые реакционных взглядов, но новаторы в рамках буржуазной политэкономии, искавшие новые пути в развитии своей отрасли науки. Оба профессора пользовались большим авторитетом у студентов, и попасть в их семинар было нелегкой задачей, особенно для иностранцев. Но Дюбуа повезло и в этом, уже в первом семестре его записали в семинар Шмоллера и Вагнера.

Дюбуа изучал конституционную историю Пруссии под руководством Рудольфа фон Гнейста. Помимо занятий, предусмотренных по учебному плану, Дюбуа много времени тратил также на исследовательскую работу «Плантационная и фермерская система сельского хозяйства в южных

штатах США».

Годы учебы в Берлинском университете имели очень большое значение для Дюбуа и потому, что именно здесь он впервые познакомился с социалистическим учением. Дюбуа учился в Берлинском университете в 1892–1894 годах. К этому времени социалистические идеи, произведения Маркса и Энгельса получили уже широкое распространение не только в Европе, но и в Америке. Однако среди студенческой молодежи США эти идеи практически были неизвестны.

Если профессора, у которых учился Дюбуа, и упоминали когда-нибудь имя Маркса, то только для того, чтобы в более или менее резкой форме заявить о научной несостоятельности марксизма, а большинство просто-напросто предавало его анафеме. Дюбуа заявлял, что он был оглушен опровержением и критикой марксизма, прежде чем понял само это учение. В США и в Европе Дюбуа учился под руководством крупнейших буржуазных ученых в области общественных наук. Это были глубокообразованные специалисты своего дела, блестящие лекторы и талантливые полемисты, но они в своем подавляющем большинстве были убежденными противниками марксизма и делали все для того, чтобы оградить широкие массы студентов от марксизма.

Берлинский университет с точки зрения отношения профессуры к марксизму мало чем отличался от Гарварда или Фиска. Но среди пяти с лишним тысяч студентов, ежегодно принимавшихся в университет, было много иностранцев, многие из которых были в той или иной степени знакомы с марксизмом. Но Дюбуа узнавал о марксизме не только из дискуссий, проводившихся студентами, по книгам и статьям, публиковавшимся в периодической печати. Помимо этого, он часто посещал собрания, проводившиеся социал-демократической партией Германии. Дюбуа видел собственными глазами, как быстро распространялись в Германии в 1892–1894 годах социалистические идеи, после того как в 1891 году был снят запрет с социалистических организаций. За каких-нибудь два-три года новая социал-демократическая партия превратилась в самую массовую партию страны. Он обратил внимание и на то, что эта партия подвергалась грубейшей дискриминации. Для того чтобы попасть в рейхстаг, кандидат социал-демократической партии должен был преодолеть многочисленные препятствия, чинившиеся правительством и буржуазными партиями. Это был для Дюбуа наглядный пример пресловутой буржуазной демократии.

Было бы неправильным переоценивать глубину познаний, приобретенных Дюбуа в области социалистических идей и

социалистического движения за годы пребывания в Германии. Но первое знакомство состоялось, и оно оставило сильное впечатление. Во всяком случае, заставляло ставить ряд вопросов. Почему столь крупное, поистине революционное событие в общественных науках, как появление марксизма, тщательно скрывается от студентов? Почему в курсе всеобщей истории, прослушанном им в США, даже такое всемирно-историческое событие, как Парижская коммуна, только упоминается, и причем очень глухо? Почему так панически боятся социализма буржуазные профессора, государственные и политические деятели?

Дюбуа проявил интерес к социализму не просто как к новому явлению в общественной и политической жизни, но и как к новому слову в науке. Он долго и тщательно изучал в Германии социализм, а впоследствии эти материалы и личные наблюдения легли в основу лекций о социализме, которые он читал после возвращения из Германии.

Дюбуа много путешествовал в своей жизни и не без оснований считал, что это одно из самых хороших средств познания мира, особенно для социолога, занимающегося изучением условий жизни людей. Свою первую поездку в Европу он рассматривал как крупнейшее событие своей жизни. Имея в виду пребывание в Европе в 1892–1894 годах, Дюбуа вспоминал на склоне лет: «Годы странствий» по Европе принесли мне огромную пользу, потому что я имел возможность посмотреть на окружающий меня мир глазами просто человека, а не с узкорасовой или провинциальной точки зрения. Это было результатом не столько моей учебы в университете, сколько общения с другими людьми, которому не помешала моя принадлежность к негритянской расе».

Свое двадцатипятилетие Дюбуа встретил в Германии. По-разному отмечают люди дни своего рождения. Дюбуа провел этот день за чтением писем, с грустью вспомнил покойных родителей, поработал в читальне и посетил картинную галерею. Пообедав в компании с приятелем, Дюбуа вернулся в свою скромную комнату и написал нечто вроде своей, жизненной программы. Вот основные положения этого любопытного документа: «Как я рад, что живу на свете! Я радуюсь своей силе и верю в себя... Горячая темная кровь чернокожих предков стучит в моем сердце, и я знаю: я стану искать истину, ибо считаю, что она стоит того. И ни небо, ни ад, ни бог, ни дьявол не совратят меня с этого пути до самой смерти. В эту вторую четверть века моей жизни я проникну в темные дебри неизвестного мне мира, к чему уже готовился столько лет... Тяжелые раздумья преследуют меня. Я твердо убежден, что стремиться к личному совершенству — это одно, а желать усовершенствовать мир — другое, но

тут я готов собой пожертвовать... В мире, каков он есть, я буду трудиться для блага негритянского народа, пребывая в уверенности, что чем совершеннее станет он, тем совершеннее станет и весь мир...»

В заключение Дюбуа писал: «Мои планы таковы: создать себе имя в науке, создать имя в литературе и, таким образом, возвеличить свою расу. Или, возможно, создать видимую империю в Африке из английских, французских или немецких колоний. Интересно, каков будет результат? Кто знает?»

Это своеобразное жизненное кредо было выполнено. Дюбуа действительно создал себе имя и в науке и в литературе. Он внес свой весомый вклад и в создание «империи в Африке», «империи» свободных африканских народов, выступив инициатором созыва panafricanских конгрессов, сыгравших важную роль в пробуждении новой Африки.

Завершив учебу в Берлинском университете, Дюбуа твердо решил заниматься преподавательской и научно-исследовательской работой. Круг проблем для научной работы был ясен — продолжить изучение истории и современного положения негров, найти научные пути объяснения сложных явлений, связанных с расовой проблемой США. Что касается преподавательской работы, то выбор был сделан давно: работать в каком-нибудь негритянском колледже или университете, передавать свои знания негритянской молодежи, готовить ее к борьбе — за права негров, готовить подрастающее поколение к новой жизни без расовой ненависти, без дискриминации и сегрегации. В 1893 году в письме Фонду Слейтера Дюбуа писал, что по возвращении в Америку он намерен поступить преподавателем в один из негритянских университетов, предпочтительно в Говардский университет в Вашингтоне и заниматься социологическими исследованиями негров с двумя задачами: «во-первых, полнее изучить прошлое и настоящее негров, для того чтобы лучшим образом разрешить негритянскую проблему. Во-вторых, выяснить, насколько в состоянии негритянские студенты самостоятельно заниматься и вести научно-исследовательскую работу».

Глава V

ПЕДАГОГ И УЧЕНЫЙ

Окончание Берлинского университета завершило образование Дюбуа, впереди, правда, была защита докторской диссертации в Гарварде, но учеба как таковая была закончена, и предстояло решать, какую выбрать профессию, чем зарабатывать на жизнь.

Со смешанным чувством радости, естественной при возвращении на родину, и какой-то смутной тревоги за будущее возвращался Дюбуа летом 1894 года в Штаты. После утомительного недельного плавания на горизонте показалась, наконец, земля, корабль подходил к Соединенным Штатам. «Я, родившийся в этой стране, — писал Дюбуа, — чувствовал себя так, будто после двадцати четырех лет ученичества должен ступить на неведомую землю. Наконец утром показалась вдали статуя Свободы. Не знаю, какого рода чувства наполняли сердца остальных пассажиров, но одна бойкая молодая француженка, блеснув озорными глазами, помню, сказала: «Ах, да, статуя Свободы! Та, что стоит спиной к Америке, а лицом к Франции!»

В этой шутке случайной попутчицы по плаванию содержался смысл, особенно понятный любому негру, возвращающемуся в Америку. Как писал биограф Дюбуа: «Несомненно, он испытал нечто вроде шока, когда «неожиданно оказался в ненавидящей «нигеров» Америке». Последние слова об отношении к неграм в Америке, написанные Дюбуа спустя двадцать с лишним лет после того памятного утра, когда он возвращался в США после своей первой заграничной поездки, отражали его тревогу и озабоченность не только и не столько за свою собственную судьбу, сколько за положение негров в США.

Когда Дюбуа возвратился из Европы, ему было двадцать шесть лет. Он окончил три университета и проделал значительную часть работы над докторской диссертацией. Такой солидной научной подготовкой и в столь молодом возрасте редко кто обладал в то время в США, не говоря уже о неграх. И тем не менее Дюбуа столкнулся с огромными трудностями, когда начал искать себе работу. «Я умолял дать мне любую работу, в любом месте. Я начал систематическую бомбардировку учреждений письмами. Я не писал в учреждения белых, зная, что там мне ничего не дадут». Огромное количество писем-заявлений написал Дюбуа в Университет

Говарда, в Институт Хэмптона, в Институт Таскиги, в Университет Фиска, в негритянские колледжи и в негритянские школы.

Более или менее вежливо, под тем или иным предлогом, но везде был отказ. Такова была американская реальность — прекрасно образованный негр не мог найти никакой работы ни в одном учебном заведении для негров. А ведь в то время, в конце XIX века с особой остротой стояла проблема обучения негров, общеобразовательный уровень которых был значительно ниже, чем у белых. Необходимо было срочно найти работу и потому, что Дюбуа возвратился в США с двумя долларами в кармане, у него не было состоятельных родных или друзей, которые могли бы оказать материальную поддержку. Помимо этого, молодой ученый должен был выплатить значительную сумму Фонду Слейтера согласно условиям контракта, который он подписал, получив от этого фонда стипендию для учебы в Берлинском университете.

Положение было поистине отчаянным, когда, наконец, пришел положительный ответ из Уилберфорского университета в городе Зинии, штат Огайо. Дюбуа предложили возглавить кафедру древних языков этого университета с окладом восемьсот долларов в год. Спустя короткое время пришло предложение из Института Линкольна, штат Миссури. За работу в качестве преподавателя древних языков и математики Дюбуа предлагали тысячу пятьдесят долларов в год. И наконец, третье предложение пришло от небезызвестного Букера Вашингтона из Института Таскиги, предложившего Дюбуа преподавать математику.

Дюбуа, оглядываясь на пройденную жизнь, вспоминая на склоне лет об этих полученных предложениях, писал, что трудно сказать, как сложилась бы его жизнь, если бы он принял предложение Букера Вашингтона. Но об этом не могло быть и речи хотя бы потому, что Дюбуа уже дал свое согласие на первое полученное им предложение.

В августе 1894 года Дюбуа выехал в Уилберфорс. Так началась его работа преподавателя и ученого, продолжавшаяся шестнадцать лет, та деятельность, которую он позднее назвал «настоящая работа моей жизни». Громкое название «университет» очень мало подходило для учебного заведения Уилберфорса. Это была небольшая духовная семинария, содержащаяся на средства Африканской методистской церкви, являвшейся в то время крупнейшей общественной организацией американских негров.

Трудно, практически невозможно, было сочетать науку и религию. Дюбуа в этом убедился сразу же, как только приехал в Уилберфорс. О своем первом столкновении с церковниками он рассказывал так: «Однажды, желая ознакомиться с местными религиозными обычаями, я

очутился среди молящихся студентов. Один из студентов, читавший молитву, в то время как остальные ему вторили, неожиданно, ни слова мне не говоря, воскликнул:

— Внемлите профессору Дюбуа, он будет читать молитву!

— Нет, не будет, — ответил я кратко».

Для церковной иерархии Уилберфорса эти слова прозвучали как святотатство. Разразился страшный скандал, естественным финалом которого должно было явиться увольнение строптивного профессора, не считавшегося с тем, что он преподает в духовном учебном заведении. И если Дюбуа остался в Уилберфорсе, то главной причиной этого являлось то, что он, не считаясь со временем и усталостью, самозабвенно отдавался работе. Он обладал огромной работоспособностью, беззаветно любил свое дело, был требователен и одновременно заботлив и внимателен к студентам. Лишиться такого профессора, к тому же обладавшего поистине блестящей научной подготовкой, было не в интересах университета.

Дюбуа остался преподавать в Уилберфорсе, но его прямота, нередко переходившая в открытую резкость, нежелание заискивать перед церковным руководством, пользовавшимся неограниченной властью, в конечном итоге создали для него невыносимые условия для работы.

Это случилось позднее, а пока Дюбуа со всей увлеченностью, на которую может быть способен только человек, верящий в большое значение своей деятельности, отдавался работе со студентами. Официально Дюбуа являлся руководителем кафедры древних языков, но в действительности ему пришлось преподавать не только греческий и латынь, но и немецкий и английский языки. В круг его обязанностей входило наблюдение за дисциплиной студентов и выполнение некоторых других административных функций. Не считаясь со временем, сверх и без того огромной учебной нагрузки, без какого-либо вознаграждения Дюбуа хотел преподавать студентам социологию. Но руководство университета и церковная иерархия ни в коей мере не разделяли энтузиазма молодого профессора, которому так и не удалось разбить предубеждение с их стороны к новой отрасли науки.

Среди студентов, с которыми занимался Дюбуа, были люди различных способностей, некоторые из них — очень одаренные от природы, но большинство, как правило, с очень слабой общеобразовательной подготовкой. Дюбуа писал, что среди студентов он обнаружил «такое же рвение, такую же жизнерадостность, такой же ум», как в Новой Англии или в Европе. Но специфические особенности духовного учебного заведения, мертвящая атмосфера, созданная в Уилберфорсе церковниками, вызывали

резкие протесты Дюбуа, всегда питавшего отвращение к церковным догмам.

Успехи в общеобразовательных дисциплинах уравнивались с «моральным и религиозным» лицом студента, посещения церкви были регулярными и обязательными, запрещались «тайные общения» между мужчинами и женщинами и даже случайные встречи на университетских спортивных площадках.

Нет, это была обстановка, ни в коей мере не подходившая для Дюбуа. Помимо всего прочего, в Уилберфорсе периодически собиралась верхушка негритянской церковной иерархии, епископы и будущие епископы. И если кто из преподавателей хотел укрепить свое положение, он должен был искать покровителей среди духовенства, внимательно следить за внутренней борьбой и интригами, которые раздирали эту церковную верхушку. Дюбуа чувствовал себя чужаком в этой среде, и церковное руководство Уилберфорса терпело его до поры до времени, отдавая должное его высокой профессиональной подготовке, педагогическому таланту и исключительной добросовестности.

Здесь, в Уилберфорсе, Дюбуа нашел свое личное счастье. Во время работы в этой духовной семинарии он познакомился с Ниной Гомер, отец которой работал поваром в одной из гостиниц, а покойная мать была уроженкой Эльзаса. В мае 1896 года Дюбуа женился и поселился с молодой женой в Уилберфорсе, отгородив в мужском общежитии двухкомнатную квартиру, отнюдь не похожую на апартаменты профессора; спальня выходила окнами в овраг, а для того чтобы попасть в «гостиную», надо было пройти через общий зал общежития. На лучшие жилищные условия Дюбуа не мог рассчитывать, так как его материальное положение было довольно стесненным. Надо было выплачивать долг Фонду Слейтера, питаться, одеваться, покупать книги, и все из скромного оклада в 800 долларов в год. Причем жалованье выплачивалось очень неаккуратно, и нередко приходилось ловить казначея и воздействовать на него самым решительным образом, чтобы получить положенную сумму.

Серьезные неприятности доставляли Дюбуа напряженные отношения, сложившиеся у него с епископом Арнеттом, который являлся некоронованным властелином Уилберфорса. С присущей ему прямоотой и решительностью Дюбуа выступил против назначения сына епископа преподавателем. «Бен Арнетт-младший, — вспоминал Дюбуа, — так и не стал преподавать в Уилберфорсе. Но победил и епископ. Свой высокий пост он занимал пожизненно, и тот, кто ему не нравился, недолго мог удержаться в Уилберфорсе. Епископ уступил моему свирепому,

безудержному натиску, но я прекрасно понимал, что дни мои в Уилберфорсе сочтены».

Дюбуа не мог использовать в Уилберфорсе свои знания, ему не удалось реализовать планы по изучению социологии негров, многие его начинания наталкивались на глухую стену равнодушия, а нередко и прямого противодействия. Разочарования Дюбуа в связи с этим были тем более тяжелыми, что при надлежащей постановке дела в Уилберфорсе можно было добиться очень многого. Потенциальные возможности этого учебного заведения были исключительно велики, так как Уилберфорс в значительной мере был духовным центром для всех негров США. Сюда ехали учиться негры из южных и северных штатов, с побережья Атлантического и Тихого океанов.

Осенью 1896 года Дюбуа пригласили на пятнадцать месяцев помощником преподавателя в Пенсильванский университет в Филадельфии. Дюбуа должен был заниматься с неграми — студентами университета изучением своего любимого предмета — социологии. К этому времени он уже опубликовал свою первую книгу по истории американских негров и был в определенной мере известен как человек, получивший широкое и разностороннее образование. Приглашение Дюбуа в Пенсильванский университет являлось признанием его научных и педагогических заслуг. И он принял это приглашение с тем большим удовлетворением, что представлялась возможность заняться социологией. Определенную роль играл и фактор материальный. Переход на работу в Пенсильванский университет, где ему предоставили жалованье в 900 долларов в год, несколько улучшал его финансовое положение. А эта проблема стояла тогда для Дюбуа с особой остротой, так как женитьба потребовала дополнительных расходов.

Сразу же после получения приглашения от Пенсильванского университета Дюбуа вместе с женой направился на Восток, в Филадельфию. Непосредственной причиной, побудившей ректорат университета пригласить на работу цветного преподавателя, что было явлением чрезвычайно редким, являлась необходимость научного изучения положения негров в Филадельфии.

Дюбуа первым среди негров получил степень доктора философии в Гарвардском университете, он опубликовал научный труд по истории негров, монографию «Запрещение работоторговли», учился за границей, был одним из немногих ученых, который занимался социологическими проблемами. Не принять такого человека на работу практически было невозможно. Но и принять его на равных условиях с белыми профессура

Пенсильванского университета не рискнула. Немедленно четко сработал расовый барьер. Дюбуа прислали вежливое, но подчеркнуто холодное приглашение. Чтобы не ставить его в равное положение с белыми профессорами, срочно придумали никогда ранее не существовавшую должность помощника преподавателя. Разумеется, ему платили значительно меньше, чем белым профессорам, и пригласили на определенный, точно оговоренный срок. Он не получил академических привилегий. Ему не предоставили кабинета, фамилия Дюбуа не была даже включена в печатный список преподавателей университета. Молодого профессора сразу же подвергли сегрегации: со студентами он не общался совершенно, а с преподавателями даже своей кафедры встречался только в случае крайней к тому необходимости.

Дюбуа предстояло заниматься изучением положения негров Филадельфии, дискриминируемых и сегрегированных в этом городе. И словно для того чтобы он лучше прочувствовал положение своих собратьев, его самого подвергли в университете фактически остракизму.

Так начал Дюбуа свои социологические исследования положения негров в Филадельфии, которые вскоре принесли ему не только общенациональную, но в значительной мере и мировую известность. Работа в Пенсильванском университете, несмотря на все минусы, связанные с дискриминационным положением Дюбуа, давала ему огромное моральное удовлетворение. И в первую очередь потому, что она соответствовала его жизненным планам, в центре которых находилась негритянская проблема. «Много времени прошло с тех пор, — вспоминал Дюбуа, — и все же я думаю, что первую четверть своей жизни я шел по строго намеченному пути. В США я вернулся полный сил и желания посвятить свою жизнь освобождению американских негров. Оружием моим должны были стать история и другие общественные науки; я намеревался оттачивать это оружие, одновременно используя его с помощью исследований и литературного труда».

Осуществлению этих планов и способствовала работа Дюбуа в Пенсильванском университете. Трудно поверить в то, что вся работа по исследованию условий жизни негров Филадельфии была проделана Дюбуа без каких-либо помощников. Но это действительно было так. С утра до ночи на протяжении многих месяцев он ходил из дома в дом и лично опросил пять тысяч человек. Это была чудовищно тяжелая работа, и не только в физическом отношении. По-разному встречали Дюбуа в трущобах, где жили негры, и очень часто это были отнюдь не сердечные встречи. Задавленные нуждой, невежеством и расовым гнетом люди не хотели,

чтобы кто-то расспрашивал о подробностях их тяжелого существования.

Дюбуа не был бесстрастным фиксатором язв и пороков седьмого округа, негритянского гетто Филадельфии, он сам жил в этом крошечном аду. Он вспоминал, что они вместе с женой жили в грязи, в атмосфере пьянства, нищеты и преступности, в квартале, где полиция творила суд и расправу, где в двух шагах от их более чем скромного жилья по ночам слышались выстрелы и убивали людей.

Это были условия, которые отнюдь не способствовали творческой работе, и тем не менее к весне 1898 года Дюбуа написал, а спустя год опубликовал за счет университета объемистый, в тысячу страниц, том «Негры Филадельфии». Работа была написана не только на основании опроса негритянского населения, проведенного Дюбуа, и обобщения полученных статистических данных. Дюбуа тщательно изучил все книгохранилища Филадельфии, библиотеки частных лиц, поднял огромные материалы по двухсотлетней истории негров Филадельфии.

Это была работа, подобной которой в США никогда ранее не выпускалось. Научная общественность и пресса опубликовали многочисленные рецензии на труд Дюбуа. Отклики были различные, в зависимости от отношения автора рецензии и издателя к негритянской проблеме. Но для всех рецензий было характерно признание большого научного значения проделанной работы.

«Нейшн», например, отмечал «поразительно исчерпывающий характер этого исследования», хотя, по мнению автора рецензии, общая картина жизни негров Филадельфии, нарисованная Дюбуа, была «слишком мрачной». «Еле Ревью» писала, что исследование Дюбуа «вклад в американскую науку, особое и исключительно ценное дополнение к знаниям человечества, касающимся важной и мрачной темы». «Аутлук» подчеркивал скрупулезную объективность автора исследования.

Эти восторженные отзывы выдержали испытание временем. Прошло уже почти семьдесят лет с момента опубликования этой работы, и до сих пор она не потеряла своей очень большой научной ценности. К ней обращаются все исследователи истории негритянского народа США.

Опубликование этой работы сыграло исключительно важную роль в жизни Дюбуа. «Самое главное, — писал Дюбуа, — заключалось для меня в том, что теперь, спустя много лет, я, наконец, понял, чем должен заполнить свою жизненную программу, что хочу делать и как. Прежде всего мне стало мучительно ясно, что принадлежность к той или иной группе населения еще не означает, что все о ней знаешь. От филадельфийских негров я узнал гораздо больше о том, что такое негритянская проблема, чем они узнали от

меня».

Эта оценка Дюбуа своей работы чрезвычайно показательна с точки зрения признания того большого влияния, которое оказывали негры, их положение, их борьба за свои права на взгляды Дюбуа, на его позицию в негритянском вопросе и даже на его научную работу. Так было не только в период, когда он работал над «Неграми Филадельфии», но и на протяжении всей его жизни: Дюбуа не только писал труды по истории, социологии, экономике негритянского народа, он не только создавал художественные произведения о жизни своего народа, не только обучал негров, но и сам учился у них. Его научные труды по истории и социологии негров, принесшие ему мировую известность, отвечали самым насущным задачам борьбы негритянского народа за свои права. И в этом была одна из важных причин большого воздействия этих трудов на негритянское освободительное движение, их большой не только научной, но и политической актуальности.

Исключительно удачный опыт изучения условий жизни негров Филадельфии окрылил Дюбуа. Он загорелся идеей организации широких научных исследований американских негров с привлечением крупнейших специалистов из самых известных университетов страны. Когда Дюбуа верил в какую-либо идею, он проявлял огромную энергию, колоссальную силу воли и настойчивость, чтобы претворить ее в жизнь. И на этот раз он обратился с письмами к Гарвардскому, Колумбийскому и Пенсильванскому университетам, к правительственным органам с конкретной программой изучения и научного познания негритянской проблемы в США. В этом Дюбуа видел в то время главный путь, столбовую дорогу, по которой надо идти, чтобы добиться решения негритянской проблемы в США. Это была все та же программа, которой и раньше придерживались многие руководители негров и их искренние друзья из белых: узнай истину, и истина спасет тебя.

Дюбуа в то время отнюдь не стоял на радикальных позициях решения негритянской проблемы, которые были характерны для последнего периода его жизни и которые выдвинули его в ряды самых выдающихся борцов за освобождение негров, за мир и дружбу между всеми народами. В «Неграх Филадельфии» Дюбуа призывал жителей черного гетто Филадельфии, а с ними и всех негров быть «миролюбивыми» и «терпеливыми», а не «крикливыми» и «неумеренными». Он выражал твердую уверенность, что изменения в положении негров неизбежно наступят, но это будет медленный процесс.

Однако, несмотря на все эти заявления, объективно работа Дюбуа, в

которой приводился огромный: материал об исключительно тяжелом положении негров, звала к борьбе, к мобилизации сил, выступавших за решение негритянской проблемы.

Встретив в ведущих университетах страны полное равнодушие к своим планам научного изучения негритянского вопроса, Дюбуа обратился в 1897 году с конкретными предложениями к Кэрролу Райту, возглавлявшему в то время Федеральное бюро труда. Райт проявил интерес к предложению Дюбуа, чем поощрил его на проведение новых важных социологических исследований, которые были завершены и направлены им в Бюро труда.

У этого труда Дюбуа оказалась трагическая судьба: преемники Кэррола пошли на прямое преступление, они сознательно уничтожили этот труд. И работа, которую Дюбуа относил к числу своих лучших исследований в области социологии, никогда не увидела света.

В 1896 году к Дюбуа обратился доктор Горас Бамстед, ректор Атлантического университета, одного из крупнейших негритянских университетов Юга, с предложением перейти на работу в возглавляемый им университет. Дюбуа предлагалось работать над проблемами социологии и участвовать в конференциях, посвященных изучению негритянской проблемы.

Дискриминация со стороны профессуры Пенсильванского университета и, главное, возможность продолжать работу в области социологических исследований побудили Дюбуа дать незамедлительное согласие на предложение Бамстеда. С огромным увлечением Дюбуа продолжил в Атланте изучение социологии негров. В отличие от многих буржуазных исследователей, использовавших социологию для доказательства незыблемости деления общества на классы, Дюбуа предпринял попытку поставить социологию на подлинно научную основу.

За годы работы в Атлантическом университете, где он пробыл до 1910 года, Дюбуа проделал колоссальную работу по сбору и научному обобщению огромного количества фактов о положении негров. Дюбуа подчеркивал, что он занялся социологическими исследованиями с утилитарной целью — изучить условия жизни негров и использовать полученные выводы для борьбы за улучшение положения негритянского населения США. Но как настоящий ученый, Дюбуа, занявшись социологическими исследованиями негров, не мог не проводить их на действительно научной основе. А это, в свою очередь, привело к подлинно революционным изменениям во взглядах Дюбуа на негритянскую проблему. «Таким образом, — делал вывод Дюбуа, — придя в своих

социологических исследованиях к твердому убеждению, что всякая расовая группа претерпевает изменения, я понял, что и все общество непрерывно развивается и изменяется, что его структура не является застывшей и неподвижной».

Это был диалектический подход к пониманию проблем общественного развития, это был вывод, к которому мог прийти только настоящий крупный ученый, способный самостоятельно сделать выводы и обобщения из тех огромных достижений, которых добилась наука в конце XIX — начале XX века. Изменение взглядов Дюбуа на расовую проблему, как часть развития всего общества, носило не революционный, а эволюционный характер. Он не сразу пришел к диалектическому пониманию процесса развития общества, надо было преодолеть огромную силу инерции в виде тех взглядов на развитие общества, которые преподавались в Фиске, Гарварде, в Берлинском университете. Надо было, собственно говоря, пересмотреть все свое жизненное кредо, избавиться от тех взглядов на жизнь, которые прививались всей окружавшей его средой. Это был процесс длительный и мучительный, начало ему было положено в Атланте, где Дюбуа широким фронтом развернул исследовательскую работу в области социологии.

Эта работа продолжалась беспрерывно на протяжении тринадцати лет. За эти годы был проделан колоссальный по объему труд: Дюбуа выпустил шестнадцать томов социологических исследований. Никогда раньше ни один исследователь не ставил перед собой таких колоссальных задач, как Дюбуа, опубликовавший эту серию исследований. Он подходил к своему исследованию в области социологии негров как к части большой общенациональной исследовательской работы, рассчитанной на целое столетие.

Это было грандиозно. Планы Дюбуа поражали воображение и у многих вызывали скептическое отношение к профессору-энтузиасту, неверие в возможность выполнения этих планов. Тринадцать лет напряженнейшей работы Дюбуа и небольшой группы руководимых им научных работников, опубликованные ими тома социологических исследований убедили даже самых закостенелых скептиков в возможности фронтального, глубоко детального изучения негритянской проблемы в США.

Позднее Дюбуа, критически оценивая свою работу, проделанную в Атлантском университете, отмечал, что во всех шестнадцати опубликованных томах уделялось недостаточное внимание экономической стороне вопроса. Что в этих работах не нашла должного отражения

философия Маркса и Энгельса и тома выпускались в свет в то время, когда еще нельзя было использовать учение Ленина.

Были, конечно, в этой серии свои недостатки и недоработки, но в целом это было поистине уникальное явление в детальном изучении негритянской проблемы. В свет вышла настоящая энциклопедия негритянской жизни. С 1896 по 1920 год все работы, публиковавшиеся в США по расовой проблеме, в той или иной мере опирались на это исследование.

Социологические исследования о положении негров, опубликованные Атлантическим университетом, вызвали самые восторженные отзывы. Дюбуа было очень приятно получить письмо от своего учителя философии в Гарвардском университете, который писал, что «это блестящий научный труд». Букер Вашингтон, известный лидер негров, выступая в 1911 году на конференции Атлантического университета, посвященной изучению положения негритянских ремесленников, сказал: «Вся страна должна быть благодарна вашему учреждению за тщательную и систематическую работу, в результате которой из года в год появляются исследования, представляющие огромный интерес и ценность для всей нации».

Труды Атлантического университета о положении негров получили исключительно высокую оценку со стороны периодической печати. Журнал «Аутлук» писал в 1903 году: «Ни один исследователь, изучающий расовую проблему, никто из тех, кто как следует задумывается над ней или говорит о ней, не может позволить себе игнорировать факты об условиях жизни и развитии негров, приводимые в серии социологических исследований, издаваемой Атлантическим университетом... Во всех этих изданиях бросается в глаза рука квалифицированного и внимательного исследователя».

Южная ассоциация историков отмечала в 1904 году. «Работа, выполненная под руководством Атлантических конференций, должна быть внимательно и вдумчиво оценена каждым интересующимся любым аспектом жизни американских негров. Вдохновенным руководителем этой работы является доктор Дюбуа. Он заслуживает самой высокой похвалы за все, что было сделано, особенно в связи с многочисленными препятствиями, возникавшими на пути осуществлявшегося Дюбуа предприятия».

«Нью-Йорк ивнинг пост» писала в 1905 году: «Единственными научными исследованиями в области негритянского вопроса в настоящее время являются исследования, проводимые в Атлантическом университете».

Положительные отклики были опубликованы и за границей. В частности, английская пресса отмечала высокий научный уровень

проведенных исследований, объективное изложение фактов и тщательный отбор материала.

Были и критические отзывы. Например, том, посвященный негритянской церкви, был раскритикован некоторыми рецензентами. Но это было и не удивительно, святые отцы не привыкли к тому, чтобы кто-то критически исследовал их деятельность. А всякое научное исследование, тем более выполненное таким крупным ученым, как Дюбуа, не могло не носить критического характера. Помимо этого, надо учитывать, что Дюбуа никогда не благоговел перед церковной иерархией. Он объективно, с большим знанием предмета исследовал деятельность негритянских церквей, ни в коей мере не лакируя зачастую отнюдь не привлекательную деятельность отцов церкви.

Высокая оценка научной общественностью социологических трудов, опубликованных Атлантическим университетом, привлекла внимание официальных кругов. Дюбуа и его сотрудников стали периодически приглашать принимать участие в официальных обследованиях. Сам Дюбуа участвовал в двенадцатой переписи населения США и на основании собранных материалов написал монографическое исследование. Признанием больших научных заслуг Дюбуа явилось его принятие в 1900 году в Американскую ассоциацию содействия науке, в 1904 году он стал почетным членом этой ассоциации.

Результаты работы, проделанной Дюбуа по изучению негров, стали известны далеко за пределами США. Этому в значительной мере способствовала Всемирная выставка в Париже в 1900 году. Дюбуа с помощью двух студентов подготовил около пятидесяти цветных диаграмм, отражавших важнейшие итоги научных исследований по негритянской проблеме, проведенных в Атлантическом университете. Эта работа, выполненная в очень короткие сроки, потребовала огромного физического и нервного напряжения, не хватало денег, не было никакой не только материальной, но даже и моральной поддержки со стороны ректората.

Но все трудности были преодолены, экспозицию закончили в срок и отправили на выставку в Париж. Инициатор этого мероприятия и его главный исполнитель чуть не остался в Атланте. Опять возникла проблема, тяготившая Дюбуа всю жизнь, — не было денег. С большим трудом достав билет в четвертый класс, Дюбуа отправился в Париж. Экспозиция, размещенная в небольшом помещении, пользовалась огромным успехом, и Дюбуа как ее организатор был удостоен золотой медали.

Казалось, что работа, получившая мировое признание, должна была обеспечить Дюбуа все возможности для дальнейших плодотворных

научных исследований. Однако этого не произошло. Более того, с каждым годом возникали все новые трудности, на преодоление которых тратилась огромная энергия и колоссальное количество времени.

После блестящего триумфа на выставке в Париже Дюбуа возвращался в США окрыленный успехом. «Я был уверен, — вспоминал он, — что теперь-то мне обеспечена помощь и поддержка и я смогу продолжать начатую работу. Но — увы! — не прошло и десяти лет, как мне пришлось совсем оставить ее, так как в нашей богатой стране не нашлось пяти тысяч долларов в год, чтобы мы могли продолжать свои исследования».

Дюбуа объяснял свои трудности тем, что работа велась без учета специфических условий США, требующих для успеха любого дела умело продуманной и хорошо организованной рекламы. Безусловно, это сыграло свою отрицательную роль. Но, очевидно, имелись и другие не менее важные причины, мешавшие успешному продолжению работ. В США были влиятельные силы, не заинтересованные в продолжении этих работ, в демонстрации перед всем миром язв и пороков американского общества. А более убедительных доказательств порочности американской демократии, чем положение негров, найти, пожалуй, было невозможно. Не случайным было и то, что работы Дюбуа натолкнулись на сильное противодействие кругов, близких к институту в Таскиги.

В этом институте под руководством Букера Вашингтона практически проверялась его идея о том, что негры нуждаются только в сугубо профессиональном образовании, чтобы овладеть каким-либо ремеслом и зарабатывать себе таким образом на жизнь. Вашингтон призывал негров пойти на компромисс с белыми на Юге, оказать им политическую поддержку и за это выторговать себе право на сносное существование.

Инициативе Вашингтона было сделано грандиозное паблисити по всем правилам американской рекламы. Его призывы к неграм прекратить борьбу за свои права, искать пути компромиссного решения всех спорных проблем обеспечили Вашингтону активную поддержку и помощь со стороны финансового капитала.

Работы Дюбуа в значительной мере противоречили политике Букера Вашингтона. Вашингтон мог давать высокую оценку отдельным достижениям Дюбуа, как это было сделано в приведенном выше высказывании о работе Атлантического университета по исследованию негритянских ремесленников, но в целом Дюбуа и Вашингтон уже тогда шли принципиально различными путями.

Дюбуа все больше приходил к выводу, что, несмотря на всю важность его научных исследований для негров, он невольно оказывался в

значительной мере в стороне от тех проблем, которые больше всего волновали негритянский народ. «Я понял, — писал Дюбуа, — что невозможно оставаться спокойным, хладнокровным и объективным ученым в то время, когда негров линчуют, убивают и заставляют умирать от голода». А когда Дюбуа приходил к какому-либо выводу, он с присущей ему энергией, настойчивостью и прямоотой добивался реализации того, что он считал справедливым.

Принципиальные различия во взглядах на негритянскую проблему, нетерпимость Вашингтона ко всем инакомыслящим, полное отсутствие у Дюбуа склонности к компромиссам по принципиальным вопросам — все это предопределило неизбежность столкновения между Вашингтоном и Дюбуа. В 1903 году между ними произошла первая серьезная размолвка, которая в 1908 году привела к окончательному разрыву.

Разрыв с Вашингтоном, за спиной которого стояли мощные и влиятельные силы, имел роковые последствия для Дюбуа. Прошло всего два года после этого, и он был вынужден прекратить свою работу в Атлантском университете.

В своей работе он наталкивался на серьезное противодействие и со стороны федеральных организаций. В 1906 году Дюбуа обратился к федеральному уполномоченному по вопросам труда Нейлу с предложением провести тщательное историческое и социологическое исследование негров Черного пояса, района Юга, где негры составляли большинство населения.

С двумя своими помощниками Дюбуа проделал огромную работу по исследованию многочисленных документов и опросу населения. Это была не только тяжелая, но и опасная работа. В заповеднике расизма, где работали Дюбуа и его сотрудники, можно было столкнуться с любой неожиданностью и даже стать жертвой суда Линча. Во всяком случае имели место случаи, когда сотрудников Дюбуа встречали выстрелами из ружей.

Надо было иметь незаурядное мужество, чтобы в таких условиях вести работу и закончить ее. Исследование было доведено до конца и отправлено в Федеральное бюро по вопросам труда. После долгих бюрократических проволочек чиновники из бюро, сославшись на то, что в отчете «затронуты политические проблемы», отказались опубликовать его и уничтожили единственный экземпляр рукописи отчета.

Так погибло одно из лучших, наиболее тщательно подготовленных социологических исследований Дюбуа. И это был не единственный случай.

Безвозвратно погибли для науки исследования, которые проводил Дюбуа в период своей работы в Атлантском университете, в штате

Джорджия. В январе 1959 года в Москве на встрече с советскими учеными, работающими над проблемами истории Америки, Дюбуа рассказал о том, что вместе со своими учениками он тщательно исследовал один из округов штата Джорджия. Была проделана работа очень большого объема: история этого округа исследовалась на огромном историческом отрезке времени, начиная от появления здесь первых колонизаторов и до начала XX века. Помимо исследования документальных источников, проводился тщательный опрос многих жителей. Обобщенный и обработанный материал в виде отчета о проделанной работе был направлен в Федеральное бюро по вопросам труда, где он и нашел свою гибель. Федеральные чиновники не только не выполнили свое обещание опубликовать это исследование, но даже отказались вернуть рукопись. После этого случая, говорил Дюбуа, мы всегда печатали материалы своих исследований в университетском бюллетене.

Дюбуа подчеркнул, что причиной уничтожения его исследования в Федеральном бюро являлось то, что в этой работе речь шла о неграх. А эти материалы в США никогда не торопились публиковать, а нередко грубейшим образом пытаются даже уничтожить сведения о всех событиях в истории США, связанных с неграми. Дюбуа рассказал, например, интересный факт, связанный с историей столицы США. Основателем Вашингтона был негр Грех. Но в библиотеке конгресса США была вырезана статья из хранящейся там газеты 1793 года, в которой сообщалось об этом факте.

Немало трудностей встречал Дюбуа в своей работе в Атланте и в последующие годы. Некоторые исследователи жизни и деятельности Дюбуа склонны видеть причину этих трудностей в каких-то личных качествах Дюбуа, в особенностях его характера. На наш взгляд, это явная переоценка чисто личных моментов за счет недооценки объективных факторов, связанных с многогранной деятельностью этого выдающегося ученого и общественного деятеля.

Что же касается характера Дюбуа, то на этот счет имеются важные свидетельства самого Дюбуа, содержащиеся в его автобиографических работах и мемуарах. Конечно, возникает вопрос, сколь объективен может быть автор мемуаров, когда он касается черт своего характера. Очевидно, объективность Дюбуа должна быть вне подозрения хотя бы потому, что очень редко публикуются мемуарные работы, авторы которых были бы столь самокритичны и к своей деятельности и к оценке своих личных качеств, как это имеет место в мемуарах Дюбуа.

Сам Дюбуа считал, что в становлении и развитии его характера

исключительно важную роль сыграл тринадцатилетний период работы в Атлантском университете. «То были годы больших перемен в моем сознании, годы создания и разрушения идеалов, тяжкого груза и редких развлечений. Тут я нашел себя. Я утратил почти всю свою манерность, стал более человечен, приобрел самых близких и дорогих мне друзей».

Однако здесь же, в Атланте, ему пришлось столкнуться и с многочисленными разочарованиями, с косностью чиновников от науки, мешавших осуществлению его планов изучения истории и современного положения негров. В этот же период Дюбуа пришлось вести бои и с теми реакционными элементами, которые прекрасно понимали большое научное и политическое значение его исследований и преднамеренно препятствовали их осуществлению.

Неоднократно научная работа Дюбуа оказывалась на грани полного краха из-за тех многочисленных препятствий, которые постоянно возникали то из-за недостатка средств, то из-за прямого противодействия влиятельных сил. Но эти трудности не сломили Дюбуа. «Все это, — вспоминал он, — укрепило, сделало твердым мой характер. Надо мной проносились гигантские валы. Я познал жизнь во всех ее парадоксах и противоречиях, видел слезы одних и веселье других. Я окончательно возмужал. Одни идеалы были ниспровергнуты, другие поднялись до звезд; душа моя была покрыта шрамами, я стал чуть более мрачен, но по-прежнему хранил в себе бесценный дар не унывать, по-прежнему был полон решимости драться, упрямо драться за истину и добро».

Было бы упрощением говорить о том, что главной чертой характера Дюбуа было стремление всегда и везде, причем в резкой форме, говорить всем в глаза правду. Для негра, даже выдающегося ученого, это был очень рискованный и, главное, редко дающий положительные результаты путь. Дюбуа не был из тех негров, которые могли сносить оскорбления со стороны власть имущих белых, проявлять к ним раболепие и подобострастие. Он не был «дядюшкой Томом» XX века, который мог поступиться человеческим достоинством, чтобы добиться уступки в каком-то частном вопросе.

И тем не менее горький опыт заставлял Дюбуа быть осмотрительным и сдержанным. Он писал о своей работе в Атлантском университете: «Я был человек как все, мог сильно чувствовать, иметь свои симпатии и антипатии и при случае высказывал их. Эти качества я не мог в себе полностью подавить, да и не старался это делать. В то же время я мог иногда терпеть и, как спустя много лет сказал мой друг Генри Хант, «молчать на всех своих семи языках». Когда же я говорил, то не для того,

чтобы лгать».

Не только в период работы в Атланте, но и в последующие годы, на протяжении всей своей жизни, Дюбуа сохранил некоторую прирожденную замкнутость. Он не мог быстро сходитьсь с незнакомыми людьми и тем более быть с каждым запанибрата, сохранилась у него и резкая, критическая манера разговора.

В январе 1959 года Дюбуа и его жена Ширли Грэхем, американская писательница и общественный деятель, встретились в Москве с группой советских ученых, специализирующихся по истории США и Латинской Америки. Беседа продолжалась несколько часов. Дюбуа и Грэхем рассказали о негритянском движении в США на современном этапе, в частности большее внимание было уделено вопросу о борьбе за отмену сегрегации в школах. В ходе беседы дискутировались многие вопросы: роль эксплуатации негров в процессе первоначального накопления капитала в США, роль и место негритянской национальной буржуазии в негритянском движении, негры и проблема американской нации, американская историография и негритянская проблема, негры в истории стран Латинской Америки, оценка «Журнала негритянской истории» и ряд других вопросов.

Дюбуа очень обстоятельно, на высоком научном уровне, продемонстрировав блестящее знание материала и поразительную для его возраста память, отвечал на многочисленные вопросы участников встречи. Шла непринужденная, товарищеская беседа в теплой обстановке, созданию которой в немалой степени способствовали остроумные ответы Дюбуа на вопросы участников беседы.

На мой взгляд, эта беседа с Дюбуа очень показательна для его манеры ведения разговора. Стоило одному из участников беседы задать вопрос, в котором был сформулирован упрощенческий подход к оценке современного движения негров в США, как резко проявилась у Дюбуа критическая манера ведения разговора. Он не стал подбирать обтекаемых дипломатичных формулировок, чтобы объяснить автору вопроса и всем участникам беседы ошибочность упрощенческого подхода к движению негров в США. Дюбуа прямо и довольно резко заявил об этом.

Вспоминается и такой факт. Во время одного из своих последних приездов в нашу страну Дюбуа в коллективной беседе обратился к одному из участников встречи, не принимавшему участия в общей беседе, с вопросом, на каком языке он предпочитает изъясняться — на английском, немецком или французском. Узнав, что он не владеет ни одним разговорным иностранным языком, Дюбуа не посчитал нужным скрыть

свое явное неодобрение этого.

Прекрасный организатор, Дюбуа никогда не чурался черновой работы, но он был полностью лишен способности решать деловые вопросы, связанные с изысканием финансовых средств. Когда в 1909 году была создана Национальная ассоциация содействия прогрессу цветного населения, то первое, с чем она столкнулась, как и другие негритянские организации, — это резкая нехватка средств. Финансовый кризис ассоциации был затяжным и очень тяжелым. Остро чувствовалась необходимость выделить из числа руководителей ассоциации человека, который будет постоянно заниматься изысканием средств через богатых друзей ассоциации и известных филантропов.

Выбор пал на Дюбуа. «Я от этого отказался, — писал он, — ибо знал, что совершенно не гожусь для такой роли. Работа по добыванию средств требовала приветливого обращения, знания человеческой натуры, гибкости, а этих качеств у меня не было».

Характерной особенностью деятельности Дюбуа, как научной, так и общественно-политической, являлось то, что он всегда стремился не отставать от жизни, строить свою работу так, чтобы она отвечала самым насущным требованиям современности, и в первую очередь — самым важным проблемам негритянского освободительного движения. А поспеть за жизнью было не так легко.

Дюбуа завершил свое образование и занялся самостоятельной научно-исследовательской и педагогической работой в конце 90-х годов, когда США и другие индустриально развитые страны вступали в полосу империализма. Процесс перехода к империализму сопровождался глубочайшими изменениями в мировой политике и внутренней жизни государств. Правильно понять социально-экономическую природу этих изменений и, главное, должным образом учесть их в практической деятельности, направленной на улучшение положения негров, было нелегкой задачей.

Дюбуа в то время полностью не понимал еще природы колониальной экспансии капитализма, которая охватывала весь мир. Но ряд важнейших проблем, связанных с колониальной политикой великих держав, становился для него все более понятен, так как он тщательно изучал вопрос о взаимоотношениях рас.

Особенно внимательно следил Дюбуа за развитием событий в Африке, где разворачивалась мощная экспансия ведущих империалистических держав — Англии, Франции, Бельгии, Германии, Италии. Дюбуа писал, что это была борьба за золото, алмазы и рабочую силу Южной Африки, за

господство над важнейшей водной артерией континента — Нилом, за завоевание несметных богатств Конго и полезных ископаемых Западной Африки.

В одном из своих автобиографических романов Дюбуа нарисовал образ педагога, который прекрасно разбирался в мировых событиях, вследствие чего потерял место преподавателя в университете, в котором он работал. Эти слова очень подходят для характеристики самого Дюбуа последних лет XIX и начала XX века. Он проявлял огромный интерес к международным событиям, особенно к проблемам колониальной политики, изучая ее сквозь призму своего рода мировой теории расовых взаимоотношений. И эта деятельность Дюбуа, особенно его откровенные заявления с оценкой агрессивности политики империалистических держав, отнюдь не приветствовалась влиятельными кругами, руководившими научной жизнью в Атланте.

Это был период, когда в Африке разворачивались события, которые не могли не привлечь внимания каждого, кто пытался понять негритянскую проблему в мировом масштабе. Из Африки поступали сообщения о том, как вооруженные до зубов колонизаторы, все сжигая и уничтожая на своем пути, предпринимали лихорадочные попытки опередить друг друга в завоевании еще свободных районов Африки. Это был бесконечный список чудовищных преступлений против фактически безоружных африканских народов.

Страшное впечатление оставалось от скупых газетных отчетов о «подвигах» колонизаторов в Восточном Судане, где 23 сентября 1898 года в битве у Омдурмана английская регулярная армия впервые в истории войн применила пулеметы «максим». За несколько десятков минут было скошено 20 тысяч махдистов, наступавших на позиции англичан. Это была страшная бойня, одна из самых позорных страниц в истории «цивилизаторской миссии» колонизаторов в Африке. Ворвавшиеся в Хартум английские войска разрушили мавзолей Махди, прах Мухаммед-Ахмеда, вождя восстания махдистов в Южном Судане в 1881–1885 годах, был выброшен в реку. Командовал войсками англичан в этих операциях известный генерал-палач Китченер, бесславно погибший в одной из колониальных авантюр.

Поступали из Африки и обнадеживающие вести. Плохо вооруженная армия эфиопов наголову разбила итальянцев, вторгшихся в Абиссинию во время итало-абиссинской войны 1894–1896 годов. Опозоренные итальянцы вынуждены были признать независимость Абиссинии и уплатить ей контрибуцию.

Негры в США с энтузиазмом восприняли это сообщение. Герой одного из романов Дюбуа, мысленным взором переносясь в далекую Эфиопию, рисовал перед собой картину побоища под Адуей, где негры разгромили армию захватчиков и уничтожили 25 тысяч итальянских солдат.

Он видел мрачное поле битвы, десятки тысяч черных воинов с налитыми кровью глазами, с пеной у рта устремились в едином порыве на позиции врага. И впереди всех атлетическая фигура чернокожего императора Менелика — верхом на коне, в стальном панцире, с львиной шкурой на плечах. Рядом с ним едет смуглая императрица Тантоу, блистая великолепными нарядами. «Дикие крики потрясают небеса, грохот копыт и бряцание бронзы гулко перекатываются по земле. Кичливые итальянцы останавливаются и, дрожа от страха, поворачивают назад; они обращаются в бегство, бросая свои военные знаки — атрибуты древнеримских ликторов, — бегут, словно затравленные звери, навстречу ожидающей их смерти. И вот двадцать пять тысяч трупов лежат, кровотока и разлагаясь...»

Дюбуа ярко отразил огромный энтузиазм, с которым негры США восприняли весть о разгроме итальянцев. Это событие имело тем большее значение, что битва под Адуей произошла в марте 1896 года, а незадолго до этого, в сентябре 1895 года Букер Вашингтон произнес свою знаменитую речь, в которой призывал негров признать себя людьми второго сорта и угождать белым. В битве под Адуей была не только разгромлена итальянская армия, эфиопские воины нанесли здесь и страшный удар по философии Вашингтона.

Разгром итальянцев в Эфиопии имел огромное значение для укрепления самосознания негров. Но это был только единичный пример успешной борьбы народов Африки против колонизаторов. Италия была хищником поменьше и послабее. Ее поражение в Абиссинии еще раз подтвердило слова Бисмарка о том, что у Италии аппетит большой, а зубы гнилые.

Значительно труднее было бороться против опытных в колониальном разбое англичан, французов, бельгийцев, особенно против англичан, которые захватили половину Африки. Сесиль Родс, дипломированный мастер колониального разбоя, окончивший Оксфордский университет, стал богатейшим человеком, захватив в Южной Африке крупнейшие в мире алмазные россыпи и районы добычи золота. Этот слабосильный, чахоточный человек сосредоточил в своих руках огромную власть. Он создал колоссальную империю в Южной Африке и стал главным виновником англо-бурской войны 1898–1902 годов.

В Азии появился молодой и многообещающий хищник — Япония,

успешно выигравшая войну у двух колоссов — Китая и России. Началось ожесточенное соперничество между великими державами за господство над колониальными и зависимыми народами, что сыграло свою трагическую роль в подготовке и развязывании мировой империалистической войны.

В империалистическую экспансию активно включились Соединенные Штаты, захватившие Гавайские острова, имевшие важное стратегическое значение, и развязавшие первую в мире империалистическую войну, испано-американскую войну 1898 года, положившую начало целой серии войн за передел мира.

Все эти международные события не могли пройти мимо внимания Дьюбуа, который понимал, что негритянскую проблему в США надо рассматривать в общей связи с экспансионистской политикой ведущих империалистических держав против цветных народов.

Но, конечно, особо пристальное внимание Дьюбуа привлекали события, развертывавшиеся в самих Соединенных Штатах. Конец XIX — начало XX века был периодом бурного экономического развития США, появления и безудержного роста монополистического капитала, периодом глубоких сдвигов во всех областях политической, общественной, культурной жизни страны.

За кратчайшие исторические сроки с 1860 по 1894 год США проделали огромный путь в своем экономическом развитии, в несколько раз увеличили свой экономический потенциал. И с четвертого места в мире по объему промышленной продукции в 1860 году вышли на первое место в 1894 году. Это был гигантский скачок вперед, блестяще подтвердивший прогноз Энгельса, который еще в 1864 году, в разгар гражданской войны в США, писал: «Как только будет взорвано рабство, — это величайшее препятствие, сковывающее политическое и социальное развитие Соединенных Штатов, — страна переживет такой подъем, который в кратчайший исторический срок обеспечит ей совершенно иное место в мировой истории...»

Апологеты американского капитализма изображают послевоенное тридцатилетие не только как период невиданного экономического подъема, но и как — годы всеобщего процветания. Подобная радужная картина не имеет ничего общего с действительностью. Для рабочего класса США послевоенное тридцатилетие было периодом жесточайшей эксплуатации. Рабочий день продолжался десять-четырнадцать часов, в крупнейших городах страны трудящиеся жили в трущобах, подобных которым давно уже не было в странах Европы.

На усиление эксплуатации рабочий класс США ответил мощными забастовками, равных которым по упорству и ожесточенности не было во всей истории рабочего движения страны. К числу таких забастовок относилась «долгая забастовка» шахтеров в 1875 году, национальная забастовка железнодорожников в 1877 году, национальная забастовка с требованием восьмичасового рабочего дня в 1886 году, редкая по накалу борьбы забастовка сталеваров в Гомстеде в 1892 году, забастовка Американского союза железнодорожников под руководством Дёбса в 1894 году и исторический поход безработных под руководством Кокси в Вашингтон в 1894 году.

В ряде этих забастовок важную роль сыграли рабочие-негры. Но совместные выступления белых и черных рабочих были довольно редким явлением. Реакционные руководители профсоюзов, играя на расовых предрассудках, натравливали белых рабочих на негров, не допускали негров в профсоюзы и даже организовывали забастовки белых рабочих с требованием не предоставлять неграм квалифицированной работы и не принимать их в профсоюзы.

Во всех крупнейших национальных организациях рабочих — в Национальном рабочем союзе, в ордене «Рыцарей труда», в Американской федерации труда были довольно сильно распространены антинегриганские настроения. Реакционные руководители этих рабочих организаций всеми средствами боролись против негров, подрывая тем самым саму основу успешного развития рабочего движения — единство всех рабочих независимо от расы, национальности, вероисповедания.

Особенно тяжелым было положение негров-рабочих в южных штатах. Белые рабочие, объединенные в профсоюзы, не допускали в свои ряды негров. В южных штатах проводились многочисленные забастовки, участники которых — белые рабочие требовали не допускать негров к квалифицированной и наиболее хорошо оплачиваемой работе. В ряде случаев предприниматели, стоявшие на расистских позициях, шли на уступки забастовщикам.

Отсутствие единого фронта между белыми и черными рабочими резко ослабляло позиции белых рабочих в борьбе с предпринимателями. На Юге начались массовые репрессии против рабочих, вступивших в профсоюзы, их массами увольняли с работы. Если рабочий уходил с завода, не предупредив об этом за неделю, он терял недельный заработок, оставшийся у предпринимателя. Починка испортившегося станка производилась за счет рабочего. В случае простоя рабочий не получал ни цента. На Юге очень широко применялся детский труд, оплачивавшийся по

самым низким расценкам.

Положение белого рабочего в южных штатах было значительно хуже, чем положение рабочего на Севере. И важнейшей причиной этого являлось то, что предприниматели особенно успешно натравливали здесь белых рабочих на черных. Вей история Юга убедительно свидетельствовала о том, что порабощение и эксплуатация негров вела к деградации и резкому ухудшению положения трудящихся масс белого населения. В значительной мере это было характерно, только в менее резких формах, и для Севера.

Для наиболее сознательных рабочих становилось все более очевидным, что в интересах и белых и черных рабочих совместно бороться против дискриминации негров в экономической жизни. Конечно, было еще очень далеко до создания действенного единого фронта белых и черных рабочих, но определенные сдвиги в направлении сближения между рабочими белой и черной расы имели место.

В период работы Дюбуа в Уилберфорсе, в Пенсильванском университете и особенно в Атлантском университете он все больше внимания уделял рабочему движению. И это было вполне естественно, так как в стране развивался бурный экономический подъем, стремительно набирала темпы индустриализация, рабочий класс с каждым годом занимал все больший процент в составе самостоятельного населения, он стал главной производительной силой страны. Становилось все более очевидным, что будущее негров США в большой мере зависит от рабочего класса. Этот вывод был особенно очевиден для социолога, занимавшегося изучением условий жизни различных классов и групп населения.

Политическая жизнь страны также наглядно свидетельствовала о том, что правящие круги не могут игнорировать растущее значение рабочего класса не только в экономической жизни, но и в политике. Началась охота за голосами избирателей-рабочих. В кампании по выборам президента в 1896 году опытный демагог, кандидат от демократической партии Брайан выступил со своей знаменитой речью, в которой ратовал за то, чтобы не позволить капиталу «распяты рабочего на золотом кресте».

Красноречие Брайана, заимствование им важнейших лозунгов популистов, убедило многих деятелей этого движения в том, что это человек, который будет отстаивать важнейшие требования популистов, и они, так же как и демократы, объявили его своим кандидатом в президенты.

Демагогия Брайана многих ввела в заблуждение, не был исключением и Дюбуа, который писал: «Страстный призыв Брайана... уже нельзя было заглушить».

Трудно было разобраться и во всех хитросплетениях, связанных с так

называемым антитрестовским законодательством. Многим современникам казалось, что это законодательство было направлено против монополистического капитала и в защиту трудящихся. Очевидно, такую же точку зрения разделял и Дюбуа. Во всяком случае, даже в конце своей жизни, когда Дюбуа придерживался несравненно более радикальных взглядов, он считал, что антитрестовское законодательство было направлено против монополий. Дюбуа писал: «Возросшая политическая власть угольных, нефтяных и сахарных трестов, полная неуязвимость корпораций заставили президента открыто выступить против трестов, ставших своего рода «сверхправительством»...

В конце XIX — начале XX века в период перехода к империализму резко усилилось наступление предпринимателей против рабочего класса как против негров, так и против белых. И даже в это время негров не считали частью американского рабочего класса, Дюбуа также рассматривал их как отдельный класс, не смешивая их со всей массой рабочих. «Дело не в том, — писал Дюбуа, — что я не видел в неграх прежде всего рабочих, чьи интересы тесно связаны с интересами всего рабочего класса. Виной тому были могущественные силы в нашем государстве, которые раскололи рабочий класс на враждебные группировки, ненавидевшие и боявшиеся друг друга больше, чем своих эксплуататоров... В глазах негра белый рабочий стал главным врагом: это он шел впереди толпы линчевателей, он оскорблял его на улице, он вырывал кусок хлеба из его рта».

Для правильного понимания сложной проблемы взаимоотношений между белыми и черными рабочими необходимо было тщательно изучить условия жизни рабочего класса. Большая работа в этом направлении была проделана Дюбуа в рамках серии социологических исследований, опубликованных им в Атлантском университете. Дюбуа и его помощники изучали положение негров, работавших на промышленных предприятиях южных штатов, переписывались со всеми профсоюзами страны, приглашали для выступления на конференциях профсоюзных лидеров. Однако добиться какого-либо положительного сдвига в вопросе о взаимоотношениях между белыми и черными рабочими не удавалось, раскол американского рабочего класса по расовому принципу оставался таким же глубоким.

Глава VI

«НИАГАРА»

За тринадцать лет пребывания в Атлантском университете Дюбуа проделал огромную работу по изучению истории негров и их современных условий жизни. Шестнадцать томов социологических исследований о неграх, ряд крупных монографий, масса научных и публицистических статей, художественные произведения — все это свидетельствовало о колоссальном объеме работы, которая была им выполнена за эти тринадцать лет.

Помимо научной работы, Дюбуа регулярно занимался со студентами Атлантского университета, уделяя этому значительную часть своего времени. Годы работы в Атлантском университете принесли Дюбуа не только общенациональную известность, его имя хорошо знали и за пределами США как крупнейшего специалиста по негритянской проблеме.

Ведя огромную научно-исследовательскую и педагогическую работу, Дюбуа не выпускал из поля зрения, точнее, всю свою деятельность подчинял главной цели — борьбе за равноправие негров. За годы работы в Атланте он получил известность как лидер национального масштаба. Эта известность пришла к нему как к создателю и руководителю «Ниагарского движения».

Занимаясь на протяжении многих лет изучением негритянской проблемы, Дюбуа пытался понять и объяснить с научной точки зрения, в чем корень зла, почему расовая ненависть столь сильно распространена в Соединенных Штатах и проявляется в таких диких формах. А свидетельств чудовищных антинегритянских выступлений было много. С особым возмущением относился Дюбуа к линчеванию негров.

На протяжении двадцати лет Дюбуа редактировал «Крайсис» — журнал Национальной ассоциации содействия прогрессу цветного населения и регулярно сообщал в этом журнале факты о линчеваниях негров. Ужасна сама по себе картина расправы озверевшей толпы с беззащитной жертвой, но, как правило, суд Линча сопровождался и такими садистскими пытками обреченного на смерть негра, что трудно поверить в возможность подобного в наше время и в цивилизованной стране.

Подробнейшая информация о линчеваниях стекалась в «Крайсис», и эти материалы послужили для Дюбуа документальной основой при

описании линчеваний в его художественных произведениях. Статистика линчеваний, публиковавшаяся Дюбуа, и описание этих варварских действий в его художественных произведениях привлекали внимание широкой общественности страны к положению негров, это была важная форма борьбы за решение негритянской проблемы. Это была действенная форма борьбы с помощью художественных средств против самого варварского проявления расизма. Вот одно из описаний расправы линчевателей над негром, убившим в порядке самозащиты белого, и над его женой: «Обоих привязали к деревьям и стали разводять костры. Негров заставили вытянуть руки и начали один за другим рубить им пальцы. Отрубленные пальцы тут же расхватывали в качестве сувениров. Убийце отрезали уши. После этого его жестоко избили, проломив череп, глаз, выбитый чьей-то палкой, вывалился из глазницы и повис на нерве. Ни сам Холберт, ни его жена не просили пощады. Ни стоны, ни жалобы не вырвалось из их уст. Толпа подвергла их мучительной пытке. В тела несчастных ввертывали большой бурав — в руки, ноги и туловище, — потом вытаскивали, всякий раз выдирая огромные куски кровавого, еще трепещущего мяса. После этих истязаний изуродованные тела сожгли».

Уже в начале своей деятельности Дюбуа разоблачал лицемерие церкви Юга, которая своим авторитетом фактически прикрывала линчевателей и расправлялась с теми, кто пытался использовать церковный амвон для борьбы против судов Линча. В своих речах, публицистических статьях, художественных произведениях Дюбуа выступал против ханжества и лицемерия церковников.

В одном из своих последних романов он описывал, как проходил в 1904 году в Атланте всеобщий съезд священнослужителей «белой» методистской церкви штата Джорджия. На съезде выступил один белый священник и рассказал о линчевании беременной негритянки, которая прокляла толпу погромщиков, убивших ее мужа, и поклялась, что назовет суду имена его убийц. «За это негодяи схватили ее и, привязав к дереву, распороли ей живот...

— Не надо! — раздались несколько голосов, и епископ шагнул к говорящему. Но бледный молодой проповедник вскочил на кафедру и закричал:

— ...распороли живот, и не родившийся еще младенец упал на землю. Потом они облили женщину бензином и сожгли...

Несколько человек схватили священника. Епископ, подняв руки, громовым голосом потребовал тишины.

— Не судите, да несудимы будете, — произнес он. — Пути господни

неисповедимы...

— Господа там не было! Господь даже пальцем не пошевелил! И никто из вас не сделал ничего! Позор...

Но тут проповеднику заткнули рот и поспешно увели прочь».

Под предлогом психического заболевания священника отправили в больницу для душевнобольных, которая была настоящим кромешным адом. Так расправлялась церковь с теми, кто решался выступить против позорной практики суда Линча.

В период работы в Атлантском университете Дюбуа все еще продолжал верить в то, что путем просвещения можно решить негритянскую проблему. В конце жизни, подводя итоги большому проделанному пути, Дюбуа писал: «Я никак не мог убедить себя в том, что моя программа разрешения негритянской проблемы путем научных исследований бесполезна». Конечно, столь категорическое заявление Дюбуа не следует понимать в том смысле, что огромная работа, проделанная им по изучению негров, не дала никакого положительного результата. Наоборот, и с научной и с общественно-политической точки зрения исследования Дюбуа имели первостепенное значение, в частности они привлекали внимание общественности к ужасающим условиям, в которых находились негры, и к негритянской проблеме в целом. Но как универсальное средство решения негритянской проблемы путь, избранный Дюбуа, был бесперспективен. Жизнь со всей неумолимостью подтверждала это. Действительно, все больше делалось для научного изучения негритянской проблемы, росло число учащихся-негров, велась большая разъяснительная работа среди белого населения, «мудрец из Таскиги», как называли Вашингтона, проповедовал смирение и подчинение негров белым, и все напрасно. Расовая ненависть все более разгоралась, и ее проявления становились все более отвратительными.

К числу наиболее страшных проявлений расовой ненависти относился негритянский погром в Атланте в 1906 году. Четыре дня огромный город находился во власти толпы, опьяненной виски и кровью. В Атланте и ее окрестностях вершилась настоящая оргия убийств, насилий, грабежей и поджогов. По приблизительным данным, было убито и ранено около ста человек, почти все жертвы погрома — негры. Сотни негритянских семей бежали из города, жалкий скарб негров был разграблен или уничтожен.

Погром в Атланте застал Дюбуа в округе Лоундес, штат Джорджия, где он занимался социологическим обследованием населения. Дюбуа сразу же поспешил в Атланту, где оставалась его семья. Глубоко потрясенный событиями в Атланте, Дюбуа по дороге в город написал стихотворение

«Молитва за Атланту», опубликованное в журнале «Индепендент». Это был обличительный документ против расизма, где, помимо ненависти к погромщикам-расистам, звучала и определенная растерянность. Возникал вопрос, где выход из создавшегося положения, как прекратить эту оргию убийств и насилий. Этот вопрос все еще оставался для Дюбуа без ответа.

Можно сказать без преувеличения, что никто лучше Дюбуа не знал всех трудностей и сложностей жизни негритянского населения США. Дюбуа прекрасно знал и историю негритянского народа США, которая была и останется историей непрерывной борьбы сначала за уничтожение рабства, а последние сто с лишним лет — за завоевание полного равноправия негров. Дюбуа был глубоким знатоком боевых, революционных традиций негров, и он лучше, чем кто-либо другой, понимал весь вред объективно капитулянтской, предательской политики Букера Вашингтона в негритянском вопросе.

Однако было бы ошибкой считать, что Дюбуа с самого начала резко и последовательно выступал против Букера Вашингтона. Более того, речь Вашингтона в Атланте в 1895 году, вызвавшая протесты многих негритянских деятелей, была воспринята Дюбуа в целом положительно. Он писал в «Нью-Йорк эйдж», что предложение Вашингтона, представляющее взаимный интерес для негров и белых южан, может открыть период длительного сотрудничества негров и белых на Юге. Дюбуа считал, что для этого сотрудничества необходимо, чтобы белые южане обеспечили экономические возможности для негров, а последние, в свою очередь, окажут им политическую поддержку.

Однако жизнь еще раз показала, что покорность и уступки со стороны угнетенного народа своим угнетателям только поощряют их расистскую политику. Захлебываясь от восторга, реакционные круги Юга и Севера приветствовали предложение Вашингтона, осыпали его милостями и знаками внимания, которых не удостоивались самые высокопоставленные белые, одновременно разворачивали новое наступление на негров. Дюбуа писал, что предложение Вашингтона «было перечеркнуто тем фактом, что с 1895 по 1909 год на всем Юге негров фактически лишили избирательных прав путем введения несправедливых и незаконных ограничений; тогда же во многих штатах были приняты «джимкровоистские» законы, низводившие негритянских граждан до уровня подчиненной касты».

Особый восторг белых южан и капиталистических кругов Севера вызвала та часть речи Вашингтона, в которой он решительно выступил против социального равенства. «Попробуйте-ка сравнить пять пальцев руки», — заявил Вашингтон. Собравшиеся с бурным восторгом

приветствовали эти слова Вашингтона. «Дамы встали на стулья, махая платочками; мужчины бросали в воздух шляпы, притоптывали и издавали боевой клич мятежников-южан».

Речь Вашингтона привлекла внимание всей нации. Ее обсуждали в правительственных и деловых кругах, на съездах церковников и в университетах, на страницах газет и журналов. Во всей истории США трудно найти пример, когда бы выступление какого-либо лица вызвало такой огромный интерес.

Колоссальный резонанс, произведенный речью Вашингтона, имел свои причины. Во многом повышенный интерес к этому событию объяснялся личностью самого Вашингтона. Букер Т. Вашингтон родился рабом в штате Вашингтон. Как и у многих других рабов, точная дата его рождения была неизвестна. Вашингтон знал только то, что родился он за несколько лет до начала гражданской войны.

В 1872 году в возрасте примерно шестнадцати лет он поступил в институт в городе Хемптоне, где стал убежденным последователем директора этого института генерала Армстронга, считавшего, что обучение ремеслу имеет для негров исключительно важное значение. В 1881 году Вашингтон возглавил небольшую школу в городе Таскиги, в штате Алабама. Ум, энергия, блестящие организаторские способности Вашингтона позволили ему за четыре года превратить свою захудалую школу в первоклассное по тем временам учебное заведение с несколькими сотнями студентов — «Педагогический и промышленный институт города Таскиги». Это учебное заведение пережило своего создателя и существует по настоящее время, насчитывая три тысячи студентов.

Стремительная, поистине фантастическая карьера Вашингтона во многом объяснялась тем, что он очень удачно рассчитал время своего выступления в Атланте. Предложения Вашингтона, которые Дюбуа позднее назвал «компромиссом в Атланте», соответствовали интересам власть имущих и Юга и Севера. Долго не находилось подходящего негритянского лидера, не скомпрометированного слишком откровенным сотрудничеством с руководством белых и имеющего достаточный авторитет среди негров, который взял бы на себя инициативу для подобного выступления. Такой кандидатурой и оказался Вашингтон, и он был тем более приемлем, что выступал по собственной инициативе и искренне верил в выдвинутую им программу.

Букер Вашингтон был человеком среднего роста, плотным, предрасположенным к полноте. Его нельзя было назвать ни приятным, ни симпатичным желтое, одутловатое крупное лицо, серые, выразительные,

внимательные и порой до неприятности пронизывающие глаза. Он был замкнутым, молчаливым и осторожным человеком. Особенно предубежденно относился Вашингтон к хорошо образованным и интеллигентным неграм, что и явилось одной из причин его конфликта с Дюбуа. Предосудительное отношение к образованным неграм у Вашингтона сложилось еще в годы юности, во время учебы в Хемптоне. Студенты-негры откровенно издевались над грубым, неотесанным деревенским парнем, всегда молчаливым, угрюмым и настороженным.

Эта замкнутость и осторожность надолго сохранилась у Вашингтона и, как писал Дюбуа, «лишь потом, когда (он) убедился в прочности своего положения, изменил политику и стал подкупающе прост и обаятелен... Одевался он вначале небрежно, а потом очень тщательно, но не кричаще, стараясь производить впечатление человека среднего достатка».

Вашингтон был от природы одарен настоящим дипломатическим талантом. Постоянно выдержанный, спокойный, он обладал врожденным чувством меры, умел внимательно слушать собеседника и очень умело, незаметно для окружающих, направлять беседу в нужное русло. Показательна для его манеры ведения разговора была беседа с миллиардером Эндрю Карнеги, который был одним из первых власть имущих людей США, кто увидел большое будущее Вашингтона, и всемерно покровительствовал ему. Когда Карнеги заявил, что готов пожертвовать десять тысяч долларов на институт в Таскиги, Вашингтон со смирением возразил, что он не может принять дара. «От кого угодно, только не от мистера Карнеги!» В мягкой, предельно вежливой форме Вашингтон дал понять, что для Карнеги это была мизерная сумма, и если он примет эти деньги, то другие вообще ничего не дадут. Ловкий ход Вашингтона дал свои результаты: Карнеги в конце концов пожертвовал 600 тысяч долларов...

Взнос Карнеги был только началом. Из различных районов США и со всех концов света в Таскиги стали поступать колоссальные пожертвования. Таскиги стал центром, имевшим значительное экономическое влияние, помимо этого, он превратился в нечто вроде политического центра негров США.

Вашингтон стал неофициальным советником правительства США, через него шли назначения негров на различные посты, с ним советовались и к его мнениям очень прислушивались в Белом доме и конгрессе при принятии решений, касавшихся негров. К Вашингтону обращались тысячи негров с просьбой найти работу, от него многие хотели получить совет, рекомендацию и прочее. Вашингтон вел обширную переписку со своими

американскими и иностранными корреспондентами. Физически он был не в состоянии выполнять эту работу, и скоро в Таскиги был создан огромный аппарат, который не только выполнял функции секретариата, но и субсидировал, а иногда и открыто подкупал газеты, журналы, всевозможные организации.

Гигантская машина, созданная в Таскиги, могла раздавить любого, кто становился на ее пути. Вашингтон все больше начинал выступать в качестве монопольного выразителя интересов негров, и, как всякий монополист, он не терпел никакой конкуренции и очень болезненно реагировал на укрепление авторитета других негритянских лидеров.

Важное место в деятельности Вашингтона занимало создание негритянских коммерческих организаций и всемерное поощрение деловой активности негров. В 1900 году он организовал и возглавил Национальную негритянскую коммерческую лигу. Активную роль в осуществлении планов этой части программы Вашингтона играл Дюбуа, который был в то время убежденным сторонником Лиги.

Дюбуа считал, что в деятельности Вашингтона надо поддерживать все рациональное, но относиться к нему критически. В 1903 году в своей книге «Души черного народа» Дюбуа писал, что, когда Вашингтон выступает за развитие среди негров промышленного образования, ему надо протянуть руку и всемерно поддержать его начинания. Но когда он выступает апологетом несправедливости на Юге или на Севере, не понимает значения права голоса для негров, выступает против высшего образования для широких негритянских масс, в таких случаях необходимо решительно выступить против него.

И особенно резко Дюбуа протестовал против холуйского унижения Вашингтона перед белыми. Это могло бы быть личным делом самого Вашингтона, если бы речь шла о его собственных контактах, но он брал на себя смелость говорить от имени негритянского народа. В каждом его слове, в каждой интонации и жесте, когда он выступал со своей знаменитой речью в Атланте, проявлялось подобострастие и угодничество по отношению к белым. Вашингтон заверял своих хозяев: «Вы и в будущем можете быть так же уверены, как вы были уверены в прошлом, что вас и ваши семьи будут окружать самые терпеливые, преданные, законопослушные и безропотные люди, каких когда-либо видел мир. Подобно тому как мы доказывали свою преданность вам в прошлом, нянча ваших детей, дежуря у постелей ваших больных родителей и часто провожая их со слезами в могилу, так и в будущем со свойственной нам скромностью мы будем стоять на вашей стороне, с преданностью, на

которую не способен никакой иностранец, будем готовы, если потребуется, жертвовать своей жизнью, защищая вашу жизнь...»

Эта холопская угодливость Вашингтона претила Дюбуа, обладавшему ярко выраженным чувством собственного достоинства. Давая оценку речи Вашингтона, произнесенной в Атланте, Дюбуа заявил, что, выступая в столь критический момент, он, вместо того чтобы осудить эксплуататоров, возложил «главную ответственность за положение негров на самих негров».

Независимо от того, какими соображениями и побуждениями руководствовался Вашингтон на практике, он оказался глашатаем штрейкбрехерства и капитуляции перед белыми эксплуататорами негров. И не было ничего удивительного в том, что Вашингтон сделал головокружительную карьеру. Он пользовался огромной популярностью и доверием у самых влиятельных людей страны. Вашингтон обедал в Белом доме у президента Теодора Рузвельта, который отнюдь не благоволил к неграм, его принимал у себя в замке в Скибо миллиардер Эндрю Карнеги, он был своим человеком у одного из хозяев «Стандард ойл», Роджерса, Вашингтон стал близким другом и доверенным лицом многих других мультимиллионеров.

В 1896 году Вашингтону была присуждена почетная ученая степень Гарвардским, а в 1901 году — Дортмундским университетами. Он выезжал за границу, его принимала королева Великобритании Виктория. Газета «Нью-Йорк уорлд» называла его «негритянским Моисеем... за ним было решающее слово во всех важных назначениях негров, он был посредником, через которого поступали и распределялись пожертвования негритянским учреждениям, он создавал и разрушал карьеры, выдвигал и сокрушал людей... Он создал аппарат, который получил название «машины Таскиги», и с дерзкой самоуверенностью заставлял эту машину лихорадочно работать на протяжении десяти с лишним лет».

Огромная власть, которую с помощью своих белых покровителей получил Вашингтон, позволила ему стать лидером, почти диктатором девяти миллионов американских негров. Вашингтон был вне конкуренции, он мог раздавить любую оппозицию, и его господство в негритянском движении казалось непреодолимым. Но недовольство действиями Вашингтона неуклонно назревало. Дюбуа отмечал, что казалось странным, когда Вашингтон выступал против политических действий негров, а сам из своей штаб-квартиры в Таскиги диктовал неграм, какова должна быть их политическая линия.

Переход к империализму сопровождался усилением реакции по всем

линиям, особенно усилился расовый и национальный гнет, что ставило перед негритянским движением новые важные задачи. «В то время как для защиты гражданских прав негров, — писал Дюбуа, — нужны были организованные и активные действия, Вашингтон срывал эти действия, рекомендуя покорность судьбе или по крайней мере отказ от прямой агитации». Эта капитулянтская политика Вашингтона вызывала резкое недовольство негров, особенно образованной негритянской молодежи, выступившей инициатором создания оппозиции «курсу Таскиги». В 1901 году в Бостоне начал издаваться негритянский журнал «Гардиен», направленность которого против Вашингтона становилась все более очевидной.

Вокруг «Гардиен» стали группироваться негры, главным образом молодежь, недовольные диктаторскими замашками Вашингтона. Борьба принимала очень резкий характер, она разделяла родных и близких, превращала друзей в заклятых врагов.

Вашингтон стремился подавить любую инициативу негров, в первую очередь изолировать их от борьбы вокруг политических проблем. Однако эти усилия были тщетны. Несмотря на бурную деятельность, которую развернула «машина Таскиги», как Дюбуа называл аппарат, созданный Вашингтоном на базе своего института, негры отказывались быть послушным орудием в руках Вашингтона.

Особенно усилилась политическая активность негров в связи с испано-американской войной 1898 года. В этой войне негритянские войска сыграли важную роль. Один из историков испано-американской войны писал: «Не подлежит сомнению, что в бою у Сан-Хуана негритянская конница обратила поражение в победу и спасла честь и шкуры лихих кавалеристов конницы Тедди Рузвельта». Успехи негритянских войск на фронтах испано-американской войны наполняли гордостью сердца негров, вселяли в них уверенность за свой народ. Но здесь была реальная и большая опасность роста милитаристских и шовинистических настроений.

Лучшие лидеры негров, и первым из них был Дюбуа, не поддались этим настроениям, они выступили с решительным осуждением испано-американской войны как империалистической агрессии. Дюбуа активно поддержал антиимпериалистическую лигу, созданную в октябре 1899 года. Он полностью разделял — точку зрения руководителей лиги, заявивших, что они осуждают «истребление филиппинцев как ничем не оправданное варварство».

В условиях резкого обострения борьбы за равноправие агрессию США он рассматривал как попытку распространить политику расовой ненависти

и жестокости, варварских судов Линча за пределы США. Назревал новый подъем негритянского движения, раздавались призывы к созданию «национальной негритянской лиги для борьбы с экспансией, империализмом, трестами и судами Линча».

В условиях резкого обострения борьбы за равноправие негров, усиления антиимпериалистического движения Букер Вашингтон проводил свою прежнюю политику затыкания ртов, навязывания неграм своего курса. «Я был очень обеспокоен всем происходящим, — писал Дюбуа, — но не потому, что совершенно не соглашался с идеями Букера Вашингтона, а потому, что был сторонником более открытой агитации против Всех зол и несправедливостей, причиняемых неграм. Меня особенно возмущал организованный в Таскиги подкуп негритянской прессы и подавление всякой, даже самой умеренной и разумной, критики взглядов Б. Вашингтона как в негритянской, так и в белой печати».

К тому времени, когда против Вашингтона стала складываться оппозиция, Дюбуа уже являлся авторитетным ученым, педагогом, писателем и активным борцом за равноправие негров. «Машина Таскиги» была заинтересована в том, чтобы заручиться его поддержкой или в крайнем случае добиться нейтрализации Дюбуа в борьбе, развертывавшейся между сторонниками и противниками Букера Вашингтона.

Влиятельные лица из числа сторонников Вашингтона начали — планомерную атаку на Дюбуа. Сначала ему предложили пост редактора журнала. Причем был сделан очень прозрачный намек на то, что журнал будет подчиняться установкам Таскиги. Начиная с 1902 года на Дюбуа стали оказывать длительное и все более возрастающее давление с целью убедить его оставить работу в Атлантском университете и перейти в Таскиги.

Состоялись две встречи Дюбуа с Вашингтоном, которые оставили у Дюбуа довольно неприятное впечатление. Вашингтон вел себя как на дипломатическом приеме, был скрытен, очень немногословен, предельно насторожен. Внести какую-либо ясность в вопрос, связанный с переходом Дюбуа в Таскиги, он отказался. А ясность была необходима, так как Дюбуа в первую очередь интересовал вопрос, сможет ли он там продолжать свои научные исследования. Ответа на этот вопрос он так и не получил.

Давление на Дюбуа с целью убедить его оставить работу в Атлантском университете и перейти в Институт Таскиги продолжалось. Люди, близкие к Вашингтону, прибегли к испытанному и широко применявшемуся ими методу — подкупу прямому или замаскированному, в зависимости от того,

с кем и где они имели дело. Дюбуа дали понять, что он будет обеспечен квартирой. Что касается жалованья, то ему, по существу, предложили самому назвать сумму, за которую он был бы согласен работать. Позднее в своей книге «Предрассветный сумрак» Дюбуа писал, что, по существу, была предпринята попытка превратить его в одного из многих «писателей-невидимок» при Вашингтоне. За большие деньги эти люди продавали свой талант «машине Таскиги». По заказу они писали то, что было необходимо, но вся их авторская продукция печаталась без их подписи.

На все это давление Дюбуа ответил своей книгой «Души черного народа», опубликованной в 1903 году. Это было собрание статей и очерков, опубликованных им за последние годы в периодической печати. Очерки, изданные в виде отдельной книги, редко пользуются большим успехом у читателя, и Дюбуа, всегда очень взыскательно относившийся к любой своей печатной продукции, испытывал серьезные колебания, прежде чем согласиться на предложение издательства выпустить такую книгу.

Опасения Дюбуа оказались совершенно напрасными. Книга сразу же привлекла всеобщее внимание и была моментально раскуплена, что являлось самым убедительным свидетельством ее популярности. Критика отмечала, что работа Дюбуа произвела больший эффект на негров Америки, чем любая книга, которая была опубликована в США после выхода «Хижины дяди Тома». С точки зрения интереса читателей эта книга действительно оказалась одной из самых удачных работ Дюбуа. Она выдержала больше двадцати изданий и последний раз вышла в свет в 1953 году.

Исключительный успех книги Дюбуа определялся не только ее выдающимися литературными достоинствами, прекрасным языком, удачной композицией статей и очерков. Была и другая очень важная причина ее большой популярности: книга вышла в очень ответственный для негритянского движения момент, когда росла оппозиция к Букеру Вашингтону, когда негры, особенно негритянская молодежь, нуждались в честном, понятном и близком им слове. Это слово и произнес Уильям Дюбуа. Он написал для книги специальную главу «Букер Т. Вашингтон и другие», где с присущей ему прямоотой высказал свое отношение к Вашингтону.

«Перед неграми Америки, — писал Дюбуа, — стоит очень серьезная и сложная задача — организовать движение против некоторых сторон деятельности их знаменитого лидера. Когда Вашингтон проповедует труд, терпение и ремесленное обучение масс, мы должны поддержать его и бороться вместе с ним, радуясь его славе и гордясь силой этого Исайи,

призванного богом и людьми повести за собой паству, лишенную пастыря. Но когда Вашингтон пытается оправдать несправедливости, чинимые против нас на Севере и на Юге, когда он недооценивает наше право и наш долг — участие в выборах, когда преуменьшает пагубное значение расовой дискриминации и выступает против стремления к науке и высшему образованию наших самых способных сынов, когда он, Юг, или вся нация действуют таким образом, мы должны твердо и решительно выступить против этого».

И в заключение Дюбуа призвал негров к решительной борьбе за равные права с белыми, подчеркнув, что создатели Соединенных Штатов записали 4 июля 1776 года в Декларации независимости: «Все люди сотворены равными, все они одарены своим создателем некоторыми неотъемлемыми правами, к числу которых относится право на жизнь, свободу и стремление к счастью».

«Души черного народа» сыграла огромную роль в сплочении прогрессивных сил в негритянском движении, в организации борьбы против «машины Таскиги». Биограф Вашингтона Вазиль Метьюз писал, что эта работа имела решающее значение, «впервые предоставив движению против Вашингтона четкие аргументы».

Злоба и растерянность, с которыми была встречена книга Дюбуа сторонниками Вашингтона, свидетельствовали о том, что удар был точно рассчитан и мастерски нанесен. «Аутлук» — белый еженедельник, активно поддерживавший Вашингтона, после выхода этой работы Дюбуа безапелляционно заявил, что автор книги предатель своей расы, которому «стыдно называться негром».

Выступление Дюбуа против Вашингтона не было неожиданным, если учесть, что в главном вопросе их позиции были диаметрально противоположны. Речь идет о том, что политике смирения и рабской покорности, проводившейся Вашингтоном, Дюбуа противопоставлял решительную, бескомпромиссную борьбу за равноправие негров. Дюбуа не сразу решился на это выступление против Вашингтона. Его сомнения и колебания были вызваны тем, что по ряду вопросов, касавшихся необходимости расширения коммерческой деятельности негров, и по другим вопросам Дюбуа поддерживал Вашингтона. Помимо этого, было очевидным, что любой раскол среди негров укреплял позиции антинегритянских элементов. И прежде чем пойти на открытый разрыв с Вашингтоном, надо было попытаться сделать все для установления взаимопонимания с Таскиги, но на принципиальной основе. И Дюбуа с паразитическим терпением пытался выполнить эту программу.

В январе 1904 года в Нью-Йорке состоялась конференция, в которой приняли участие сторонники и противники Вашингтона, видную роль среди которых играл Дюбуа. Цель конференции была одна— попытаться примирить две враждующие группировки негров. В выступлениях Карнеги и редактора влиятельного журнала «Аутлук» Лимэна Эббота ярко проявилась цель этих покровителей Вашингтона: решить проблему объединения негритянского движения на базе капитуляции всех оппозиционных групп перед «духом Таскиги». В конце работы конференции выступили руководители двух оппозиционных направлений в негритянском движении — Вашингтон и Дюбуа.

Казалось, что мир и единство восстановлены: на конференции был создан комитет двенадцати, в состав которого вошли и Вашингтон и Дюбуа. Однако комитет и в финансовом и в политическом отношении находился в полной зависимости от Вашингтона, что никак не содействовало примирению двух направлений в негритянском движении. В конечном итоге Дюбуа был вынужден выйти из этого комитета, чтобы не нести моральной ответственности за его решения, которые не соответствовали взглядам Дюбуа на коренные проблемы негритянского движения.

«К этому времени, — писал Дюбуа, — я полностью избавился от всех своих иллюзий. Я не мог больше занимать промежуточную позицию, пытаюсь примирить взгляды журнала «Гардиен» с идеологией Хэмптона Таскиги. Я сам начал испытывать на себе неумолимое действие «машины Таскиги»... Ряд негритянских газет, находившихся на содержании Вашингтона, начали публичную травлю Дюбуа. С присущим ему темпераментом Дюбуа заявил, что эти газеты продались Вашингтону. После этого от него потребовали дать документальные доказательства этого обвинения, и начался новый тур инсинуаций, издевательских намеков и прямой клеветы в его адрес.

Дюбуа, презиравший интриги и всякие закулисные сделки, тяжело переживал эту оскорбительную и тщательно организованную травлю. Но это касалось его одного, и он не считал возможным предпринимать каких-либо действий, помимо своих личных выступлений против тех, кто клеветал в его адрес.

Но когда не без нажима влиятельных покровителей Вашингтона был арестован редактор журнала «Гардиен» Троттер, один из организаторов выступлений против «машины Таскиги», Дюбуа воспринял это как начало открытых репрессий. «Дело Троттера» получило большой резонанс. Вашингтон, фактически являвшийся политическим советником президента

Рузвельта, вынужден был информировать его об обстоятельствах ареста Троттера.

В июле 1905 года Дюбуа обратился к ряду лиц, не разделявших диктаторских устремлений Вашингтона, признал их и «всех, кто верит в свободу и прогресс негров», к «организованным решительным наступательным действиям». Дюбуа предложил немедленно создать конференцию, чтобы организовать всех негров, выступающих в поддержку свободной критики любых негритянских лидеров, в поддержку прессы, публикующей объективную информацию.

С 11 по 14 июля 1905 года на канадском берегу Ниагары, в Форт-Эри состоялась созванная Дюбуа конференция, в которой участвовало 29 человек. Это были оппозиционно настроенные по отношению к Вашингтону деятели, группировавшиеся вокруг газеты «Гардиен». Характерно, что конференция собралась в том месте, где во времена рабства находился северный конечный пункт «подземной железной дороги», по которой бежали из рабовладельческих штатов негры-рабы.

Декларация движения «Ниагара», принятая на этой конференции, резко протестовала против преступлений, совершавшихся по отношению к неграм США, и призывала их объединиться для решительной борьбы за равноправие. Участники конференции потребовали соблюдения законов о предоставлении неграм права голоса, права на образование, на справедливое судопроизводство для негров, в частности права состоять в судах присяжных, уничтожения дискриминации в вооруженных силах, улучшения здравоохранения, отмены расовой дискриминации, соблюдения тринадцатой, четырнадцатой и пятнадцатой поправок к конституции, провозглашавших равенство негров в гражданских правах.

Декларация, принятая на конференции, содержала решительный протест против «нехристианского» отношения церквей к неграм, резко осуждала предпринимателей и профсоюзы, дискриминировавших негров при приеме на работу и не допускавших их в профессиональные союзы.

В деятельности Дюбуа как борца за полное равноправие негров эта конференция имела огромное значение. Здесь он впервые выступил как лидер негров национального масштаба. И как признание больших заслуг Дюбуа в борьбе за права негров явилось его избрание генеральным секретарем созданной здесь негритянской организации. К этому времени Дюбуа был самым популярным после Вашингтона негритянским деятелем США.

Почетный председатель Компартии США Уильям Фостер так определял значение движения «Ниагара» и роль Дюбуа в его создании и

функционировании: «Возникновение движения «Ниагара» было поворотным пунктом в истории негритянского народа. Оно означало одновременно восстание против гнетущей реакционной бюрократической системы Букера Вашингтона и начало проведения более боевой политики в борьбе против расистов и линчевателей... Разработав боевую политику движения «Ниагара» в противовес капитулянтской политике Вашингтона, доктор Дюбуа показал себя одним из величайших представителей негритянского народа».

Огромное значение деятельности Дюбуа по созданию этой новой негритянской организации заключалось в том, что он заставил негров поверить в свои силы, поверить в необходимость борьбы за равноправие, вселил в них уверенность, что эта борьба может и должна привести к положительным результатам. Это имело в то время особенно важное значение, так как «дух Таскиги» действовал парализующе на многих негров, распространял среди них пессимистические настроения, неверие в возможность добиться каких-либо положительных результатов борьбой за свои права. Огромный авторитет Букера Вашингтона, колоссальное влияние, которое он имел, почести, которыми окружали его в США и за границей, власть и богатство, как по мановению волшебной палочки оказавшиеся в его руках, — все это заставляло негров задуматься: а не является ли путь Вашингтона единственно правильным, единственно возможным.

Надо было перебороть эти ошибочные и опасные настроения, развенчать Вашингтона и открыть перед неграми новый путь. Это и сделал Дюбуа. Движение «Ниагара» за четыре года своего существования получило общенациональную известность. Дюбуа и его соратники созывали митинги во всех уголках страны, чтобы рассказать неграм о целях нового движения. В связи с тем, что против засилья Вашингтона особенно активно выступала негритянская молодежь, было создано молодежное движение «Ниагара», а также женский отдел и юридический отдел, активно борющийся за гражданские права негров, успешно выигравший в судах ряд процессов против дискриминации негров.

Биограф Дюбуа Эллиот Радвик, определяя значение этого движения, писал: «Движение Ниагара было первой национальной негритянской организацией, которая решительно потребовала безоговорочного предоставления своему народу таких же гражданских прав, какие имели другие американцы».

На посту генерального секретаря движения «Ниагара» особенно ярко проявились выдающиеся организаторские способности Дюбуа. Сам Дюбуа

скептически относился к себе как к организатору и руководителю. Он писал: «Я не был прирожденным лидером: не умел быть с каждым запанибрата и быстро сходиться с незнакомыми людьми, наконец, не мог легко избавиться от прирожденной замкнутости и от резкой, критической манеры разговора».

В связи с этим заявлением Дюбуа следует подчеркнуть, что он действительно не умел быстро сходиться с людьми, не мог быть запанибрата с каждым встречным и поперечным. Короче, он не обладал качествами, присущими разбитному политическому или общественному лидеру, который строит свою работу на демагогии, иногда более, иногда менее откровенной. Но в переломные моменты в истории любого массового движения нужны не лидеры-профессионалы, прекрасно владеющие всем арсеналом средств воздействия на массы. Такие лидеры быстро приедаются и сходят с арены активной деятельности, не успевают приобрести никакого авторитета и не оставив никакого следа в развитии движения, которое они пытались возглавить.

В ответственные моменты в развитии любого движения нужны лидеры другого склада, которые могут почувствовать пульс времени, могут найти новые пути для решения кардинальных проблем и тем самым преодолеть мертвую точку, в которой оказалось движение. Таким лидером и был Дюбуа. В нем привлекала честность, неподкупность, преданность делу, в котором он видел смысл своей жизни. Авторитет Дюбуа как лидера нового движения определялся и тем, что это был руководитель нового типа — не только организатор, но и выдающийся ученый, прекрасно знавший дело, которым; он руководил.

В 1906 году состоялся съезд участников движения «Ниагара». Если конференция 1905 года собралась в конечном пункте «подземной железной дороги», то съезд имел место в другом историческом месте, в Харпере-Ферри, штат Виргиния, где в 1859 году Джон Браун поднял знамя восстания против рабства. Когда на рассвете участники съезда во главе с Дюбуа босиком совершили паломничество к месту казни Бранна, это могло показаться постороннему наблюдателю какой-то надуманной, искусственной процедурой, чем-то вроде экзальтированного богослужения в негритянских церквях. В действительности же это паломничество имело глубокий смысл: участники движения клялись следовать заветам Джона Брауна и не ограничиваться разговорами о необходимости улучшения положения негров, а решительно бороться за их полное равноправие с белыми.

Дюбуа, никогда не переоценивавший своей роли в негритянском

движении и значения тех мероприятий, которыми он руководил, говорил, что съезд в Харпере-Ферри «если не по числу присутствующих, то по своему значению... был одним из самых важных съездов, когда-либо созывавшихся американскими неграми».

В написанном Дюбуа манифесте съезда говорилось о том, что в минувшем году по всей стране обильно взошли семена расовой ненависти. Перечислив все важнейшие направления, по которым осуществлялась политика расовой дискриминации, сегрегации и жесточайшей эксплуатации негров, Дюбуа сформулировал цели и задачи движения «Ниагара». «Мы, — заявлял Дюбуа, — не удовлетворимся ничем, кроме полного равноправия Мы требуем для себя всех прав, которые принадлежат американцам, родившимся свободными, — прав политических, гражданских и социальных И пока мы этих прав не получим, мы не перестанем протестовать, и Америка будет слышать наш голос Мы ведем бой не только за себя, но и за всех настоящих американцев».

Эти слова Дюбуа оказались пророческими. Еще много лет после съезда в Харпере-Ферри Америка и все прогрессивное человечество слышали смелый голос Дюбуа, непримиримого борца за полное равноправие негров, за мир и дружбу между всеми народами.

Манифест, принятый на съезде в Харпере-Ферри, был не только программным документом борьбы за освобождение негров США, Дюбуа как автор манифеста показал глубокое и правильное понимание принципа патриотизма. «Это, — говорил он, — борьба за идеалы, борьба за то, чтобы наша общая родина не изменила окончательно своим принципам и не превратилась на деле в страну грабителей и рабов, в притчу во языцех среди других наций из-за своих громких притязаний и жалких свершений».

Это было выступление в стиле традиций лучших людей Америки, именно в таком плане говорил о США Авраам Линкольн, который подчеркивал, что он потому и критикует свою страну, что любит ее и хочет, чтоб она избавилась от присущих ей недостатков.

Движение «Ниагара» было настоящим вызовом Б. Вашингтону и тем влиятельным кругам, которые выдвинули его на авансцену политической жизни США и без поддержки которых он не смог бы вообще существовать. Казалось, что не было силы, которая могла быть противопоставлена мощной и прекрасно отрегулированной, «машине Таскиги». Но это было только внешнее впечатление. Буржуазно-националистическая программа Вашингтона не соответствовала коренным интересам негритянского народа, жестоко страдавшего от расовой дискриминации и сегрегации, от судов Линча и зверских погромов. Перед лицом наступающей

империалистической реакции Вашингтон призывал негров к смирению и покорности. Такой курс не мог пользоваться поддержкой широких слоев негритянского населения, и чем в больших масштабах разворачивались репрессии против негров, тем слабее становились позиции Вашингтона, расшатывавшиеся под мощными ударами массового негритянского движения. «Машина Таскиги» стала буксовать и работать с явными перебоями и срывами. А на крутых поворотах, после очередных массовых выступлений расистов, погромов, судов Линча, когда Вашингтон вновь повторял свои призывы к покорности, возникала угроза, что эта машина будет сброшена под откос возмущенными неграми.

Стихийный протест негров против политики Вашингтона получил после создания движения «Ниагара» целенаправленное руководство и стал превращаться в силу, способную свести на нет всю систему, созданную в Таскиги. И не было ничего удивительного в том, что, по свидетельству одного историка, Вашингтон «с помощью влиятельных людей пытался уничтожить и Дюбуа и его платформу». В лице Дюбуа и руководимого им движения Вашингтон не без основания видел силу, способную повести за собой негритянский народ, что создавало для «мудреца из Таскиги» реальную перспективу оказаться полководцем без армии.

Вашингтон действительно готов был пойти на крайние средства в борьбе с Дюбуа, так как не было никакой надежды ни запугать лидеров «Ниагары», ни добиться компромисса с ними. В главном лидеры двух движений были непримиримы: Вашингтон ратовал за униженность и подчинение негров, Дюбуа и его соратники видели главное средство решения негритянского вопроса в активной борьбе. По словам негритянского историка, «знамя восстания было развернуто, родилось современное негритянское освободительное движение». И у колыбели этого движения стоял доктор Уильям Дюбуа, который на протяжении последующих почти шестидесяти лет оставался крупнейшим лидером негров.

В истории негритянского движения в период возвышения Букера Вашингтона существовала характерная закономерность: любой негр, выступивший против Вашингтона, подвергался травле, всевозможным преследованиям, и если он не уступал, то в конце концов его заставляли уйти в сторону. Когда Дюбуа возглавил движение «Ниагара», он испытал на себе всю силу страшного давления «машины Таскиги». Он неожиданно начал сталкиваться с колоссальными трудностями в своей научной, редакционной и преподавательской работе. Дело дошло до того, что когда Дюбуа предложили занять в столице пост помощника школьного

инспектора для руководства цветными школами, то один из негров — служащих управления школами доложил самому президенту Теодору Рузвельту о нежелательности назначения на этот пост Дюбуа. Назначение, конечно, не состоялось, а Рузвельт с тех пор пришел к твердому убеждению, что Дюбуа — «опасная личность».

Преследования Дюбуа продолжались, и в конце концов Вашингтон нанес самый хорошо рассчитанный удар. Дюбуа вынудили уйти из Атлантского университета. Он проработал здесь тринадцать лет, под его руководством университет опубликовал многочисленные социологические исследования, которые принесли ему мировую известность. Дюбуа был выдающимся ученым и блестящим педагогом, в таких людях университет очень нуждался, и уволить крупнейшего ученого, добросовестнейшим образом выполнявшего свои обязанности, означало пойти на открытый скандал.

Наступление на последние позиции, удерживаемые Дюбуа в Атлантском университете, велось по всем правилам военного искусства. Началась длительная и упорная, непрерывная осада ректора университета. Ему стали постоянно срезать ассигнования и одновременно прозрачно намекали, что стоит только университету расстаться с Дюбуа, как будут сразу же увеличены ассигнования по линии департамента просвещения и от частных лиц, а в США ассигнования из различных фондов, учрежденных крупными миллионерами и миллиардерами, всегда играли важную роль в финансировании университетов и других учебных заведений.

Дюбуа был поставлен перед выбором — или бороться за по праву принадлежащее ему место в Атлантском университете и обречь его на финансовую блокаду, или уйти. Дюбуа избрал последнее, тем более что ему предложили стать одним из руководителей Ассоциации содействия прогрессу цветного населения, которая была создана к этому времени и в учреждении которой он сыграл активную роль.

Со смешанным чувством покидал Дюбуа Атланту. Как отмечал один из биографов Дюбуа, он ненавидел этот город, строивший всю свою жизнь на принципах расовой дискриминации. Для того чтобы не дать расистам возможности унижить его, Дюбуа на протяжении всех тринадцати лет жизни в Атланте не пользовался сегрегированным городским транспортом. Он не ходил в театры и концертные залы, где негры должны были сидеть на худших, специально для них отведенных местах. Вполне естественно, что Дюбуа не испытывал никакого Огорчения, уезжая из этого рассадника расизма.

Вместе с тем он с большой грустью покидал Атлантический университет, работе в котором отдал лучшие годы своей жизни. Здесь оставались его близкие друзья, многочисленные ученики, подготовленные им за тринадцать с лишним лет работы в университете. И главное, он вынужден был прекратить свои социологические исследования.

В трилогии Дюбуа «Черное пламя» выведен образ доктора Бургхардта, профессора Атлантического университета, который из-за несогласия со взглядами Букера Вашингтона вынужден был покинуть университет. В Бургхардте легко найти черты самого Дюбуа. В сцене, где описывается уход Бургхардта из университета, он говорит; «Я отказываюсь от заветной мечты... Я хотел подняться над суетой жизни и с высоты своего положения направлять мир к Правде — в той области, где он более всего в ней нуждается, где без нее он погибнет. Я твердо верил, что если в течение длительного времени регулярно и со все большей точностью наблюдать за действиями и поступками людей, то социология может стать наукой такой же точной, как физические науки».

На склоне лет, возвращаясь к оценке событий, связанных с его работой в Атлантическом университете, Дюбуа писал: «Так моя работа в Атланте и мои мечты о решении негритянской проблемы с помощью научных исследований потерпели крах. Я начал остро ощущать, какие трудности создавали для Атлантического университета мои взгляды и поступки».

Дюбуа был вынужден покинуть Атлантический университет, работе в котором было отдано столько сил и творческого вдохновения. Причиной, побудившей его принять это решение, были не только огромные трудности, возникшие в работе после ссоры с Вашингтоном, но и нежелание быть кому-то в тягость. Для Дюбуа всегда было характерно обостренное чувство собственного достоинства, он не мог оставаться там, где по тем или иным причинам не хотели его присутствия или не могли разрешить ему остаться.

Помимо этого, как указывалось выше, в 1909 году был создан Негритянский национальный комитет, переименованный в 1910 году в Национальную ассоциацию содействия прогрессу цветного населения — НАСПЦН, на работу в которую Дюбуа был приглашен. Он принял сделанное ему предложение потому, что главной своей задачей, целью жизни считал борьбу за освобождение негров от угнетения. Этой важнейшей задаче он подчинял всю свою многогранную деятельность, а создание НАСПЦН, как казалось, открывало новые перспективы для негритянского движения. И до перехода на работу в НАСПЦН Дюбуа самым активным образом участвовал в выполнении тех задач, которые ставила перед собой эта организация, а кратко говоря, она сводилась к

борьбе за равноправие негров.

Отъезд из Атланты подводил черту под важным периодом жизни Дюбуа. Шестнадцать лет он отдал научно-исследовательской и педагогической работе, одновременно ни на один день не прекращая борьбы за разрешение негритянской проблемы. Дюбуа было уже за сорок. Как писал биограф Дюбуа: «Годы не брали его. Шевелюра Дюбуа основательно поредела, но быстрые, нетерпеливые движения и подтянутая, энергичная фигура были как у молодого человека. Если он был старше своих лет, когда приехал в Атланту, то в 1910 году, покидая ее, Дюбуа выглядел моложе своих лет».

Жена Дюбуа, о которой он писал как о прекрасной темноглазой красавице, унаследовала все качества своей матери немки-домохозяйки. Она была прекрасной матерью, заботливой хозяйкой и не более.

Было бы неправильным представлять Дюбуа как человека, вечно занятого научными проблемами, погруженного в размышления и не интересующегося никакими мирскими делами. Этот традиционный, утрированный образ ученого не имел ничего общего с реальной действительностью. Один из биографов Дюбуа писал: «В 1904 году бывший питомец Атлантского университета Джеймс Уелден Джонсон был поражен, увидев, как глубокомысленная, пунктуальная манера поведения Дюбуа в обществе исчезла, уступив место веселости и даже фривольности. Но мало кто из белых мужчин или женщин когда-либо видел такого Дюбуа. Для них он был только выдающимся социологом, неприветливым, суровым...»

Тринадцать лет работы в Атланте еще раз убедили Дюбуа в том, что он не может ограничиться только научной и педагогической работой. Без борьбы за интересы негритянского народа, за уничтожение расовой и национальной дискриминации во всех ее проявлениях Дюбуа не видел смысла жизни. Уезжая из Атланты, он оставлял научную и педагогическую работу, это было большой жертвой с его стороны. Но определенное моральное удовлетворение Дюбуа получал от сознания того, что переезд на Север и работа в НАСПЦН дадут ему возможность более активно участвовать в решении практических вопросов негритянского движения.

Глава VII

ВОЗВРАЩЕНИЕ НА СЕВЕР

Дюбуа переезжал на Север в период резкого обострения борьбы негров за равноправие. Начало нового, XX века ознаменовалось бурным развитием монополистического капитала, сопровождавшимся развернутым наступлением на права трудящихся, в первую очередь на права негров. Одновременно это был и период быстрого роста рабочего и профсоюзного движения. С 1900 по 1914 год численность Американской федерации труда увеличилась с 600 тысяч до 2 миллионов человек. В 1900 году в социалистической партии было 10 тысяч человек, а в 1912 году уже 120 тысяч.

Первое десятилетие века ознаменовалось и значительными успехами негритянского движения. Иллюстрировать эти успехи какими-либо цифрами практически невозможно, но бесспорно то, что это был период роста организованности негритянского движения. Важнейшим показателем этих успехов явилось создание Национальной ассоциации содействия прогрессу цветного населения.

Дюбуа писал, что поводом для создания НАСПЦН явилось линчевание, совершенное сто лет спустя после рождения Авраама Линкольна, в городе Спрингфилде, на родине великого президента. И день линчевания и место расправы свидетельствовали о том, что это был настоящий вызов расистов неграм. Ответом на этот вызов явилось создание НАСПЦН.

Президентом ассоциации был избран Мурфилд Стори, лидер Антиимпериалистической лиги, бывший секретарь активного борца за освобождение негров в годы гражданской войны Чарлза Самнера. Пост директора отдела пропаганды и исследований занял Уильям Дюбуа.

Одна из важнейших задач НАСПЦН заключалась в борьбе с линчеваниями, которые приняли в то время огромные масштабы. За период с 1900 по 1914 год 1079 негров были зверски убиты расистами. Эта мрачная статистика линчеваний свидетельствовала о новом усилении в стране расовой нетерпимости.

О садистских методах расправы с неграми свидетельствует типичный пример суда Линча над негром Джесса Вашингтоном в Уэйко, штат Техас в 1916 году, приводившийся Дюбуа: «Пока костер, сложенный из старых

ящиков, разгорался, с юноши сорвали одежду и, тыча ему в спину ножами, потащили к дереву; через сук перекинули цепь. Негр пытался вырваться, но не мог. Он прыгнул и схватил было цепь руками, но ему отсекали пальцы. Как раз в тот момент, когда его стали подтягивать на дерево, какой-то дюжий детина нанес ему сзади удар ножом в шею... его еще несколько раз опускали и подымали над костром при помощи цепи, обвязанной вокруг шеи. Потом линчеватели признавались, что нанесли негру около двадцати пяти ножевых ран, каждая из которых могла быть смертельной».

Никто из участников этой дикой расправы не понес наказания. Более того, история США не знает ни одного случая привлечения к ответственности участников линчевания негров. И вполне естественно, что в деятельности вновь созданной негритянской организации важное место заняла борьба с самым чудовищным проявлением расизма — с линчеваниями.

В руководстве НАСПЦН Дюбуа был единственным негром, и ему не всегда легко было проводить свою линию, казалось, даже в таких бесспорных вопросах, как борьба с линчеваниями. Возникали препятствия самого неожиданного порядка. Дюбуа, например, попытались помешать публиковать сообщения о случаях линчевания негров. Ему как редактору созданного в 1910 году журнала НАСПЦН «Крайсис» было предложено вместе с сообщениями о линчеваниях публиковать перечень преступлений негров, послуживших причиной расправы. Это предложение мотивировалось соображениями объективности, хотя было очевидно, что это была бы объективность, вывернутая наизнанку. Подобная информация явилась бы большой услугой расистам, оправдывавшим линчевания негров тем, что они совершали преступления против белых. Особенно часто выдвигалось ставшее трафаретным обвинение в изнасиловании неграми белых женщин. Но самое характерное заключалось в том, что предложил публиковать перечень преступлений негров Освальд Виллард, внук великого борца за освобождение негров, выдающегося аболициониста Уильяма Гаррисона.

Дюбуа решительно отверг попытки Вилларда диктовать ему, что и как он должен писать о линчеваниях негров. Столь же решительно он поставил и вопрос о том, что в качестве главного редактора «Крайсиса» он будет вести работу так, как считает нужным.

Когда создавался «Крайсис», даже друзья Дюбуа считали, что он пошел на большой риск, что новый журнал затеряется среди множества похожих друг на друга изданий, не найдет необходимого числа читателей и, не выдержав конкурентной борьбы со своими собратями, вынужден будет

прекратить существование. Однако благодаря огромной работе, проделанной Дюбуа, журнал очень быстро приобрел большую популярность. Дюбуа прибыл в Нью-Йорк в августе 1910 года, а уже в ноябре того же года вышел в свет первый номер «Крайсиса». Успех нового журнала был поистине феноменальный. Первый номер журнала вышел тиражом в тысячу экземпляров, меньше чем за год тираж возрос до 16 тысяч, в 1913 году — до 30 тысяч и, наконец, в 1918 году тираж «Крайсиса» составил 100 тысяч экземпляров. Причем три четверти номеров распространялись среди негров, журнал стал настольной книгой во многих негритянских семьях.

Огромная популярность «Крайсиса» являлась следствием не только выдающихся литературных и редакторских способностей Дюбуа. Негритянский читатель и все сторонники равноправия негров находили в этом журнале ответы на самые злободневные вопросы. «Крайсис» сыграл очень важную роль в признании в 1915 году действительной силы пятнадцатой поправки к конституции и отмене «дедовских статей», принятых в конце XIX — начале XX века в качестве дополнений к конституциям южных штатов и запрещавших неграм участвовать в голосовании. В 1917 году удалось добиться отмены сегрегации в жилищном вопросе. «Но важнее всего, — писал Дюбуа, — было то, что с помощью журнала «Крайсис» и наших сотрудников и друзей мы могли постоянно и систематически, в четкой и ясной форме излагать перед всей страной законные чаяния американских негров и факты, касающиеся их положения. Мы старались организовать негров как политическую силу и заставить страну почувствовать ее; мы открыли кампанию против линчеваний, оказавшуюся самой эффективной из всех, какие когда-либо проводились раньше, и в конце концов как будто приблизившую ликвидацию этого зла».

Двадцать три года издавал Дюбуа «Крайсис», и все эти годы ежемесячник вел активную борьбу за духовный рост всех людей, и в первую очередь негров, всеми средствами боролся за уничтожение расовой и национальной дискриминации. Трудностей в работе журнала было немало, и многие из них были вызваны теми сложными отношениями, которые с самого начала возникли между НАСПЦН и Букером Вашингтоном.

Когда Дюбуа назначили директором департамента печати и исследований этой организации, в качестве условия ему поставили отказ использовать НАСПЦН для борьбы с Вашингтоном. Однако практически оказалось невозможным воздержаться от борьбы с Букером Вашингтоном.

«Едва рассеялся дым после битвы с Троттером, — писал биограф Дюбуа, — как, вопреки усилиям НАСПЦН сдержать его, Дюбуа возобновил войну против Букера Вашингтона». Дюбуа выступил против Вашингтона, несмотря на то, что это противоречило линии руководства НАСПЦН и серьезно обостряло отношения Дюбуа с умеренными и консервативными кругами ассоциации. Дело в том, что в 1910 году Вашингтон совершил поездку в Европу и, выступая в Англии, вновь повторил, что негры США якобы удовлетворены условиями, в которых они живут. В ответ на это Дюбуа опубликовал на страницах «Крайсиса» заявление, в котором прямо было сказано, что Вашингтон связан по рукам и ногам финансовой зависимостью от богатых филантропов, что не позволяет ему объективно судить о положении негров в США. Дюбуа решительно подчеркнул, что Вашингтон дезориентирует общественное мнение Европы, когда утверждает, что негритянская проблема в Америке находится в стадии удовлетворительного разрешения.

Прошло немного времени после выступления Вашингтона, и он получил возможность сам убедиться, насколько «удовлетворительно» положение негров в США. В марте 1911 года он подвергся резкому оскорблению со стороны белого, войдя в поисках своего знакомого в один дом в Нью-Йорке. Согласно распространившимся слухам Вашингтон шел на свидание с белой женщиной. Дело приняло скандальный характер, оно разбиралось в суде, и особенно сильно ударило по Вашингтону то, что суд оправдал покушавшегося на него.

Букер Вашингтон умер в ноябре 1915 года, когда ему было около шестидесяти лет. По мнению Дюбуа, он достиг расцвета своей карьеры в период с 1899 по 1906 год, но до самой своей смерти сохранил огромный личный престиж и влияние. Вашингтон был очень сложной и противоречивой личностью, отражавшей своеобразие и сложность положения негритянской буржуазии в американском обществе, которая в силу своего классового и имущественного положения тяготеет к господствующим кругам белого населения страны, но никогда не может занять среди них равноправного положения в силу расовой дискриминации, распространяющейся на все слои цветного населения США.

Определяя роль Букера Вашингтона в негритянском движении, Дюбуа писал: «Полностью воздавая ему должное, мы все же должны возложить на душу этого человека тяжелую ответственность за окончательное лишение негров избирательного права, за упадок негритянских колледжей и государственных школ и за еще большее упрочение в нашей стране

кастовой системы, основанной на цвете кожи».

На протяжении всего многолетнего периода активного участия Дюбуа в негритянском движении ему постоянно приходилось вести борьбу с консервативными и умеренными кругами, которые считали, что радикализм Дюбуа может принести только отрицательные результаты для негров. Аналогичные отношения сложились у Дюбуа и с руководством НАСПЦН, особенно резкий характер борьба между Дюбуа и большинством руководителей ассоциации носила в 1913–1915 годах.

Причина обострения отношений была все та же: Виллард как руководитель ассоциации решительно настаивал на том, что Дюбуа, являясь членом руководства и главным редактором печатного органа ассоциации, обязан подчиняться ему. Дюбуа столь же решительно отстаивал свое право на независимые действия. Дюбуа был глубоко убежден, что мелочная опека и назойливый контроль над главным редактором любого издания только сковывают его творческую инициативу и приносят непоправимый вред. А раз придя к какому-либо мнению, Дюбуа всегда отстаивал его с присущей ему энергией и упорством.

Вилларду и другим белым из руководства НАСПЦН пришлось все же согласиться на требования редактора «Крайсиса». Они не могли себе позволить потерять такого ценного работника, как Дюбуа, который лучше, чем кто-либо другой в США и тем более за их пределами, знал негритянскую проблему.

Немаловажное значение имела и финансовая сторона вопроса. НАСПЦН с самого начала испытывала серьезные финансовые затруднения, и секретарям ассоциации приходилось использовать всю свою энергию, массу времени, чтобы изыскать скромные средства, необходимые для нормального функционирования организации. И тот факт, что под руководством Дюбуа «Крайсис» быстро стал самоокупающимся и даже приносящим прибыль, имел также очень важное значение. Наконец, нельзя было не учитывать и того факта, что Дюбуа был единственным негром в составе руководства ассоциации и что он привел в ее ряды участников движения «Ниагара», которое слилось с НАСПЦН после ее образования. Выход Дюбуа из руководства ассоциации превратил бы ее в подобие объединения каких-то белых филантропов, решивших облагодетельствовать негров и бороться за их права фактически без их участия.

Все эти факторы и заставляли руководителей ассоциации терпеть пребывание Дюбуа и в руководящем органе НАСПЦН и на посту главного редактора «Крайсиса».

Круг обязанностей Дюбуа в эти годы был очень обширен. Ему всегда претила роль почетного председателя, дающего общие указания и не желающего утруждать себя каждодневной кропотливой работой. Дюбуа был образцом блестящего организатора, который умеет правильно руководить людьми и сам никогда не чурается черновой работы. Ему приходилось в «Крайсисе» вести не только огромную авторскую и редакционную работу, но и выполнять массу мелких, но всегда очень хлопотливых и трудоемких административных и хозяйственных обязанностей, отнимавших уйму времени.

Дюбуа вел также огромную лекторскую работу. Он разъезжал по всем штатам страны, пропагандируя цели и задачи НАСПЦН, рассказывая своим слушателям о негритянском движении и одновременно получая новые важные факты о положении негров, о важнейших сторонах многогранной жизни страны.

В период работы в НАСПЦН Дюбуа хотя и руководил научными исследованиями в этой организации, но условия для настоящих научных исследований у него были теперь несравненно хуже, чем в годы работы в Атланте. И тем не менее, перегруженный колоссальной пропагандистской, организационной и прочей работой в ассоциации, он, как истинный ученый, урывал любую свободную минуту для научной работы.

Дюбуа продолжал вплоть до 1914 года участвовать в научных конференциях по изучению положения и истории негров, проводившихся в Атлантском университете, не прерывал он и своей деятельности по изданию социологических исследований на базе материалов этих конференций. После ухода из Атлантского университета Дюбуа уже не мог руководить этими работами, но он передавал свой огромный опыт молодым ученым, заменившим его на этом посту. Здесь ярко проявилась присущая Дюбуа настоящая преданность интересам науки, без которой не может быть настоящего ученого.

Прекращение работы в Атлантском университете создало серьезные трудности для научно-исследовательской работы Дюбуа, и было поразительным, откуда у него брались энергия, силы, время, чтобы публиковать научные труды. Количество опубликованных им работ, конечно, сократилось, но оно оставалось значительным. Помимо довольно многочисленных научных статей, Дюбуа публикует и ряд монографических исследований.

В 1907 году, когда Дюбуа уже сталкивался с серьезными трудностями в своей работе в Атлантском университете, он опубликовал книгу «Негры на Юге». В 1909 году вышла, как считал Дюбуа, одна из самых удачных его

книг, «Джон Браун», опубликованная в ознаменование пятидесятилетия восстания Джона Брауна и его казни. Дюбуа писал в этой монографии о событиях полувековой давности, но тем не менее вся ее направленность перекликалась с современностью. Читая о бессмертном подвиге Брауна, читатель невольно обращался к современным событиям, анализировал их в плане проблем, поставленных автором монографии.

«Джон Браун» Уильяма Дюбуа — произведение чрезвычайно характерное для его научного творчества, характерное исключительно внимательным отношением автора к архивному и документальному материалу. Исследование о жизни и деятельности великого американца было написано Дюбуа целиком на основе архивных документов, главным образом на основе переписки Брауна.

Эту любовь к первоисточникам, привитую Дюбуа его учителем истории в Гарвардском университете профессором Хартом, он сохранил на всю жизнь. Во время пребывания в Москве в январе 1959 года в беседе с советскими историками Дюбуа на вопрос, какое исследование об Аврааме Линкольне представляет наибольший научный интерес, не задумываясь, ответил: работа Николаи и Хея. И тут же пояснил, что после выхода в свет этой книги, опубликованной вскоре после убийства Линкольна, было написано много тысяч работ о жизни и деятельности великого президента. О Линкольне писали талантливые писатели и поэты, историки и журналисты, государственные деятели и авторы-непрофессионалы, увлеченные его героической и трагической жизнью, но ни одну из блестящих работ, написанных ими, он не может сравнить с многотомным исследованием Николаи и Хея. Эти авторы, подчеркнул Дюбуа, были секретарями Линкольна, они вели его переписку, присутствовали на встречах президента с государственными, военными, общественными и политическими деятелями, и свое исследование они написали на основании впервые опубликованных архивных материалов. А остальные авторы, добавил Дюбуа, более или менее удачно интерпретировали документы, впервые использованные Николаи и Хеем.

С полным основанием то же самое можно сказать и о «Джоне Брауне» Дюбуа: он первым использовал богатейшее эпистолярное наследие Брауна, а остальные авторы только углубляли и расширяли те основные выводы, которые были сделаны Дюбуа. Правда, некоторые из этих авторов претендовали на большее, не имея для этого никаких серьезных оснований. Внук Гаррисона, руководитель НАСПЦН Виллард тоже опубликовал книгу о жизни и деятельности Джона Брауна. Когда вышла в свет работа Дюбуа, Виллард встретил ее с нескрываемым раздражением. И очевидно,

неприязнь Вилларда к Дюбуа в определенной мере основывалась на желании внука Гаррисона сохранить за собой монополию на исследование жизни и деятельности Брауна, нарушенную выходом книги Дюбуа.

Через пятьдесят лет после опубликования «Джона Брауна» и через столетие после его героического подвига книга Дюбуа была переведена и опубликована в Советском Союзе. В предисловии издательства к этой книге говорилось, что героическая жизнь Джона Брауна привлекла внимание многих авторов в США и в других странах. Но никому, кроме Уильяма Дюбуа, не удалось дать такого яркого и правдивого описания жизни и деятельности Брауна и одновременно глубоко проанализировать исторические события бурного революционного периода, предшествовавшего гражданской войне 1861–1865 годов.

Обращаясь к советскому читателю его книги о Джоне Брауне, Дюбуа спрашивал: «Что бы подумал, сказал и сделал Джон Браун, если бы он дожил до наших дней? Он, без сомнения, был бы в первых рядах революции, стремящейся уничтожить существующее зло с помощью всемогущей силы науки, с помощью освобождения трудящихся».

Огромное значение работы Дюбуа о Брауне и других его исторических исследований и заключается в том, что они не только являются блестящим образцом глубоко научного анализа, но и в том, что даже самые далекие от современности проблемы он трактовал в прямой связи с наиболее актуальными задачами настоящего периода.

После опубликования «Джона Брауна» прошло шесть лет напряженной работы в НАСПЦН и на посту главного редактора «Крайсиса», прежде чем Дюбуа оказался в состоянии выпустить в свет в 1915 году новую монографию «Негры».

Перейдя на работу в НАСПЦН, Дюбуа не отказался от своих старых планов проводить научно-исследовательскую работу, чтобы иметь возможность по-научному подходить к негритянской проблеме в США и искать верные пути ее разрешения. Этой задаче и были посвящены монографические исследования Дюбуа, вышедшие в свет после его ухода из Атлантского университета.

У Дюбуа не было средств, не хватало времени, чтобы систематически вести исследовательскую работу в монографическом плане.

Еще хуже обстояло дело с его социологическими исследованиями в Атлантском университете. Дюбуа горел желанием отдать весь свой огромный опыт в проведении этих уникальных исследований молодым ученым, заменившим его на этой работе, что он и делал, преодолевая многочисленные трудности, в первые годы после переезда в Нью-Йорк. В

1913 году он получил согласие Фонда Слейтера оказать Атлантскому университету необходимую финансовую помощь для продолжения социологических исследований. «Я ликовал при мысли, что начатая мной работа сможет продолжаться, — писал Дюбуа. — Однако по настоянию самого ректора Уэйра попечительский совет Атлантского университета не утвердил моих предложений. Возможно, Уэйра предупредили, что его связь с радикальным движением может повредить университету».

Активное участие Дюбуа в негритянском движении, многочисленные социологические исследования, проведенные им работы в области истории и других общественных наук — все это неизбежно заставляло его определить свое отношение к социализму. Уже в самом начале XX века Дюбуа испытал значительное влияние социалистических идей. Однако в этот период взгляды Дюбуа далеки еще от научного социализма. В 1907 году Дюбуа, по свидетельству одного из его биографов, под влиянием социалистических теорий выступил с осуждением эксплуатации негров и за «кооперацию капитала и труда, за более широкое распределение капитала и за всеобщее равенство в изобилии и комфорте». Совершенно очевидно, что эта установка Дюбуа имела мало общего с социализмом.

В тот же период Дюбуа заявлял, что он является «социалистом по своим убеждениям» и считает необходимым передачу во владение государства основных отраслей промышленности. Вместе с тем, выступая в поддержку социалистической партии, Дюбуа делал серьезные оговорки в связи с антинегритянскими настроениями, которые имели место в партии и среди белых рабочих.

Социалистические воззрения Дюбуа нашли свое отражение в его выступлении в 1909 году на съезде участников движения «Ниагара». Дюбуа заявил тогда, что негры должны объединить свои усилия с другими «угнетенными рабочими» США, Мексики, Индии, России и остальных стран мира. Это выступление Дюбуа имело тем большее значение, что говорил он не как частное лицо, а как генеральный секретарь движения «Ниагара».

Создание НАСПЦН и работа Дюбуа в этой организации дали ему возможность более активно участвовать в решении практических задач негритянского движения, что, в свою очередь, заставляло заняться вопросом об отношении негров к рабочему движению. «Этот вопрос, — вспоминал Дюбуа, — еще не был поднят, однако многие негры, включая и меня самого, уже считали себя социалистами».

Официально Дюбуа вступил в социалистическую партию в 1911 году, «но, — как писал Фостер, — убедившись, что на ее бесплодной почве вряд

ли может что-нибудь вырасти, вышел из нее в 1912 году».

Интерес Дюбуа к социализму в значительной мере определялся тем, какова была его роль в разрешении негритянского вопроса. Он смотрел на социализм сквозь призму негритянской проблемы, но это была не лучшая позиция для того, чтобы обозреть социализм во всем его многообразии, правильно понять это новое учение и движение, которое развертывалось на его основании.

Были важные объективные причины колебаний Дюбуа в оценке роли социализма в борьбе за интересы трудящихся, в том числе и негров. Дело в том, что о социализме Дюбуа судил на основании практической деятельности американской социалистической партии. А политика партии по негритянскому вопросу была очень далека от тех требований, которые предъявляет научный социализм к каждому сознательному члену партии. Даже левые социалисты не понимали особого характера негритянского вопроса в США, того, что негры были естественным союзником рабочего класса и фермеров.

Даже левые круги социалистической партии не боролись с линчеваниями, дискриминацией, сегрегацией и другими позорными проявлениями расизма. В 1912 году была принята программа партии, разработанная выдающимся деятелем социалистического движения США Уильямом Хейвудом и носившая более радикальный характер, чем ранее принятые программы. Но и в этой программе негритянский вопрос вообще не упоминался. Более того, раскол, происшедший в партии в 1919 году и положивший начало существованию компартии, не усилил внимания к негритянской проблеме.

И вполне естественно, что это невнимание и недооценка негритянского вопроса отталкивали негров от социалистической партии. Многие руководители негров, в том числе и Дюбуа, критически относились к социалистической партии, осуждали ее позицию в негритянском вопросе. В 1913 году Дюбуа выступил с резкой статьей против шовинистической позиции социалистической партии в негритянском вопросе. «Ни один Съезд социалистов, — писал он, — за последнее время не решился заняться как следует негритянским вопросом и прямо заявить, что социалисты рассматривают негров как прочих людей... Сознательные члены партии обычно занимают такую позицию: мы не должны отклоняться от великих социалистических целей ради того, чтобы поставить вопрос об американских неграх. Надо подождать с решением этого вопроса. Когда будут достигнуты цели социализма, наравне с другими проблемами будет разрешена и эта проблема».

В 1960 году, обращаясь к советским читателям, Дюбуа отмечал, что в начале века он считал, что негры-рабы были основными жертвами европейской системы эксплуатации, и он очень мало знал о страданиях белых наемных рабов. Дюбуа подчеркивал, что уже тогда он верил в социализм, но был глубоко убежден, что социализм победит, не прибегая к насилию. Дюбуа имел очень приблизительное представление о классовой борьбе, о законах общественного развития: «Я мало знал о классовой борьбе, об эксплуатации, невежестве и обнищании, которые существовали и в мире белых людей. Не знал я и о той готовой подняться волне, которая грозила смыть все это с помощью мировой революции. Я думал, что все страдания мира выпали только на долю черных людей. Я думал, что все белые — это угнетатели, редко — угнетенные».

Потребовалось еще много лет упорной борьбы за интересы негритянского народа, надо было глубоко разочароваться в идеалах, вера в которые была заложена со дня рождения и всей системой воспитания и образования, прежде чем Дюбуа пришел к выводу, что социализм — единственная возможность полного решения негритянской проблемы. Тяжелым и тернистым был путь Дюбуа к социализму: надо было избавиться от национализма, неизбежного спутника освободительной борьбы любого народа, надо было пройти через такие тяжелые потрясения, как первая и вторая мировые войны, надо было увидеть первую в мире страну победившего социализма и молодые социалистические государства, возникшие в Европе и Азии после второй мировой войны.

Переехав в 1910 году в Нью-Йорк, Дюбуа не только принял непосредственное и самое активное участие в негритянском движении. Он проявляет все больший интерес к рабочему и фермерскому движению, к политической борьбе, к изучению двухпартийной системы, господствовавшей в стране, — ко всем сторонам общественной, политической, экономической жизни США. И во многом это объяснялось особенностями его новой работы, в частности редактированием «Крайсиса», лекционной и пропагандистской деятельностью.

В годы, предшествовавшие первой мировой войне, в мире и, в частности, в Европе происходили важные сдвиги. Дюбуа, всегда придававший огромное значение личным наблюдениям, извлекал много полезного из своих довольно частых поездок в Европу. Помимо пребывания в Париже в 1900 году на Всемирной выставке, Дюбуа еще раз посетил Париж, в 1906 году. В 1911 году он принял активное участие в организации и работе известного Конгресса рас, происходившего в Лондоне.

Все эти поездки дали ему возможность шире взглянуть на негритянскую проблему в США, увязать ее с колониальной политикой империализма, понять суть тревожных событий, происходивших в мире. Дюбуа все более пристально следит за развитием империализма в ведущих капиталистических государствах мира и в первую очередь — за политикой колониальных держав. К вопросам мировой политики Дюбуа неоднократно возвращался в своих статьях на страницах «Крайсиса», в многочисленных выступлениях в других органах периодической печати. Более того, политика мировых держав, в первую очередь в колониальном вопросе, исследовалась им даже на страницах книги «Джон Браун».

Дюбуа резко осуждал расистские теории, деление людей на низшие и высшие расы. Опираясь на исторический опыт, анализируя положение, сложившееся в мире к началу XX века, Дюбуа делал вывод, что расизм искусственно культивировался империалистическими державами, чтобы разжигать вражду между народами. В расистских теориях он видел идеологическое обоснование захватнических колониальных войн империалистических держав. С особой страстью Дюбуа разоблачал утверждения идеологов империализма о «цивилизаторской» миссии колонизаторов в странах Азии и Африки. Метрополии, подчеркивал Дюбуа, выкачивают материальные ресурсы из колоний и ничего не делают для прогресса поработенных народов, для поднятия их материального и культурного уровня. Все богатство и роскошь метрополий, заключал Дюбуа, основывается на жесточайшей эксплуатации колоний, на поте и крови народов Азии и Африки.

В руководстве НАСПЦН Дюбуа занимал крайне левые позиции. Это находило свое проявление в его оценках международных событий, но главным образом — в подходе Дюбуа к негритянской проблеме. Дюбуа принес в ассоциацию боевой дух «ниагарского движения», он ратовал за энергичные наступательные действия негров и всех противников расовой нетерпимости. В 1911 году после очередного линчевания негра, имевшего место в Косовилле, штат Пенсильвания, Дюбуа заявил: «Каждый черный американец должен ныне препоясать чресла для борьбы. Великий день близится. Слишком долго мы ползали на коленях, моля о справедливости, в то время как над нами весело смеялись, плевали нам в лицо и продолжали зверски убивать нас и сжигать на кострах. Мы не должны без конца терпеть все это. Если нам суждено погибнуть, погибнем... как подобает людям, а не безмозглым чучелам».

Пламенные призывы Дюбуа к борьбе с угнетателями негров не находили и не могли найти понимания со стороны буржуазно-либеральных

руководителей НАСПЦН. Белое руководство ассоциации покровительственно относилось к негритянскому движению, оно готово было выступить против наиболее резких проявлений расизма по отношению к неграм, но перспектива массовых боевых выступлений негров парализовала их активность. Уже в первые годы работы Дюбуа в НАСПЦН у него сложились довольно напряженные отношения с белым руководством ассоциации, которые в будущем приняли по-настоящему резкий характер.

Биограф Дюбуа писал: «Редактор «Крайсиса» все еще оставался Тигром Ниагары, неспособным понять, что времена изменились». Действительно, Дюбуа не играл в НАСПЦН такой роли, как в движении «Ниагара», но он был полон решимости сохранить за собой право выступать с независимых позиций. И Дюбуа добился этого.

Глава VIII

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА

Многочисленные тревожные симптомы свидетельствовали о том, что постепенно, из года в год нарастала напряженность в международных отношениях. Испано-американская война 1898 года, англо-бурская война 1899–1902 годов, балканские войны 1912–1913 годов, беспрерывные колониальные военные авантюры империалистических держав, складывание военно-политических союзов — все это свидетельствовало о том, что приближается взрыв гигантской силы.

Правда, мало кто мог предвидеть, что мир приблизился к самому краю страшной пропасти, которая называлась мировая война. Много войн пережило человечество, всемирная история фактически являлась историей войн, больших и малых, более или менее кровопролитных, но всегда приносивших народам огромные жертвы и страдания. Очень мало было подлинно прогрессивных войн, в большинстве случаев это были кровавые побоища, следствием которых и для победившего и для побежденного народа были обезлюдившие города и села, эпидемии, уничтожение огромных материальных ценностей, регресс во всех областях жизни.

XX век породил многочисленные иллюзии. Семимильными шагами развивались производительные силы, огромных успехов добилась наука и техника, значительное развитие получило народное образование и культура. Ряд моментов заставлял тревожиться прозорливых наблюдателей. Огнем и мечом прокладывали себе путь в странах Азии и Африки «цивилизованные» завоеватели. По мере развития империализма в капиталистических странах обострялась реакция по всем линиям. Национальное и расовое угнетение принимало все более отвратительные формы в США и в других империалистических государствах. Все это тревожило и настораживало, но очень мало кто задумывался над тем, что мир неудержимо катился к чудовищному бедствию, подобного которому никогда еще не знало человечество.

И Дюбуа не был исключением. Он оптимистично смотрел в будущее. «Во всяком случае, думал я, над миром действительно встает солнце, — писал Дюбуа, — а это исключает возможность возникновения большой войны».

Но я ошибался. Мы стояли на пороге не эры мира, а эры еще не

виданных дотоле войн».

Много было противоречивого и сложного в деятельности Дюбуа, но в одном он всегда был предельно последователен и четок: бороться за завоевание полного равноправия негров во всех областях жизни. Но на каждом новом этапе развития страны, при каждом новом крутом повороте в международной политике возникал вопрос, как бороться за равноправие негров. Начавшаяся мировая война поставила перед неграми и их руководителями ряд серьезных проблем, главными из которых были две: какое влияние окажет война на борьбу негров за равноправие и как негры должны относиться к войне.

Американские негры, как и подавляющее большинство простых американцев, были решительными противниками вступления США в войну. Эти настроения умело использовал президент США Вудро Вильсон. Уроженец южного штата Виргиния, Вильсон был убежденным расистом, вместе с тем это был беспринципный политикан, готовый дать неграм самые широковещательные обещания. «Я хочу заверить негров, — заявлял Вильсон, — что, если стану президентом Соединенных Штатов, они смогут рассчитывать на абсолютно беспристрастное отношение с моей стороны; я сделаю все от меня зависящее, чтобы способствовать интересам негритянской расы в Соединенных Штатах».

Это заявление Вильсон сделал в значительной мере вследствие того, что Дюбуа обещал использовать все влияние журнала «Крайсис» в его поддержку, если он на посту президента выступит против дискриминации и сегрегации негров. Вильсон нарушил это обещание так же легко, как и дал его: за время его президентства расизм в США не только не ослабел, но и резко усилился.

Через шесть месяцев после прихода Вильсона к власти Дюбуа заявил на страницах «Крайсиса» решительный протест в связи с тем, что глава исполнительной власти ни в малейшей мере не выступает в защиту интересов негров.

В 1916 году, когда истек срок полномочий Вильсона на посту президента страны, он, использовав сильные антивоенные настроения, заявил, что, будучи переизбран на пост президента, сделает все, чтобы удержать США от вступления в войну. Выдав такие большие авансы, Вильсон вновь прошел в Белый дом, а спустя месяц после вступления в должность президента, 6 апреля 1917 года, он объявил войну Германии.

Начало мировой империалистической войны Дюбуа встретил заявлением о том, что «нынешняя страсть к захвату земель и рабов в Африке, Азии и Южных морях является важнейшей и почти единственной

причиной войны между так называемыми цивилизованными народами». Редактируемый Дюбуа «Крайсис» осудил мировую войну как империалистическую, вызванную противоречиями между капиталистическими державами, стремящимися надеть ярмо эксплуатации на «цветные и отсталые народы в целях эгоистической наживы».

Однако Дюбуа не удержался на этих правильных позициях в оценке характера войны. Вскоре на страницах периодических изданий появились его высказывания о «варварах-немцах», которых он расценивал как свехрасистов и противопоставлял им союзников. «Мы глубоко убеждены, — говорилось в одном из номеров «Крайсиса», — что с борьбой союзников связаны величайшие надежды на конечное торжество демократии без всяких цветных и расовых барьеров».

Понадобилось очень немного времени, чтобы Дюбуа убедился, что такие старые колониальные державы, как Англия и Франция, и их формально не имеющих колоний американский союзник ничуть не лучше «варваров-немцев» в своем отношении к колониальным и зависимым народам.

Но это изменение во взглядах Дюбуа произошло позднее, а в годы войны его позиция в ряде вопросов была значительно правее, чем та, которой придерживался журнал «Мессенджер», начавший издаваться в 1917 году в Нью-Йорке левыми негритянскими социалистами. «Крайсис», в частности, не опубликовал поэму о казни негритянских солдат, участвовавших в побоище с расистами, которое произошло в августе 1917 года в городе Хьюстоне, в штате Техас. Поэма эта была опубликована в «Мессенджере», причем редакторы журнала задавали вопрос, служит ли НАСПЦН «прогрессу цветных людей или только прогрессу некоторых людей?»

Ура-патриотические лозунги вводили в заблуждение немало честных людей, не избег этой участи и Уильям Дюбуа. «Если это НАША страна, — заявлял он, — то это и НАША война». Он призывал негров принять активное участие в войне, надеясь на то, что власти США учтут это и будут добиваться отмены расовой дискриминации и сегрегации.

Отмечая ошибочность позиции Дюбуа, призывавшего негров идти воевать за чуждые им интересы, надо вместе с тем подчеркнуть, что руководимый им «Крайсис» выдвинул и целую программу требований негров с учетом конкретных особенностей военного времени. «Крайсис» требовал предоставления неграм права защищать свою страну на поле боя и получать для этого военную подготовку. Лучшие негры-солдаты должны были получить право на обучение в офицерских лагерях, после присвоения

офицерских званий они должны были командовать негритянскими частями во время боевых действий. «Крайсис» требовал также немедленного прекращения линчеваний, предоставления неграм обоюбого пола избирательных прав, всеобщего бесплатного и совместного школьного обучения, отмены сегрегации на транспорте, признания недействительными дискриминационных расистских законов, введения гражданского равноправия для негров во всех государственных учреждениях и во всех областях общественной жизни.

Реализация этой программы в условиях военного времени требовала особого напряжения сил, наталкивалась на новые до-дополнительные трудности. Когда США вступили в войну и негров стали призывать в вооруженные силы, перед негритянскими организациями возникла новая серьезная задача — борьба против расовой дискриминации в армии. Для выполнения этой задачи многое сделали Дюбуа и руководимый им журнал.

Негритянские организации вели упорную борьбу за то, чтобы солдатами-неграми командовали негритянские, а не белые офицеры. Под всевозможными предлогами военное министерство отказывалось положительно разрешить этот вопрос, но в конце концов оно вынуждено было капитулировать и открыть в Форт-де-Мойне первую офицерскую школу для негров на 1200 человек. Позднее многие негры получили офицерские звания, и руководитель НАСПЦН Спингарн публично вынес благодарность Дюбуа от имени руководства ассоциации за большой вклад в решение вопроса о присвоении неграм офицерских званий.

Негры надеялись, что первую негритянскую офицерскую школу возглавит полковник Чарлз Янг — единственный негр в вооруженных силах США, имевший столь высокий ранг. Это был кадровый военный, окончивший военную академию в Уэст-Пойнте и двадцать восемь лет после этого прослуживший в армии. Для Янга была характерна не только выдающаяся личная храбрость, энергия, сила воли, но и настоящий талант военного организатора и полководца. Чарлз Янг был предметом гордости всех американских негров, и они возлагали на него большие надежды в борьбе против дискриминации в вооруженных силах. И вдруг неожиданно для всех заслуженный ветеран был уволен из армии под предлогом плохого состояния здоровья. Это была очень неуклюжая попытка руководителей военного министерства замаскировать свой неблагоприятный поступок: ветеран военной службы, помимо прочих достоинств, обладал и отменным здоровьем. Причина увольнения Янга была в другом. Он давно был полковником и по всем статьям заслуживал присуждения звания генерала. Но южная армейская олигархия, как писал Дюбуа, «твердо решила, что ни

один негр не будет носить генеральской звезды».

И действительно, когда кончилась первая мировая война, в армии США не было ни одного генерала-негра. Во всех вооруженных силах страны было всего три полковника-негра и два подполковника.

Если американские военные руководители могли так бесцеремонно обойтись с Чарлзом Янгом, известность которого распространилась далеко за пределами Соединенных Штатов, то тем более беззастенчиво они дискриминировали рядовых негритянских солдат и офицеров.

Особенно тяжело приходилось тем неграм, которые призывались в армию в северных штатах, где был невелик процент негритянского населения. Дюбуа, занимавшийся тщательным изучением проблемы дискриминации негров в вооруженных силах, писал, что «на Севере, где в иных местах призывались одиночки негры, возникали чрезвычайные происшествия. Встречались полки, в составе которых оказывался всего один негр, и вот его изолировали от всех, как чумного, помещали в отдельном доме или даже в особой деревне, в то время как командир полка слал отчаянные телеграммы в Вашингтон. Не мудрено, что один солдат в штате Огайо разрешил эту проблему, перерезав себе горло». Пришлось временно приостановить призыв негров в армию и срочно искать пути и средства решения проблемы сегрегации негров-военнослужащих.

Участие в войне, ведущейся не с прогрессивной целью, всегда ведет к усилению реакции внутри страны. Как только США в апреле 1917 года вступили в первую мировую войну, сразу же усилились репрессии против левых социалистов, началось развернутое наступление на рабочее движение, гонения против прогрессивной интеллигенции, особенно тех ее кругов, которые стояли на антивоенных позициях.

И конечно, разгул реакции в первую очередь проявился в резком усилении расовой нетерпимости. Сразу же после вступления США в войну увеличилось число линчеваний негров, в частности был зверски сожжен негр в Дайерсберге.

Многие американские расисты считали, что негры слишком ненадежный элемент, чтобы им можно было доверить оружие. По их мнению, если встала необходимость призвать негров в вооруженные силы, то тут следовало ограничиться использованием их на тяжелых и грязных подсобных работах. Расисты сумели добиться того, что во флот негров брали только для работы на кухне и денщиками у офицеров. В военно-воздушные силы и в части береговой обороны негров вообще не допускали.

Но огромные масштабы военных действий требовали многих сотен тысяч солдат, надо было бесперывно пополнять запасы пушечного мяса, и

пришлось пойти на массовый призыв негров в армию. Негры составляли десять процентов населения США, но тринадцать процентов всех американских солдат, Из 2290525 негров, явившихся по призыву, 367 тысяч были приняты в армию, и 200 тысяч из них пересекли океан, чтобы принять участие в войне в Европе.

Негры зарекомендовали себя прекрасными солдатами во всех войнах, которые вели Соединенные Штаты, начиная с войны за независимость 1775–1783 годов. Не являлась исключением и мировая война, в которой отличились многие негритянские полки, некоторые из солдат были награждены за храбрость французским Военным крестом. Значительно реже, но имели место и случаи награждения негров американскими боевыми наградами.

Даже за многие тысячи километров от родины негритянские военнослужащие подвергались жесточайшей дискриминации. Неграм, сражавшимся во Франции, было запрещено общаться с французскими женщинами, ходить на танцы и в другие общественные места, посещавшиеся белыми. Особенно прославился позорным отношением к неграм штаб генерала Першинга, который, обливая грязью своих черных солдат, предостерегал французов от общения с солдатами-неграми как «насильниками» и «дегенератами».

И это был тот самый генерал Першинг, который, отмечая большие военные заслуги негритянских полков, в свое время говорил: «Я, генерал Першинг, могу с гордостью сказать, что под знаменем нашей родины еще не служило лучших полков, чем те, что стоят сейчас передо мной».

Проводить дискриминацию негров-солдат во Франции было довольно трудно, потому что французское военное командование, заинтересованное в поддержании высоких боевых качеств негритянских полков, придававшихся французской армии, не поддерживало расистские предписания, обильно издававшиеся их американским союзником. Кроме того, важную роль играло и то обстоятельство, что французы не были заражены расизмом в такой степени, как американцы, и они видели в неграх-солдатах в первую очередь своих союзников.

Что же касается самих Соединенных Штатов, то там положение негров-солдат было просто катастрофическим. В ответ на непрерывные оскорбления, унижения и издевательства негры-военнослужащие нередко вступали в открытые схватки с воинствующими расистами. Одно из таких самых крупных и трагических столкновений произошло в августе 1917 года в Хьюстоне, штат Техас. После зверского избиения расистами двух негров из местных жителей солдаты расквартированного в Хьюстоне

негритянского полка устроили настоящее побоище, в результате которого семнадцать белых были убиты.

В том же 1917 году произошло еще одно трагическое событие: в Ист-Сент-Луисе забастовавшие белые рабочие военного завода линчевали негритянских рабочих. В первом случае расправа над неграми последовала незамедлительно, девятнадцать цветных солдат были повешены. Не помогли ни выступления многих газет в защиту негров, спровоцированных расистами, ни тот факт, что этот негритянский полк был одним из самых заслуженных в американской армии, он отличился в боях с индейцами и на Филиппинах.

По сравнению с этой быстрой и суровой расправой меры, принятые властями в отношении линчевателей в Ист-Сент-Луисе, выглядели как мягкое порицание.

Уильям Дюбуа, рассказывая об этих трагических событиях, проиллюстрировал их финал своеобразной таблицей:

Хьюстон

Преступление

Убиты семнадцать белых

Наказание

Повешены девятнадцать цветных солдат, пятьдесят один цветной солдат приговорен к пожизненному заключению. Сорок цветных солдат заключены в тюрьму на различные сроки.

Ист-Сент-Луис

Преступление

Убиты сто двадцать пять негров

Наказание

Девять белых приговорены к тюремному заключению от пяти до пятнадцати лет, одиннадцать белых — к одному году. Восемнадцать белых оштрафованы, десять цветных приговорены каждый к четырнадцати годам заключения.

Очень сложна и противоречива была позиция Дюбуа в годы мировой войны. Когда он призывал негров вступать в армию США и сражаться за разгром Германии и ее союзников, он руководствовался тем, что, продемонстрировав свою лояльность к правительству США, негры будут иметь основания требовать равных прав. Так писал Дюбуа в 1917 году в одном из номеров «Крайсиса».

Дюбуа никогда не говорил того, во что он не верил, никогда не делал того, что, по его мнению, не должно было принести пользы его народу. И он, бесспорно, искренне верил в то, что активное участие негров в мировой войне должно сыграть важную роль в разрешении негритянской проблемы. Это была глубоко ошибочная точка зрения, так как вся история США свидетельствовала о том, что активное участие негров в войнах, которые вели Соединенные Штаты, никогда не приводило к коренным изменениям в положении широких масс негритянского народа. Убедительным свидетельством этого являлась гражданская война 1861–1865 годов.

По авторитетному свидетельству Авраама Линкольна, без активного участия негров в войне с рабовладельцами победа Севера над мятежным Югом была бы невозможна. Чем же отплатила неграм буржуазия Севера за тот большой вклад, который они внесли в военный разгром рабовладельческой Конфедерации и уничтожение рабства? Под давлением негров и белых противников рабовладения, учитывая крайнюю военную необходимость освобождения рабов и призыва негров в армию, буржуазия Севера пошла на уничтожение рабства. Но после окончания войны, в период реконструкции, еще раз использовав негров, чтобы добить плантаторов, вновь поднявших голову, буржуазия Севера тотчас же предала своих негритянских союзников, как только в конце реконструкции отпала необходимость в поддержании союза с ними.

Это был тяжелый урок, из которого необходимо было извлечь выводы. Нельзя было надеяться на то, что монополистический капитал США будет более благосклонен к неграм после мировой войны, чем буржуазия 60—70-х годов XIX века после гражданской войны. И действительно, после окончания мировой войны, когда негры-ветераны вернулись домой из Европы и потребовали обещанных им равных прав, ответом на их требования был такой жестокий террор, которого еще не знала история США. Но это было позднее, а в годы войны не только Дюбуа, но и подавляющее большинство негритянских лидеров, стоявших на радикальных позициях, были убеждены, что активное участие в войне позволит неграм успешно бороться за равные права с белым населением страны. Очевидно, надо было пройти еще через одно жесточайшее разочарование, чтобы отбросить все иллюзии относительно возможности решать негритянскую проблему в США на базе лояльного отношения к белым правящим кругам этой страны.

Глава IX

ПАНАФРИКАНСКИЕ КОНГРЕССЫ

Интерес Дюбуа к проблемам национально-освободительного движения колониальных народов, проявившийся еще в предвоенный период, особенно усилился в годы войны. Дюбуа четко представлял себе, что борьба за колонии явилась одним из важнейших факторов, вызвавших начало самой страшной войны в истории человечества.

Правящие круги США вынуждены были в годы войны поставить под ружье 367 тысяч негров. Великие колониальные державы Англия и Франция также должны были широко использовать людские ресурсы своих колоний для восполнения огромных потерь в живой силе, которые их армии несли на фронтах. Сотни тысяч цветных юношей из африканских и азиатских колоний Англии и Франции сражались в Европе. Они не хотели быть пушечным мясом, многих из них гнали на убой под угрозой расстрела, но было немало и таких, которые верили в обещания Англии и Франции предоставить их родине свободу после войны.

Конечно, об этих обещаниях было забыто на следующий день после прекращения огня. Колониальные державы категорически отказались предоставить свободу народам колоний, что послужило важной причиной подъема национально-освободительного движения после окончания войны. Важную роль сыграли и те большие сдвиги в социально-экономическом развитии колоний, которые произошли за годы войны. Эти изменения также стимулировали борьбу народов колоний за свое освобождение. И конечно, самый сокрушительный удар по колониальной системе империализма нанесла Великая Октябрьская социалистическая революция в России.

Дюбуа с пристальным вниманием следил за политикой колониальных держав, особое внимание уделяя Соединенным Штатам. Его родина не была колониальной империей, подобно Англии или Франции, но колониальная политика этих стран, их отношение к народам своих колоний имело много общего с политикой американского империализма в негритянском вопросе. Было также очевидно, что огромное усиление Соединенных Штатов за годы войны должно было неизбежно привести к резкой активизации колониалистских тенденций во внешней политике американского империализма.

Формально США не имели колоний, но в эксплуатации мировой колониальной империи участвовали все капиталистические государства, связанные между собой тесными узами международных монополистических объединений и военно-политических союзов. США были самым мощным государством капиталистического мира, и на их долю неизбежно должна была выпасть участь одного из главных душителей национально-освободительного движения и спасителя колониальной системы империализма.

Американский империализм был готов принять на себя незавидные функции палача народов, борющихся за свое национальное освобождение. Будучи самым мощным в мире, он был подготовлен к этому в военно-экономическом плане, готов он был к этой миссии и в идеологическом отношении. Расизм в самых отвратительных формах его проявления всегда был присущ правящим кругам страны, а идеологической основой колониальной политики всегда был и остается расизм, отношение к цветным народам как к людям второго сорта.

Дюбуа еще в годы войны с поразительной прозорливостью писал о том, что США могут стать главным «эксплуататором-расистом» мирового масштаба.

В научных трудах Дюбуа, в его многочисленных выступлениях в печати, в огромном количестве лекций, прочитанных им в сотнях американских городов, все чаще мелькала мысль о том, что негритянская проблема в США тесно связана с колониальной политикой мирового империализма. И как только было заключено перемирие, Дюбуа сразу же выехал в Европу, что давало — возможность тщательно познакомиться с колониальным вопросом, с его постановкой на предстоящей мирной конференции.

В Европу Дюбуа был направлен НАСПЦН с заданием ознакомиться с отношением к негритянским солдатам в вооруженных силах США, находящихся в европейских странах, и объективно изложить этот вопрос на страницах печати. К моменту окончания войны не только Дюбуа, но и ряд других деятелей негритянского движения в США проявляли большой интерес к колониальным проблемам, в первую очередь к Африке. Прибыв в Европу, Дюбуа по их поручению поставил перед странами-победительницами вопрос о необходимости самым тщательным образом рассмотреть на мирной конференции интересы Африки. Однако империалисты, заседавшие в Версале, цинично отвергли эти требования.

Когда Дюбуа направляли в Европу ознакомиться с положением солдат-негров, дискриминируемых в вооруженных силах США, белое руководство

НАСПЦН вряд ли предвидело, сколь резко будет суждение Дюбуа по этому вопросу. Соглашательские лидеры НАСПЦН были дезориентированы позицией Дюбуа в годы войны, когда он был искренне убежден, что негры должны сражаться вместе с белыми за интересы страны, за обещанное правительством США уничтожение расовой дискриминации. В передовой статье «Крайсиса», называвшейся «Сомкнем ряды», Дюбуа писал тогда, обращаясь к неграм: «Забудьте на время ваши обиды и встаньте на защиту своей страны».

Дюбуа был глубоко честным человеком, и он не мог молчать, когда видел несправедливость. И возможно, самая высокая честность — это признание неправильности своих позиций, что всегда было характерно для этого выдающегося руководителя негров. Дюбуа писал, что после войны его охватило разочарование: «Я видел грязь и ужас окопов, слышал из уст солдат, как обращались с неграми в американской армии, и потому открыто высказал тогда свое убеждение, что белые американские офицеры более храбро «сражались» в своих войсках против негров, чем против немцев».

Дюбуа собрал многочисленные документальные свидетельства о самой дикой травле негров в вооруженных силах США в Европе и опубликовал их в Америке. Разразился страшный скандал, опровергнуть прекрасно аргументированные публикации Дюбуа было невозможно, и правительство США решило освободиться от надоедливого редактора и его журнала, отказав «Крайсису» в почтовых услугах. Но это грозило еще большим скандалом, и запрет в конце концов пришлось снять.

Дюбуа использовал поездку в Европу для реализации давно вынашивавшегося им плана создать международную организацию, объединяющую негров, живущих во всех районах земного шара. Так родилась идея созыва Панафриканского конгресса.

Проявив колоссальную энергию и настойчивость, Дюбуа преодолел огромные трудности и в феврале 1919 года созвал в парижском «Гранд-отеле» Панафриканский конгресс. Этот конгресс положил начало панафриканскому движению, которому суждено было сыграть важную роль в сплочении африканских народов в борьбе за освобождение от колониальной зависимости.

В созыве этого конгресса и организации его работы Дюбуа использовал опыт работы Лондонского конгресса рас 1911 года, активным участником которого он был. Дюбуа дважды выступал на этом конгрессе и проделал большую организационную работу в качестве секретаря американской секции конгресса. Для популяризации идей конгресса очень много сделал руководимый Дюбуа журнал «Крайсис», опубликовавший

многочисленные материалы, связанные с работой этого международного форума.

Конгресс дал очень много для Дюбуа с точки зрения расширения и углубления его знаний о расовых проблемах в других странах, а выступления самого Дюбуа были выслушаны с большим вниманием участниками конгресса, собравшимися в огромном зале Лондонского университета. Среди делегатов были люди различных этнических и культурных групп, философских воззрений, разного вероисповедания: буддисты, магометане, христиане, евреи, атеисты, агностики. В многочисленных беседах с этими представителями различных стран и народов Дюбуа еще глубже осознал ту мысль, что негритянская проблема в США — это только одно из следствий расистской политики империализма, проводимой в мировом масштабе.

Конгресс получил широкий отклик в мировой печати, в частности высокую оценку его работе давала негритянская пресса США. «Афро-Америкэн леджер» назвал конгресс «величайшим событием двадцатого века», «Амстердам ньюз» характеризовала этот конклав как «единственный в своем роде и, несомненно, наиболее претенциозный съезд мировых ученых во всей истории».

Дюбуа получил и огромное моральное удовлетворение от участия в работе этого крупного международного конгресса. Как писал его биограф: «Там он смог найти одобрение и признание, которых, как он чувствовал, его лишали в его собственной стране. В течение многих лет он сознавал себя интернационалистом, и значительным числом его счастливейших дней были те, которые он провел вне своей родины».

На конгрессе в Лондоне значительное внимание было уделено Африке, что имело для Дюбуа особо важное значение, так как он давно проявлял интерес к истории и современному положению на Черном континенте. Интерес к Африке в научном плане у Дюбуа проявился по крайней мере еще в начальном периоде его работы в Атлантском университете. Только в 1907 году он написал четыре статьи об Африке и опубликовал их в журнале «Хоризон», который он редактировал в то время. В 1915 году Дюбуа опубликовал статью «Африканские корни войны», в которой писал о том, что борьба между империалистическими державами за африканские и другие колонии являлась главной причиной войны. Дюбуа писал, что потомки африканских рабов в Америке должны помочь народам Африки в их борьбе за свободу. Он подчеркивал, что борьба американских негров за равноправие самым тесным образом связана с борьбой за свободу в Африке.

Прибыв в Париж, Дюбуа столкнулся с колоссальными трудностями, когда предпринял практические шаги по созыву Панафриканского конгресса. Представители американских властей в Париже встретили его предложение в штыки. И это было вполне логично: ничего хорошего от подобного конгресса американские власти не ожидали. Более того, они были уверены, и не без оснований, что конгресс не ограничится рассмотрением только африканских дел, а обязательно пойдет речь и о негритянской проблеме в США. Госдепартамент отказался выдать визы неграм — участникам конгресса, аналогичные меры были предприняты и английскими колониальными властями, чтобы помешать делегатам от африканских колоний Англии принять участие в конгрессе.

Только благодаря активной помощи члена французского парламента от Сенегала Блеза Дианя и еще нескольких депутатов-негров удалось получить согласие французского правительства на созыв конгресса в Париже. Причина согласия заключалась в том, что правительство Франции не могло отказать депутатам-неграм во въездной визе представителям французских колоний в Африке, которые послали 280 тысяч своих солдат на фронты империалистической войны. Запретить созыв Панафриканского конгресса нельзя было и потому, что это могло очень неблагоприятным образом сказаться на работе мирной конференции, где было немало разглагольствований о свободе народов, о цивилизаторской миссии колонизаторов в Африке и в других колониальных районах.

Так или иначе, но инициатива Дюбуа дала блестящие результаты — Панафриканский конгресс начал свою работу. Число участников конгресса было невелико, в парижском «Гранд-отеле» собралось 57 делегатов. В их числе было 16 американских негров, 20 представителей от Вест-Индии и 12 африканских делегатов. Колониальные владения Франции, Бельгии и Португалии были представлены местными чиновниками.

Среди многих вопросов, обсуждавшихся на конгрессе, был и вопрос об интернационализации Центральной Африки и о предоставлении частичного самоуправления бывшим немецким колониям в Африке. Решения конгресса по этому вопросу способствовали принятию Лигой наций мандатной системы.

В работе конгресса и в принятых им решениях отразились многие идеи, развивавшиеся инициатором и организатором этого представительного съезда африканских народов. И действительно, в резолюциях, принятых конгрессом, можно было без труда обнаружить многие мысли, ранее высказывавшиеся Дюбуа в отношении американских негров и негритянских народов Африки и Вест-Индии. В принятых

резолуциях, в частности, отмечалось, что везде, где лица африканского происхождения приобщены к цивилизации и могут воспринять культуру данной страны, им должны быть предоставлены те же права, какими обладают их сограждане. Негры должны были получить право голоса при выборе правительств, которые ими управляют, они должны быть равны перед законом, иметь равные с белыми права в экономическом и социальном отношении. В резолюции конгресса отмечалось, что Лига наций должна информировать международную общественность о всех фактах дискриминации лиц африканского происхождения или о преднамеренном их исключении из сферы политической и культурной жизни.

Невелико было число участников первого Panaфриканского конгресса, многочисленные факты свидетельствовали о том, что правительства империалистических держав и реакционные элементы этих стран чинили серьезные препятствия работе конгресса, но Дюбуа мог быть доволен — начало организационному объединению прогрессивных сил негритянских народов было положено.

Уже в работе первого конгресса нашли определенное отражение три главные идеи panaфриканского движения, сформулированные Дюбуа к концу мировой войны, расовая солидарность, экономическая независимость и политическое самоопределение. Эти идеи Дюбуа пронизывали все panaфриканское движение в период между двумя мировыми войнами, и с определенными модификациями они были приняты освободительным движением африканских народов — после окончания второй мировой войны.

История знает многочисленные примеры, когда группы энтузиастов выдвигали смелые проекты, объявляли о создании Партий, о рождении течений, о грандиозных планах переустройства жизни государств и народов. Законен был вопрос, какова будущность panaфриканизма, рожденного в Париже в 1919 году. Дюбуа писал в 1921 году: «Европа спрашивает: кого в действительности представляет эта сотня людей более или менее негрообразного происхождения? Действительно ли это настоящее паннегритянское движение или это деятельность индивидуумов, небольшой группы энтузиастов, имеющих идею, но мало кого представляющих?»

Вряд ли Дюбуа или кто-либо другой мог дать в то время ответ на этот вопрос. Жизнеспособность panaфриканского движения должна была быть подтверждена будущим, а пока надо было работать и работать, добиваясь развития того успеха, который был достигнут на первом конгрессе.

Прошло немного времени, и в 1921 году был созван второй Панафриканский конгресс, и вновь его организатором был неутомимый Уильям Дюбуа. Конгресс работал в Лондоне, Брюсселе и Париже с 28 августа по 6 сентября.

На этот раз конгресс носил несравненно более представительный характер, чем первый конгресс в Париже. На нем присутствовало 113 полномочных делегатов от 26 различных групп. В их числе 35 из Соединенных Штатов, 39 — из Африки, остальные из Вест-Индии и Европы. Среди тех, кто выступил на конгрессе, были сэр Сидней, впоследствии лорд Оливье, епископ Херст, Поль Отле, которого часто называют отцом Лиги наций, бельгийский сенатор Лафонтен, доктор Вителиан — бывший врач негуса Эфиопии Менелика, генерал Сорла, Блез Диань, оказавший Дюбуа незаменимую помощь в созыве первого конгресса, и многие другие.

Столь представительный характер конгресса и выступления на нем лиц, имена которых были известны во многих странах мира, привлекли всеобщее внимание к этому съезду представителей негров фактически всего мира. Лондонские, парижские, брюссельские газеты и печатные органы других стран оживленно комментировали ход работы конгресса. В Брюсселе, например, горячо дебатировался вопрос, дано ли право делегатам конгресса обсуждать положение в колониях. Повышенный интерес в столице Бельгии к этому вопросу был вполне понятен. Бельгия владела богатейшей колонией в Африке — Бельгийским Конго, и бельгийские колонизаторы не без оснований опасались, что от дебатов дело может дойти до необходимости убраться из Конго. Одна из бельгийских газет, давая оценку работы конгресса и деятельности НАСПЦН, заявила, что они являются коммунистическими агентами, цель которых заключается в том, чтобы вызвать беспорядки в Конго.

В комментариях прессы говорилось о том, что всякий белый, попавший на заседания конгресса, был бы поражен той силой и разумом, которые были там проявлены. Буржуазные газеты с тревогой отмечали, что, наблюдая за работой конгресса, невольно проникаешься сознанием того, что в руках собравшихся — сила и неограниченные возможности.

В работе конгресса было немало трудностей, в частности далеко не все делегаты с одобрением встретили предложение Дюбуа и других радикально настроенных участников конгресса подчеркнуть империалистическую сущность порядков, установленных колонизаторами в Африке и Азии. Взгляды Дюбуа на этот вопрос были вполне определенными, в народах Азии, находившихся под игом колонизаторов, он видел естественных

союзников негров в борьбе за освобождение от всех форм расовой дискриминации и сегрегации. Как писали Д. Уолден и К. Вили, исследователи деятельности Дюбуа в период работы Панафриканских конгрессов, уже «в 1919 году Дюбуа был полностью убежден, что социализм являлся единственной надеждой для негров и Америки и Африки».

В резолюции первого конгресса, написанной Дюбуа, говорилось о том, что мир ожидают новые военные потрясения, если не будет разрешен колониальный вопрос, Дюбуа был убежден, что вновь начнется мировая война как следствие «грызни победителей за награбленное добро» и, чтобы избежать этого, необходимо покончить с расовыми предрассудками и эксплуатацией.

Упорная борьба, происходившая на конгрессе, не увенчалась полным успехом, Дюбуа не смог добиться принятия многих решений, в необходимости которых он был убежден. И в первую очередь вызвали резкую оппозицию его взгляды на необходимость социалистических преобразований, как самого кардинального средства решения важнейших проблем, стоявших перед неграми. И тем не менее многие взгляды Дюбуа нашли свое достаточно полное отражение в решениях второго конгресса. Участники конгресса, в частности, заявили, что попытка превратить раба-негра в свободного гражданина, предпринятая в Соединенных Штатах, отнюдь не окончилась провалом. Независимые правительства на Гаити и в Либерии со всей убедительностью показали, что негры в состоянии осуществлять самоуправление. В решениях конгресса подчеркивалось, что от попыток Египта и Индии добиться самоопределения вряд ли можно отделаться презрительными замечаниями о неполноценности цветных народов.

В резолюциях конгресса наносился открытый удар по расистским теориям о мнимой неполноценности цветных народов. Мы, говорили участники конгресса, живем в мире, населенном людьми, между которыми гораздо больше сходства, чем различий, людьми, которые нужны друг другу, чтобы работать, мыслить, мечтать. Но сотрудничество их может быть успешным лишь в том случае, если оно будет основано на равенстве, справедливости и взаимном уважении.

И наконец, важно отметить, что Дюбуа удалось добиться того, что в решениях конгресса была подчеркнута необходимость уничтожения эксплуатации колониальных народов империалистами, как главное условие разрешения колониального вопроса. Участники конгресса заявляли, что хочется верить в то, что в двадцатое столетие, в век могущества

человеческого разума, цивилизованный мир будет способствовать развитию туземных учреждений ради блага туземцев, а не позволять, чтобы люди, составляющие большинство человечества, превращались в зверей и рабов стараниями невежественных и корыстных агентов коммерческих предприятий, движимых одной только целью — добиться, чтобы богатство и власть стали достоянием горстки «избранных».

Второй конгресс способствовал расширению и укреплению международных связей panaфриканского движения. Во время лондонской сессии конгресса Дюбуа и группа участников конгресса встретились с видными деятелями лейбористской партии Великобритании. В ходе беседы речь шла о воплощении в жизнь единства действий белых и черных рабочих, необходимость чего неоднократно подчеркивалась в работах Дюбуа. Возвращаясь к этой встрече, Дюбуа писал позднее, что белые участники этой конференции, «глубоко симпатизировали этой идее», если даже «они не были совершенно убеждены в ней».

Известный деятель лейбористского движения Сидней Веб, участвовавший в этой встрече, заявил, что лейбористская партия выступает против «цветного барьера в труде и где-либо еще». Материалы этой встречи были представлены на рассмотрение английского парламента.

О выходе panaфриканского движения на международную арену свидетельствовал и тот факт, что два участника конгресса посетили Лигу наций и Международное бюро труда, передав им петицию и предложения, принятые на конгрессе. В частности, конгресс просил Лигу наций создать орган по изучению негритянской проблемы и установить тщательный контроль с целью предупреждения эксплуатации труда туземных рабочих в колониальных странах.

Огромна была роль Дюбуа в panaфриканском движении. Джордж Педмор, писатель из Вест-Индии, сам сыгравший очень важную роль в этом движении, так говорил о Дюбуа: «Он был не первым интеллектуально мыслящим негром, обратившимся к panaфриканскому движению. Но его заслуга в том, что он превратил мечту в действительность». Педмор подчеркивал, что Дюбуа стал идеологом африканского национализма, национально-освободительного движения негров.

Обладая большим организационным опытом, Дюбуа сделал очень многое для закрепления и развития тех связей между деятелями негритянского движения, которые были установлены на первом и втором конгрессах. С целью всемерного укрепления возникших связей он создал в 1921 году постоянный секретариат, проделавший большую работу в этом направлении. Когда после первых успешных конгрессов наступили трудные

времена для panaфриканизма, никто не сделал так много, как Дюбуа, чтобы поддержать это движение, не дать ему распасться, а после второй мировой войны превратиться в силу, оказавшуюся в состоянии торпедировать колониальную систему на Черном континенте. Как подчеркивал Педмор, Дюбуа «в идеологическом отношении всегда был впереди своих современников». И эта идеологическая подготовленность Дюбуа позволила ему превратить движение, начатое им и небольшой группой энтузиастов, в идею международного масштаба.

В 1923 году состоялся третий конгресс, работа которого проходила в Лондоне, Париже и Лиссабоне. Как по количеству участников, так и по практическим результатам этот конгресс был слабее двух первых. И вплоть до 1945 года больше не созывалось представительных съездов участников panaфриканского движения, что позволило современникам и ряду исследователей уже в наше время говорить о провале планов Дюбуа в отношении panaфриканского движения. Эллиот Радвик, автор монографии о жизни и деятельности Дюбуа, считает, например, что в своей попытке создать panaфриканское движение Дюбуа потерпел «самое тяжелое поражение. Его планы создания африканского самоуправления на социалистической основе встретили оппозицию колониальных держав и апатию со стороны негров, которые игнорировали предложение о создании международной расовой кооперативной организации».

Утверждения о поражении Дюбуа, о провалах его планов не соответствуют действительности. Надо учесть, какую огромную роль сыграли идеи Дюбуа в развитии национально-освободительного движения в Африке после второй мировой войны. Необходимо принять во внимание и огромные трудности, стоявшие на пути реализации планов Дюбуа. С учетом всего этого можно и нужно рассматривать деятельность Дюбуа в этой области как исключительно успешную.

Что касается трудностей, то они были очень многочисленны и серьезны. Фактически Дюбуа руководил этим движением в одиночку, белое руководство НАСПЦН категорически отказалось финансировать деятельность второго Panaфриканского конгресса, и пришлось изыскивать средства, чтобы можно было созвать этот конгресс и обеспечить его работу.

Значительные трудности создавались для Дюбуа и тем, что после войны резко активизировались в США антинегрятские элементы, один за другим следовали негрятские погромы, значительно участились случаи линчеваний, только в 1919 году было линчевано 70 негров. Дюбуа вынужден был тратить много сил и времени на борьбу с антинегрятскими выступлениями у себя на родине, что не позволяло ему

уделять необходимого внимания международному негритянскому движению. Необходимо также учитывать и то, что в этот период Дюбуа вел упорную и очень тяжелую борьбу с Маркусом Гарви, вест-индским негром, развернувшим в США массовое движение негров под лозунгом: «Назад в Африку!»

На третьем Панафриканском конгрессе, который не был столь представительным, как предыдущие, выступали тем не менее многие деятели, пользовавшиеся широкой известностью. На лондонском заседании конгресса выступили Гарольд Ласки, Герберт Уэллс и сэр Сидней Оливье. Дал согласие выступить перед участниками конгресса лидер лейбористов Рамсей Макдональд, но его выступление не состоялось, так как началась избирательная кампания, следствием которой была победа на выборах лейбористов и создание первого лейбористского правительства.

Дюбуа и другие участники конгресса провели несколько встреч с представителями лейбористской партии, среди которых были Беатриса Уэбб, Клайне и другие. Вспоминая эти встречи, Дюбуа писал: «Мы подчеркивали значение классовой солидарности между белыми и черными рабочими в Англии, Америке и повсюду, однако наши доводы не произвели на лейбористов особого впечатления».

Из Лондона участники конгресса переехали в Париж, где прошла значительная часть работы третьего Панафриканского конгресса. Из столицы Франции группа делегатов конгресса во главе с Дюбуа направилась в Лиссабон для встречи с деятелями Африканской лиги, представлявшей африканские организации из португальских колоний Черного континента.

Когда конгресс закончил свою работу, Дюбуа отправился в Африку. По его свидетельству, это была поездка, позволившая ему получить «величайший» опыт в его жизни. Все предыдущие путешествия Дюбуа были путешествиями в мир «белого человека», на этот раз он впервые совершил поездку в «Вечный мир черного народа». Эта поездка произвела огромное впечатление на Дюбуа, укрепила его веру в светлое будущее своих чернокожих братьев. Он писал сразу же после возвращения из Африки, что верит в наступление того дня, когда на Африканский континент придет цивилизация, появятся машины, которые облегчат труд человека, что народы Африки будут жить счастливой и обеспеченной жизнью.

Ради этого стоило продолжать борьбу, добиваясь реализации задач, выдвинутых на Панафриканских конгрессах. Как только Дюбуа вернулся из Африки, он немедленно приступил к подготовке созыва четвертого

Панафриканского конгресса. На этот раз он избрал местом созыва конгресса Вест-Индию, что было не случайным решением. Дюбуа учел критику, раздававшуюся в адрес организаторов предыдущих конгрессов, за то, что конгрессы созывались в местах, где не было значительного негритянского населения. Дюбуа решил провести очередной конгресс на тех островах Вест-Индии, которые имели право на самоуправление. Созыв конгресса в Вест-Индии имел бы важное значение с точки зрения популяризации идеи о способности негров к самоуправлению.

Однако реализовать свои планы Дюбуа не смог из-за финансовых трудностей, которые, как он считал, были искусственно созданы колониальными державами, чтобы помешать созыву конгресса. Место созыва конгресса пришлось перенести в Нью-Йорк. Начало работы четвертого Панафриканского конгресса было назначено на август 1927 года. Дюбуа связывал с этим конгрессом большие надежды. «Мы надеемся, — отмечал он, — что предстоящий конгресс будет самым большим и важным съездом представителей всех ветвей негритянской расы. На этом конгрессе, подобного которому никогда не видел мир, навсегда будет решен вопрос о том, должны ли негры всегда и везде следовать за белыми, которые ими руководят».

Однако надеждам Дюбуа не суждено было оправдаться. Панафриканское движение уже прошло свой пик и шло на убыль, пятый конгресс, запланированный на 1929 год, вообще не удалось созвать. И с 1929 года Дюбуа больше не выступал как руководитель и организатор панафриканского движения. Но он навсегда сохранил интерес к этому движению, а новое поколение борцов за освобождение Африки, отмечая его огромный вклад в освободительное движение африканских народов, избрало его председателем знаменитого Панафриканского конгресса 1945 года.

Дюбуа прожил большую жизнь. Он вел активную научную, педагогическую, общественно-политическую деятельность в различные эпохи. Он был свидетелем расцвета капиталистического общества, когда господствовала свободная конкуренция. Дюбуа вырос в ученого с мировым именем и выдающегося лидера негров в период империализма. Он пережил эпоху бурной колониальной экспансии и стал свидетелем краха мировой колониальной империи, внося свой весомый вклад в это событие огромного мирового значения. Дюбуа видел ужасы двух мировых войн, рождение первого в мире социалистического государства и победу социализма в странах, где проживает треть человечества.

Человеку, прошедшему огромный жизненный путь, измеряемый почти

столетием, трудно сохранить свои взгляды неизменными.

«В течение своей жизни, — писал Дюбуа, — я был невольным свидетелем таких великих перемен, что я почти боялся бы иметь какие-либо незыблемые взгляды, если бы здесь меня несколько не ободрял тот факт, что многое из сказанного мною в те далекие дни продолжает оставаться такой же истиной и сейчас».

Эти слова полностью применимы и к оценке основных положений panaфриканизма, идеологическая основа которого, сформулированная Дюбуа в начале двадцатых годов, в своих основных положениях мало изменилась и в период после окончания второй мировой войны. Идеи, выдвинутые Дюбуа на заре panaфриканского движения, были взяты на вооружение народами Африки после второй мировой войны, и они сыграли важную роль в революционном движении африканских народов, неузнаваемо изменившем политическую карту Африки.

Глава X

«НАЗАД В АФРИКУ!»

Панафриканское движение имело огромное значение не только для будущего Африки. Несмотря на все свои недостатки и слабости, панафриканизм оказал определенное влияние и на негритянское движение в Соединенных Штатах. Приняв активное участие в панафриканском движении, представители негров США впервые в американской истории вывели негритянское движение за национальные границы. Негры США участием в работе Панафриканских конгрессов во всеуслышание заявили о своей солидарности с угнетенными народами колоний. На этих конгрессах Дюбуа и другие представители американских негров получили возможность впервые выступить от имени негров всего мира и заявить об их нуждах и требованиях перед международной организацией.

«Это явилось, — писал Уильям Фостер, — прецедентом для многих других подобных же выступлений и движений негритянского народа в последующие годы: движения Гарви в 1921 году, Национального негритянского конгресса в 1946 году, движения, начатого НАСПЦН в 1947 году, Конгресса борьбы за гражданские права в 1951 году».

Движение Гарви, на которое указывал Фостер, приняло широкий размах вскоре после войны, и его довольно активная поддержка неграми объяснялась тем, что оно учитывало те серьезные сдвиги, которые произошли в положении негров вследствие войны. А сдвиги эти были огромного масштаба. Война дала мощный толчок развитию американской военной промышленности и многим отраслям промышленного производства, связанным с выполнением военных заказов. Промышленность требовала сотен тысяч рабочих, и началось никогда не виданное ранее переселение негров из южных штатов на Север. Только за период с 1915 по 1918 год не менее 500 тысяч негров переселились на Север.

В 20-е годы, когда американская промышленность после кризиса 1920–1921 годов вновь стала развиваться быстрыми темпами, переселение негров на Север возобновилось и приняло еще более массовый характер. За один 1923 год в северные штаты переселилось с Юга 500 тысяч негров, а за период 1910–1930 годов только из районов «черного пояса», где было компактное негритянское население, на Север переселилось более

миллиона негров.

Это переселение оказало важное воздействие на положение негров и на развитие негритянского движения. Решающее значение имел тот факт, что стремительными темпами рос негритянский пролетариат, а это открывало новые перспективы для борьбы негров за уничтожение расовой дискриминации и сегрегации.

Первые послевоенные годы были очень тяжелыми для негров, особенно кризисные 1920–1921 годы, когда самый тяжелый удар предприниматели нанесли по неграм. Ведь неписанный закон американской жизни гласит, что негра последним нанимают на работу и первым увольняют.

Наступление предпринимателей было поддержано бандами Ку-клукс-клана, которые с особым остервенением атаковали возвратившихся из Европы негритянских солдат. Линчеватели хотели парализовать волю к борьбе у этих самых боевых участников негритянского движения. Террор против негров достиг чудовищных размеров. Один из исследователей этого периода писал: «Негров избивали розгами, выжигали им серной кислотой клейма на теле, мазали дегтем и вываливали в перьях, вешали и жгли на кострах... Больше семидесяти негров подверглось линчеванию только за первый год после окончания войны. В числе линчеванных было десять негритянских солдат, причем нескольких из них линчевали в военной форме... Четырнадцать негров публично сожгли на кострах, из них одиннадцать были сожжены заживо».

Об усилении террора против негров свидетельствовала И волна погромов, прокатившаяся по всей стране. Только летом и осенью 1919 года имели место 25 негритянских погромов. Первый крупный погром произошел в Сент-Луисе в 1917 году, во время этого побоища было убито сорок негров и несколько белых. В июле 1919 года в Лонгвью, штат Техас, произошли кровопролитные «расовые беспорядки», в результате которых были убитые и со стороны негров и со стороны белых. А спустя несколько дней волна негритянских погромов докатилась до Вашингтона и захлестнула столицу страны. Три дня бушевал погром в Вашингтоне, где негры оказали упорное вооруженное сопротивление. Дюбуа писал, что «толпа черных» захватила контроль над столицей, негры, отражая атаки озверевших расистов, пустили в ход ручные гранаты. Точных данных о жертвах кровавых событий в Вашингтоне опубликовано не было.

Дюбуа, который в противоположность буржуазно-либеральному руководству НАСПЦН всегда был сторонником решительной борьбы с линчеваниями и погромами, вплоть до использования вооруженной силы, с

радостью отмечал, что негры повсеместно давали вооруженный отпор погромщикам. «Я был чрезвычайно взволнован, — писал он, — когда негры подняли восстание в самом Вашингтоне и, сдерживая натиск озверевшей толпы, в течение нескольких часов фактически держали город в своих руках».

Вооруженные столкновения произошли во многих районах Юга. Характерной особенностью негритянского движения после мировой войны была резкая активизация борьбы за свои права негров-издольщиков Юга, самой отсталой и слабо организованной части негритянского населения.

В штате Арканзас, в Илейне, негры — сборщики хлопка создали свой профсоюз с целью борьбы за повышение заработной платы. Стремясь защитить свои права, негры стали покупать огнестрельное оружие. Плантадоры нанесли предупредительный удар, спровоцировали перестрелку, в ходе которой были убиты двое белых, и сразу же вызвали войска, которые учинили расправу над неграми. Началась настоящая карательная экспедиция — пожары, трупы на проезжих дорогах, белые женщины с детьми, штурмующие поезда, чтобы покинуть район, где беспрерывно слышалась стрельба, вооружение всех белых, способных носить оружие.

Дюбуа так описывал побоище в Арканзасе: «В охоте за человеком есть что-то необычайно привлекательное. По сравнению с ней охота на лисиц — детская забава... Охота на крупных зверей по-своему увлекательна: слон издает звуки, похожие на вопль человека, от предсмертного рычания тигра стынет кровь в жилах. Но мчаться по следам спасающегося от погони и обезумевшего от страха и ненависти негра, видеть, как он извивается и корчится на бегу, слышать, как он проклиняет своих преследователей и взывает к богу, — это поистине такое развлечение, равного которому нет в наше время! Так думали некоторые из белых, носившиеся с диким гиканьем по залитой кровью земле».

Во время погрома в Илэне было убито 100 негров и 5 белых. 12 негров были приговорены к смертной казни, 67 — к длительным срокам тюремного заключения.

Подавив с помощью войск сопротивление негров, плантаторы приступили к наведению порядка. Были созданы специальные комитеты, чинившие суд и расправу над неграми, начались повальные аресты. Арестованных избивали специальными кожаными плетками с металлическим наконечником, каждый удар которых рассекал кожу до крови. Негров сажали голыми на электрический стул, пытая электричеством, применялись наркотики, вызывавшие удушье. Пытки

велись до тех пор, пока истязуемый не давал своим палачам те показания, в которых они нуждались.

Особенным ожесточением и кровопролитием отличались «расовые беспорядки» в Чикаго, имевшие место в июле 1919 года. Белые расисты зверски избили камнями и утопили негритянского юношу. В ответ на это возмущенные негры дали настоящий бой погромщикам, не утихавший в течение тринадцати суток. Ни днем, ни ночью в городе не прекращалась стрельба, по затемненным улицам Чикаго с большой скоростью проносились машины, озаренные вспышками выстрелов. В Чикаго было стянуто большое количество войск и полиции, которые зачастую не только не пресекали беспорядки, но и участвовали совместно с расистами в избиении негров. По официальным, явно заниженным, данным число убитых достигло 38 человек, 520 человек было ранено. Сотни домов негров были взорваны бомбами или сожжены, побоище сопровождалось массовыми грабежами.

И, как всегда, виноватыми оказались жертвы погрома: были отданы под суд 17 негров и только 4 белых.

Кровавая оргия убийств и жесточайшая расовая дискриминация наталкивались на упорнейшее вооруженное сопротивление негров, которые убедительно продемонстрировали свою готовность пойти на самые крайние меры в борьбе с расистами.

В защиту прав негров активно выступила НАСПЦН.

«Мы боролись с расистами, — вспоминал Дюбуа, — всеми имеющимися в нашем распоряжении средствами: посылали протесты от имени НАСПЦН, выступали с лекциями, помещали статьи в журнале «Крайсис» и других изданиях».

Руководимый Дюбуа «Крайсис» в это тяжелое для негров время превратился в орган, объединявший самых, решительных сторонников борьбы с линчевателями и организаторами негритянских погромов. Это было тревожное время, когда открытые и резкие выступления против погромщиков-расистов могли привести не только к судебному преследованию, но и к физической расправе, к убийству из-за угла. Презирая все опасности, Дюбуа из номера в номер призывал негров и всех противников расовой нетерпимости решительно выступить за прекращение негритянских погромов.

Особое внимание он уделял работе среди негров, вернув, шихся с фронтов империалистической войны, справедливо считая, что негритянская молодежь, прошедшая фронт, умеющая владеть оружием, сумеет постоять за свои интересы и повести за собой широкие массы негритянского народа.

Дюбуа в передовой статье «Возвращающиеся солдаты» писал на страницах «Крайсиса», обращаясь к неграм-фронтовикам: «Вы вернулись Вы вернулись с полей сражений. Вы. вернулись для того, чтобы сражаться».

В августе 1919 года конгрессмен от Южной Каролины Джеймс Бирнс, ссылаясь на эту передовую «Крайсиса» и другие статьи, опубликованные Дюбуа, обвинил автора в подстрекательстве негров к восстанию и потребовал отдать его под суд на основании федерального закона о шпионаже.

Дюбуа не запугала атака, предпринятая на него расистами в конгрессе. Он продолжал публиковать в «Крайсисе» пламенные передовые статьи, призывая негров вооружаться и давать отпор толпам погромщиков. Редактируемый Дюбуа журнал наводил ужас на расистов, они всеми силами стремились помешать его распространению, особенно среди негров. В начале-1920 года судебные власти штата Миссисипи заключили в тюрьму негритянского священника, продававшего «Крайсис». А адвокату, который хотел выступить в защиту этого священника на судебном процессе, было заявлено, что, если он не откажется от своего намерения, то его линчуют.

Когда в 1920 году Дюбуа опубликовал свою книгу «Темная вода», на него обрушилась целая лавина гневных обвинений в подстрекательстве негров к мятежу, в антипатриотизме, в нежелании искать мирных путей решения расовой проблемы в США. Особое возмущение расистов и всей реакционной Америки вызвало то место в книге Дюбуа, где он писал, что черный мир готовится к сражению с белым миром.

Большие трудности в деятельности Дюбуа создавали не только нападки расистов. Это были открытые враги, — удар с их стороны мог быть нанесен в любой момент, и Дюбуа был всегда готов к этому. Но немало сил и энергии отнимали и междоусобные бои, борьба внутри самого негритянского движения.

В 1915 году скончался Букер — Вашингтон, борьба против которого занимала важное место в деятельности радикальных кругов негритянского движения. А уже на следующий год в Соединенные Штаты прибыл из Вест-Индии Маркус Гарви, развернувший бурную деятельность под лозунгом «Назад в Африку!». Дюбуа и другие прогрессивно настроенные деятели негритянского движения вынуждены были, раскалывая единый фронт негров, вести упорную борьбу против утопических и реакционных планов Гарви, направленных на переселение негров в Африку.

Гарви родился в Британской Вест-Индии, на Ямайке в 1867 году. По профессии он был печатник и уже в восемнадцать лет заведовал небольшой

типографией, но мысли молодого печатника были далеки от его скромной профессии Гарви с молодых лет проявлял огромный интерес к негритянскому движению не только в Вест-Индии, но и во всем мире. В 1914 году он основал на Ямайке Всемирную ассоциацию по улучшению положения негров (ВАУПН), которой суждено было оставить заметный след в развитии негритянского движения в США.

Когда Гарви переехал в 1916 году в США, он перевел туда и штаб-квартиру своей организации, которая на американской почве быстро окрепла и приобрела очень большое влияние. Параллельно с укреплением ВАУПН рос и авторитет ее генерального секретаря, который быстро превратился в известного негритянского лидера.

Маркус Гарви был очень невзрачен на вид низкорослый, толстый, с угольно-черной кожей И резким контрастом с этой невыразительной внешностью был острый ум, пламенный темперамент, блестящие ораторские способности этого лидера негров.

В 1919 году в США было 30 местных отделений ВАУПН, а к 1921 году, по данным руководства этой организации, уже насчитывалось 418 зарегистрированных отделений на местах и 422 отделения, находившихся в стадии формирования. О количестве членов ВАУПН точно судить трудно, ее руководство жонглировало цифрами в несколько миллионов человек. Это было саморекламой, и не очень убедительной, но бесспорно одно — эта организация оказывала в первые годы своего существования большое влияние на негритянское движение. Что же касается членства, то цифры его были несравненно скромнее.

Дьюба в 1923 году считал, что в ВАУПН было только 18 тысяч членов, плативших членские взносы. «Но, — писал Фостер, — каково бы ни было действительное число членов Всемирной ассоциации по улучшению положения негров, остается бесспорным, что эта организация пользовалась огромной популярностью в негритянском народе... Гарви, как никто со времен реконструкции и популистского движения, сумел привести в движение миллионные массы негритянского народа».

Деятельность Гарви получила широкий резонанс и далеко за пределами США, у него были многочисленные последователи в Африке, Вест-Индии, Центральной Америке, которые направляли своих делегатов на съезды ВАУПН.

Причина огромной популярности движения, возглавлявшегося Гарви, заключалась отнюдь не в выдающихся личных качествах его руководителя. Гарви развернул знамя своего движения в период, когда резко усилился расистский террор, когда брожение среди широких масс негритянского

народа искало выхода в каких-то конкретных мероприятиях, направленных на улучшение положения негров. Программу таких действий и выдвинул Гарви. Эта программа отнюдь не отличалась прогрессивностью, была нереальна, но Гарви умел подать товар лицом, броско, ярко, захватывающе. Он был блестящим мастером массовой политической агитации, и то, что он делал, не могло оставить окружающих равнодушными.

Важную роль сыграла и победа великой революции в России, разбившей царскую тюрьму народов, показавшей пример всем угнетенным народам в борьбе за подлинное решение национального вопроса. Сыграло свою роль и то, что Гарви очень умело воспользовался тем глубоким недовольством, которое было среди негров, консервативной политикой НАСПЦН и других негритянских организаций.

Негры рвались в бой, нужны были новые методы работы, новые лозунги, на что оказались не способны консервативные лидеры негритянского движения. Гарви очень удачно уловил момент и настроение негритянских масс и выдвинул боевую программу, соответствовавшую наступательному духу негров. «Черное крестьянство, — писал один публицист, — толпой идет за Гарви. Оно боготворит его. Оно чувствует, что Гарви говорит такие вещи, которые негры сознают, но не могут выразить сами. Его зажигательные речи собирают огромные массы людей. Негры жертвуют ему свои деньги. Они готовы пойти за него в огонь и воду. Он стал кумиром для них — этот черный Демосфен».

Гарви был блестящим мастером организации пышных театрализованных представлений, захватывавших воображение толпы. Помпезные парады, празднества, церемонии следовали друг за другом, придавая движению максимум внешнего эффекта. Программа Гарви предусматривала создание армии будущего негритянского государства, он основал отряды, которым были даны броские названия: «Всемирные сестры Черного креста», «Всемирный африканский легион», «Летный корпус Черного орла».

Один из литературных героев Дюбуа, рассказывая о Гарви, говорил, что он привнес в свою затею элемент торжественности, учредив эффектный церемониал будущей «Африканской империи». Он присваивал своим сторонникам титулы рыцарей и леди, намекая, что сам является королем милостью Чернокожего бога. Все это было фантастично и вместе с тем необычайно впечатляюще.

Если Гарви созывал съезд своей организации, то это не было обычное деловое собрание, а настоящий грандиозный спектакль. Участники съездов устраивали шумные шествия по улицам Гарлема. Сотни тысяч негров как

зачарованные смотрели на членов «Африканского легиона», шествовавших в голубой и красной военной форме, на одетых в белое сестер милосердия из «Черного креста». Последователи Гарви распевали сложенный по его указанию гимн будущей «Африканской империи» — «Эфиопия — земля наших отцов» и размахивали огромными черно-зелено-красными знаменами, флагами будущего всемирного африканского государства. Черный цвет был взят по цвету кожи негров, зеленый означал цвет их надежды, красный — кровь негров. Как иронически писал один историк: «Никогда негритянская раса не будет иметь лидера, который мог бы устраивать такие замечательные представления».

Причина огромной популярности движения Гарви заключалась, конечно, не к этой броскости и внешней эффектности. В первые годы в программе Гарви фигурировали требования, которые могли вовлечь и действительно вовлекли в это движение широкие массы негров. Программа Гарви была направлена на решение проблем, волновавших самые широкие круги негров Африки. Америки, Вест-Индии. Она требовала отмены всех форм расовых преследований, дискриминации и сегрегации, борьбы с расовым угнетением всеми средствами, имевшимися в распоряжении негров. Гарви призывал негров не платить налоги органам власти, в которых они не представлены. Программа выступала против принудительного зачисления негров на военную службу. Африканских негров Гарви призывал бороться против законов, на основании которых у них отбиралась земля.

«Мы считаем, — говорилось в программном документе нового движения, — что Африка должна стать континентом свободы для негров всего мира, и в соответствии с принципом: Европа — для европейцев и Азия — для азиатов — мы также требуем: Африка — для африканцев, для всех африканцев, живущих как в самой Африке, так и за ее пределами».

Участники движения гневно осуждали империалистические державы, поработившие Африканский континент, и заявляли о своей «твердой решимости требовать и добиваться возвращения себе обширного континента наших предков со всеми его сокровищами и ресурсами».

В очень резкой форме программный документ Гарви осуждал варварское обращение колонизаторов с неграми Вест-Индии и других колоний. Но основное внимание уделялось положению негров в Соединенных Штатах. Программа клеймила позором правящие круги США за джимкроуизм, линчевания и расовые погромы, дискриминацию негров при получении работы и образования, судебный произвол и всю систему жесточайшего унижения негров в США.

Из всех этих гневных реляций, казалось, должен был последовать логический вывод о необходимости решительной борьбы за уничтожение всех видов расовой дискриминации и сегрегации. Однако Гарви думал иначе. Он считал, что негры не в состоянии добиться равноправия в тех странах, где они составляют меньшинство населения, и им надо ехать в Африку на свою прародину и там создать великую Африканскую империю. Переселить миллионы негров в Африку, изгнать оттуда белых колонизаторов и создать на Черном континенте империю было задачей, мягко выражаясь, нереальной. И тем не менее движение «Назад в Африку!» всколыхнуло широкие массы негров США. Гарви поддержали многие негритянские лидеры, среди которых был и Уильям Дюбуа, который на страницах «Крайсиса» назвал его «выдающимся лидером». Дюбуа подчеркивал, что Гарви «с удивительным успехом обобщил и выразил недовольство и дух протеста, накопившиеся за долгие века страданий в вест-индском крестьянстве».

Призывы Гарви к переселению в Африку нашли среди американских негров самую горячую поддержку, потому что они раздались тогда, когда в США поднялась новая волна жесточайшего антинегритянского террора. Американский негр готов был бежать куда угодно, лишь бы не оставаться на плантациях Юга, которые были для него настоящим кромешным адом. Негритянские погромы в послевоенный период в Чикаго и других городах Севера свидетельствовали о том, что северные штаты для негров тоже отнюдь не обетованная земля. Однако реальных возможностей для переселения в далекую Африку было очень немного, и стало очевидным, что о массовой эмиграции американских негров в Африку не может быть и речи.

На начальном этапе движение Гарви пользовалось такой активной поддержкой широких масс негров потому, что оно соответствовало боевому духу негритянского движения в первые послевоенные годы, когда негры нередко с оружием в руках выступали на защиту своих прав. Это было новое явление в истории негритянского народа США, появился «новый негр», облик которого ярко нарисовал один негритянский журнал: «новый негр» — это был человек, готовый, если надо, принять смерть во имя защиты самого себя, своей семьи и своих политических прав. Это был негр, требовавший «полного социального равенства, права на образование, права на самозащиту вплоть до применения физической силы, свободы слова, печати и собраний и признания права России самостоятельно распоряжаться своей судьбой».

Боевые призывы Гарви соответствовали настроениям этого «нового

негра», игравшего все более важную роль в негритянском движении. Поддержка Гарви со стороны радикальных элементов негритянского движения и явилась главной причиной стремительного взлета этого нового лидера негров. Но как только Гарви лишился этой поддержки, его движение стало быстро хиреть и в конце концов сошло на нет.

Были важные причины, заставившие многих радикально настроенных негров пересмотреть свое отношение к Гарви. В частности, смертельный удар по движению и одновременно до личному престижу Гарви нанесла его авантюра с созданием пароходной компании для реализации утопического плана перевозки негров в Африку. Среди негров были собраны значительные средства, и в 1919 году Гарви зарегистрировал в Нью-Джерси судоходную и торговую компанию с капиталом в 10 миллионов долларов и пароходную линию под названием «Черная звезда». Предпринимательская деятельность Гарви началась не под счастливой звездой. Сомнительные личности, окружавшие его, быстро разворовали огромную сумму, около семисот тысяч долларов, и новая компания обанкротилась, прежде чем сумела широко развернуть свою деятельность.

Многие негры, искренне сочувствовавшие Гарви, предупреждали его, что он окружен нечистоплотными дельцами, которые разграбят деньги негров, заработанные ими тяжелым трудом, и нанесут непоправимый удар по всему движению. «Позже, — писал Дюбуа, — когда он начал сбор денег на свой пароход, я отозвался о нем как об искреннем и трудолюбивом идеалисте, но назвал его методы надуманными, расточительными, нелогичными, почти незаконными и просил его друзей не допустить, чтобы он своими безрассудными действиями довел до банкротства и крушения одно из выдающихся идеологических движений современности».

Финансовые злоупотребления, вскрывшиеся в компании, организованной Гарви, повлекли за собой незамедлительные и суровые карательные меры. В джунглях свободного предпринимательства коррупция, взяточничество, финансовые аферы — обычное явление, мимо которого власти проходят, стыдливо потупив глаза. Но на этот раз представилась возможность развенчать одного из лидеров негров и тем самым нанести чувствительный удар по всему негритянскому движению. Повязка с глаз Фемиды была снята незамедлительно, и стрелы «правосудия» были точно направлены в цель, поразив незадачливого организатора пароходной компании и низвергнув с пьедестала лидера движения «Назад в Африку!».

От этого удара Гарви уже никогда больше не оправился. Занявшись сомнительной предпринимательской деятельностью, он не учел, что

воротилы большого бизнеса никогда не прощают самонадеянных дилетантов, вторгающихся в их сферу, и особенно если это человек с неблагоприятной для них политической репутацией.

Финал предпринимательской деятельности Маркуса Гарви был трагический. Суд признал Гарви виновным и приговорил его к пятилетнему тюремному заключению. В 1925 году он был заключен в федеральную тюрьму в Атланте и пробыл в заключении два года, после чего президент Кулидж помиловал Гарви и приказал выслать его на Ямайку. По возвращении на родину Гарви в течение нескольких лет занимался в Вест-Индии политической деятельностью, но уже без какого-либо серьезного успеха. Не сумев возродить былую активность своего движения, Гарви отказался от политической деятельности, переехал в Лондон, где и умер в 1940 году, всеми забытый и покинутый.

История стремительного взлета и сокрушительного падения Гарви явилась убедительным свидетельством того, что от крайней революционности до заурядного консерватизма мелкобуржуазного националиста, каким был Гарви, отделяет всего один шаг. Бросив все силы руководимого им движения на реализацию планов массовой эмиграции негров из США, Гарви фактически отказался от борьбы за улучшение положения негров. «Гарви, — писал Уильям Фостер, — растерял постепенно весь свой первоначальный радикализм и в конце концов скатился на позиции консерватизма, а это фактически привело к тому, что его практическая деятельность сводилась к выдаче негритянского народа — как в США, так и во всех других странах — в руки его злейших врагов».

Гарви постепенно сползал на позиции непротивленчества и к концу своей политической деятельности столь же беззастенчиво выпрашивал подачки у правящих белых кругов, как и Букер Вашингтон.

Гарви был убежденным противником вступления негров в профсоюзы, считал химерой борьбу за социальное равенство. Занимая в начале своей деятельности дружественную позицию по отношению к СССР, он в конце концов стал патологически ненавидеть первую в мире страну социализма.

И наконец, случилось то, во что трудно было поверить, — Гарви вошел в прямой контакт с Ку-клукс-кланом, лидеры которого были готовы отправить негров в Африку и куда угодно, чтобы раз и навсегда разрешить негритянский вопрос. Гарви связался с одним из руководителей Клана, полковником Симмонсом, пригласил его выступить с речью на съезде Всемирной ассоциации по улучшению положения негров и открыто пел дифирамбы палачам негров из Ку-клукс-клана.

Гарви вел переговоры с рядом расистов — сенаторов и конгрессменов

от южных штатов, стремясь заручиться поддержкой в деле переселения американских негров в Африку.

Дюбуа указывал на то, что Гарви разработал детальный план, согласно которому Ку-клукс-клан должен был взять на себя финансирование эмиграции негров в Африку, и что лидеры Клана разослали своим местным организациям циркуляр, в котором защищали деятельность Гарви и указывали на необходимость ее поддержки.

Прямая связь с Кланом означала, что Гарви вольно или невольно, но стал на путь предательства интересов негров. Политическое перерождение Гарви подтвердило всю правильность позиции Дюбуа, который еще на раннем этапе деятельности этого лидера негров, поддерживая все положительное в его программе, вместе с тем открыто и решительно осуждал его за многие грубые ошибки.

Принципиальная позиция Дюбуа в отношении Гарви создавала ему массу трудностей. Дюбуа обвинили в том, что он завидует популярности Гарви, интригует против него и всеми мерами препятствует его деятельности. Несмотря на все эти заявления, не имевшие под собой никакой почвы, Дюбуа продолжал осуждать все то, что, по его мнению, было ошибочным в движении, руководимом Гарви.

Серьезные трудности возникали из-за личных качеств Гарви Дюбуа писал, что он надменен и высокомерен, не умеет ладить с товарищами, что «как руководитель масс он отличается слишком упрямым и властным характером». Описания современников, многие факты, связанные с практической деятельностью Гарви, создают образ некоего фюрера, высоко поднявшегося над толпой своих поклонников и почитателей. В этой неудобной позиции редко кому удавалось удерживаться продолжительное время, не составил исключения и Гарви. Его карьера была яркой, блистательной, но очень кратковременной. И главной причиной падения Гарви явилось то, что он в конечном итоге оказался по ту сторону баррикад в той упорной борьбе, которую вел его народ за свои права. «Он, — говорил о Гарви Дюбуа, — не только не борется против расового угнетения, он пресмыкается перед угнетателями негров и аплодирует им, единственно против кого он борется — это против людей его же расы, добивающихся свободы».

Глава XI

МЕЖДУ ДВУМЯ ВОЙНАМИ

Чрезвычайно широк и разнообразен был круг вопросов, которыми занимался Дюбуа. Общественная, политическая, научная, редакционная, лекторская деятельность требовали огромного напряжения сил, и тем не менее Дюбуа находил время и для творческой работы в области художественной литературы, проявлял большой интерес к музыке, театральному искусству. Еще в 1903 году Дюбуа дал в своих работах тщательный анализ негритянской народной музыки и неоднократно возвращался к этому вопросу в более поздние годы.

Проза Дюбуа и его поэтические произведения по праву считаются образцом негритянской художественной литературы, а их автор — одним из основоположников негритянской литературы в США.

Блестящий стиль изложения характерен не только для художественных произведений Дюбуа, но и для его научных трудов. Работы Дюбуа написаны ярким, образным, поистине художественным языком, в чем и заключается одна из причин широкой популярности его трудов не только среди специалистов, но и среди самых широких кругов читателей. Книги Дюбуа переведены на многие иностранные языки и стали культурным достоянием народов Америки, Африки, Европы, Азии.

В Советском Союзе еще в 1925 году был переведен и опубликован роман Дюбуа «За серебряным руном». В 1960 году в нашей стране вышел в свет роман Дюбуа «Испытание Мансарта», первый том его трилогии «Черное пламя». Как отмечал Дюбуа, в этой трилогии историческая правда преобладает над вымыслом; основные события, описываемые автором, исторически верны. В форме художественного произведения Дюбуа излагает в этой трилогии историю негров за 1876–1956 годы.

Еще в 1935 году Дюбуа опубликовал свой капитальный труд «Черная реконструкция», в котором блестяще проанализировал роль негров в бурных революционных событиях гражданской войны 1861–1865 годов и реконструкции 1865–1877 годов. Опубликование этой работы Дюбуа имело огромное научное и политическое значение, так как исследовавшиеся в ней вопросы подвергались самой беззастенчивой фальсификации буржуазными историками.

В своих многочисленных работах реакционные историки утверждали,

что в годы реконструкции негры захватили власть в южных штатах и использовали ее для грабежей и насилий над белыми. Один американский историк писал, что в буржуазной историографии «реконструкция изображается как период резни и грабежа, где негры представляются как наивные, но полудикие существа, которые, будучи освобождены от благодетельного рабства, рыскают по стране, занимаясь грабежом и нападением на беззащитных женщин; в это время на заднем плане, руководя всеми этими ужасами, высится самая главная фигура — мстительный, чванливый авантюрист-северянин, нечто вроде венецианского купца, выдирающего свой фунт мяса из плоти разоренного и поверженного Юга».

«Черная реконструкция» была первой в американской прогрессивной историографии работой, целиком посвященной реконструкции и разоблачившей подобные фальсификации. Полемизируя с реакционными историками, Дюбуа приводил огромный фактический материал в подтверждение своих выводов. Его работа была написана на основании тщательного изучения широчайшего круга источников: протоколы негритянских конвентов, резолюции и постановления правительств реконструкции, доклады Бюро освобожденных и военного министра о положении в южных штатах, документы конгресса США, переписи за 1860, 1870 и 1880 годы, пресса, мемуары, дневники участников этих событий, многочисленные монографии.

Широк и круг вопросов, рассмотренных в этой работе Уильяма Дюбуа, и трудно было бы ожидать от автора исчерпывающих и правильных во всех деталях ответов на все эти вопросы. Поэтому вполне естественно, что в работе Дюбуа есть ряд спорных и неточных положений, и тем не менее она и сегодня продолжает оставаться лучшим исследованием в прогрессивной историографии, посвященной второй американской революции.

Помимо своих больших научных и политических достоинств, «Черная реконструкция» обладала и еще одним неоспоримым положительным качеством. Эта книга была написана блестящим литературным языком, не уступавшим по своим достоинствам лучшим художественным произведениям Дюбуа.

В этой работе Дюбуа в основном заканчивал исследование истории негритянского народа США на событиях периода реконструкции. В последующие десятилетия вся история негров была неразрывно связана с деятельностью Дюбуа, и, конечно, если бы им была написана история негров США на протяжении этого периода, то научное и политическое значение такой работы было бы трудно переоценить.

Однако у Дюбуа не оказалось ни времени, ни средств, чтобы выполнить эту работу. Но в определенной мере этот пробел был восполнен публикацией его трилогии «Черное пламя». Вторая книга этой трилогии, «Мансарт строит школу», была переведена и опубликована в Советском Союзе в 1963 году. И наконец, в 1964 году, уже после смерти Дюбуа, в СССР вышла заключительная книга этой трилогии — «Цветные миры».

Эту работу, в значительной мере носящую автобиографический характер, трудно отнести к какому-либо определенному жанру. Трилогия Дюбуа — исторический роман, в котором автор, как правило, следует точному ходу развития исторических событий. Более того, в ряде случаев это документированное исследование важнейших событий из истории негров США, написанное активным участником этих событий, что придает всей работе особенно важное значение. И вместе с тем это в первую очередь художественное произведение, написанное большим автором и читаемое с неослабевающим интересом.

Трилогию Дюбуа можно рассматривать как своеобразный творческий отчет автора о своей работе в области художественной литературы на протяжении многих десятилетий. В продолжение этого периода Дюбуа уделял большое внимание и театральному искусству, и не только как потребитель — зритель и высококвалифицированный критик. Еще в 1913 году он попробовал свои силы на совершенно новом поприще. В этом году в Нью-Йорке он осуществил собственными силами инсценировку «Звезды Эфиопии». Грандиозное представление, в котором участвовало 1200 артистов, охватывало всю десяти тысячелетнюю историю негритянской расы. В этом спектакле, приуроченном к пятидесятилетию уничтожения рабства в США, был глубокий смысл. Дюбуа стремился не только познакомить негров с богатейшей историей негритянской расы, но и использовать пятидесятилетнюю годовщину со дня освобождения рабов для активизации негритянского движения. Спектакль прошел с грандиозным успехом, его повторили в Вашингтоне, в 1916 году в Филадельфии и в 1924 году в Лос-Анжелосе.

Инсценировка, поставленная Дюбуа, производила огромное впечатление, трудно было представить какой-либо иной театральный спектакль, выполненный с таким прекрасным вкусом и одновременно имевший столь большое познавательное значение.

Дюбуа, с огромной любовью относившийся к театру, еще в период работы в Уилберфорском университете успешно ставил со студентами серьезные спектакли, а в «Звезде Эфиопии» его талант раскрылся с полной силой. Вдохновленный успехом «Звезды Эфиопии», Дюбуа создал в Нью-

Йорке небольшое театральное дело, которое функционировало столь успешно, что их небольшая труппа была удостоена второй премии на международном конкурсе в Нью-Йорке.

Дюбуа был выдающимся ученым и крупным общественным и политическим деятелем. И в выполнении тех задач, которым он посвятил свою жизнь, огромную роль играл его талант большого и глубокого художника слова. И действительно, как ученый Дюбуа должен был писать свои научные трактаты, так чтобы они представляли интерес не только для специалистов, но и для самых широких кругов читателей, в первую очередь читателей-негров. А для того чтобы научная работа вызвала интерес широкого круга читателей, необходимо было писать ее на хорошем литературном уровне, что и было присуще для всех научных трудов Дюбуа.

Еще более необходимо было прекрасное владение языком, устной речью для публицистической и общественно-политической деятельности.

Известный лидер Национальной ассоциации содействия прогрессу цветного населения Джоэл Спингарн, отмечая большой вклад Дюбуа в борьбу за уничтожение расовой и национальной дискриминации, заявлял: «Я приветствую вашу общественную деятельность, приветствую силу вашего языка, сделавшую ее такой эффективной. Я знаю, что существует мнение, будто писатель — это человек, которому нечего сказать и который пишет только для того, чтобы это подтвердить. Великие писатели мира не так понимали свою задачу, не так смотрите на нее и вы. Хотя ваша деятельность была главным образом благородной деятельностью учителя и провозвестника правды (не только для одной расы или нации, но и для всего мира), вряд ли даже у лучших писателей Америки можно найти страницы прекраснее тех, что содержатся в ваших книгах «Темная вода» и «Души черного народа».

Талант Дюбуа как публициста, редактора, мастера художественного слова ярко проявился в его работе в качестве редактора журнала «Крайсис», руководителем которого он был с 1910 по 1934 год. Первые же номера журнала привлекли к себе всеобщее внимание и в первую очередь, пожалуй, не теми словами, с которыми он обращался к неграм, а тем тоном, в котором он говорил с белой Америкой, привыкшей к медоточивым речам Букера Вашингтона. Дюбуа был беспощадно резок, он разоблачал лицемерие белых правителей Америки, рассказывая о зверских убийствах и истязаниях негров, об унижающей человеческое достоинство расовой сегрегации и дискриминации, о жесточайшей эксплуатации негров. Дюбуа был глубоко прав, когда писал, что никто раньше так не разговаривал с белой Америкой, как «Крайсис»; «Журнал не знал страха, сообщения его

были конкретны и ясны. Он не стеснялся в выборе выражений и не склонялся ни перед какими авторитетами. Он обвинял и бросал вызов, насмехался, издевался и клеймил позором, он разоблачал и расследовал».

Много было достоинств у этого журнала, и одно из главных заключалось в том, что «Крайсис» не только разоблачал всю неприглядную политику реакционной Америки по отношению к неграм, но и давал неграм возможность рассказать о себе, о своей жизни, о трудолюбивых и талантливых людях, отличающихся от остальных американцев только цветом своей кожи. Дюбуа печатал на страницах журнала портреты выдающихся негров и портреты почти всех негров, которые успешно заканчивали колледжи. На страницах «Крайсиса» были напечатаны первые стихи, рассказы, публицистические статьи многих в будущем известных негритянских мастеров художественного слова, которые были открыты для американской культуры благодаря исключительно чуткому, заботливому отношению Дюбуа.

Под руководством Дюбуа «Крайсис» превратился в главного разведчика негритянских талантов, в чем редактор журнала видел одно из важнейших назначений этого издания. На страницах «Крайсиса» были опубликованы первые произведения художников Ричарда Брауна и Уилбора Скотта, Дюбуа помог открыть известного в будущем новеллиста Джесси Фауста и поэта Лэнгстона Хьюза. В 1922 году Дюбуа предложил создать «Институт негритянской литературы и искусства» для всемерного поощрения развития деятельности негров в этих областях. Им было также предложено предпринять решительные меры для оказания помощи неграм, работающим в области серьезной музыки. Помимо этого, Дюбуа был инициатором выпуска и издателем «Брауниз бук» — небольшого журнала для негритянских детей, который, как он писал, «издавался с негритянской точки зрения... для того, чтобы помочь укрепить уважение негров к самим себе».

У «Крайсиса» быстро нашлись подражатели. Примеру Дюбуа последовали и другие негритянские издания, социалистические и анархические, общественно-политические и литературно-просветительские. Эти совместные усилия негритянской периодической печати, направляемые «Крайсисом», внесли большой вклад в развитие негритянской культуры и искусства.

Предвоенные годы в жизни Дюбуа были заполнены напряженной общественно-политической и редакционной работой, деятельностью в НАСПЦН, но Дюбуа не был бы настоящим ученым, если он не находил бы время для продолжения своей научной работы. Только в период между 1935

и 1941 годами он опубликовал фундаментальное исследование по истории негров в годы реконструкции, исторический очерк развития негритянской расы и автобиографический очерк, в котором изложил свою точку зрения на современное состояние негритянской проблемы в США. Помимо этого, Дюбуа опубликовал много статей, в которых исследовались самые различные аспекты негритянского вопроса.

Еще в 1909 году Дюбуа задумал издание «Негритянской энциклопедии», но тогда этим планам не суждено было осуществиться. Как всегда, очень остро встал вопрос о финансировании, тем более такого большого и дорогостоящего издания. А тут еще переезд из Атланты в Нью-Йорк, напряженная работа в НАСПЦН и в «Крайсисе» совершенно не оставляли времени для систематической работы над этим изданием. Начавшаяся мировая война заставила вообще отказаться на значительное время от реализации планов издания «Негритянской энциклопедии».

В предвоенные годы еще более упрочилась слава Дюбуа как крупнейшего специалиста по истории и современному положению негритянского народа, и когда Фонд Фелпса Стокса принял решение издать «Негритянскую энциклопедию», то было вполне естественным, что главным редактором этого издания пригласили Уильяма Дюбуа. В течение десяти лет работал Дюбуа над «Негритянской энциклопедией». Он проделал огромную научную, организационную, редакторскую работу, пригласил участвовать в издании энциклопедии многих ученых Америки, Европы, Африки. Огромные усилия, приложенные Дюбуа, не дали в целом положительного результата, и в значительной мере потому, что, в который уже раз, не хватило средств. «Вообще, — вспоминал Дюбуа, — слишком смело, пожалуй, было рассчитывать на большую помощь этому начинанию, которым руководили негры и которое было построено в основном на трудах негритянских ученых».

И тем не менее, несмотря на большие трудности, в 1944 году была выпущена в свет книга, в которой анализировались важнейшие проблемы, запланированные для «Негритянской энциклопедии». Это было своеобразное резюме большой работы, проделанной над энциклопедией.

В 1933 году Дюбуа возобновил свою преподавательскую работу. Эта возможность представилась ему в связи с тем, что в 1929 году была проведена реорганизация Атлантического университета, в котором был создан ряд филиалов и аспирантура. После реорганизации университета его ректором стал старый и очень близкий друг Дюбуа Джон Хоуп. По его настойчивому предложению Дюбуа поехал в 1933 году в Атланту и прочитал там курс лекций, а в следующем году он стал деканом факультета

социологии Атлантического университета.

Еще в студенческие годы Дюбуа приучил себя к тщательному планированию своей работы, он не признавал штурмовщины, расписывал все свое время вплоть до минут и стремился неукоснительно выполнять составленный план работы. Столь же пунктуален был Дюбуа в своей научной и преподавательской работе и в последующие годы.

Вполне естественно, что по прибытии в Атланту он составил подробный план своей работы на ближайшие годы. Дюбуа был намерен создать при Атлантическом университете научный журнал для изучения расовых проблем в мировом масштабе. И конечно, он стремился возобновить систематическое изучение негритянской проблемы, используя опыт своей прежней работы в Атланте в этом направлении.

Однако радикальные взгляды Дюбуа напугали богатых попечителей Атлантического университета, которые энергично воспротивились реализации его планов. Журнал «Файлон», издание которого было намечено на 1934 год, вышел только в 1940 году. Очень медленно, наталкиваясь на многочисленные препятствия, шло изучение негритянской проблемы.

И тем не менее работа в этом направлении продолжалась. «Мы убедились, — вспоминал Дюбуа, — что за двадцать три года, прошедших с того момента, как я прервал свою собственную научную работу, изучение истории и нынешнего положения американских негров развернулось довольно широко и продвинулось вперед».

И безусловно, что большую роль в этом сыграла деятельность самого Дюбуа в этом направлении. Конечно, интерес к этой проблеме определялся не только тем, что о неграх стали больше публиковать научных трудов, чаще и более резко писать на страницах таких изданий, как «Крайсис». Большое внимание к негритянской проблеме вызывалось в первую очередь тем, что стояла эта проблема с исключительной остротой, все попытки решить ее на компромиссной основе не давали положительного результата. И по мере обострения борьбы вокруг негритянского вопроса уделялось все большее внимание его изучению не только в негритянских, но и в белых университетах.

Изучение это велось с большим или меньшим успехом в зависимости от того, насколько квалифицированы были работники, руководившие научными исследованиями, насколько правильны были пути, которыми они шли к пониманию негритянской проблемы. В 30-х годах остро чувствовалась необходимость комплексного изучения негритянского вопроса, с привлечением всех данных, полученных наукой по истории и современному положению негров.

Нечто подобное, писал Дюбуа, пытались проводить в Университете Фиска, но для проведения исследований в масштабе всего Юга необходимы были дополнительные большие средства. «Я положил начало таким исследованиям в Атланте в 1941 ГОДУ», — писал Дюбуа по поводу организации всестороннего изучения негритянской проблемы в канун второй мировой войны.

В период между двумя войнами отношения между Дюбуа и руководством НАСПЦН, никогда не бывшие особенно хорошими, резко обострились. По всем основным аспектам негритянской проблемы позицию Дюбуа руководство НАСПЦН рассматривало как чрезмерно радикальную. В частности, оно считало, что Дюбуа слишком форсирует события, что надо сосредоточить все силы и все внимание на решении проблемы *американских* негров и только после этого что-то предпринимать в отношении Африки. В этой позиции руководства НАСПЦН проявилось полное непонимание того факта, что негритянскую проблему в США нельзя рассматривать и решать в узких национальных рамках, что необходим комплексный подход к решению негритянского вопроса.

Дюбуа твердо придерживался той точки зрения, что негритянскую проблему в США надо рассматривать и решать в тесной связи с негритянским вопросом в Африке, в Вест-Индии — в мировом масштабе. Эта позиция Дюбуа нашла отражение в его отношении к проблеме панафриканизма.

Отношения Дюбуа с руководством НАСПЦН обострились в годы кризиса 1929–1933 годов, который создал ряд новых сложных проблем в негритянском движении, подход к разрешению которых у Дюбуа и его оппонентов из НАСПЦН был различным. Кризис, в частности, привел к прекращению существования «Крайсиса». Невиданный по своей силе кризис уничтожил крупнейшие монополистические объединения с многомиллионными капиталами, и естественно, что скромный журнал, не имевший какой-либо серьезной финансовой основы, не мог долго противостоять разрушительной силе кризиса, который, подобно страшному урагану, в течение четырех лет свирепствовал в США и других капиталистических странах. Было удивительным, что журнал фактически пережил кризис. Только в 1933 году Дюбуа, придя к выводу, что он не в состоянии разрешить своих финансовых, организационных и идеологических противоречий с руководством НАСПЦН, предложил приостановить издание «Крайсиса».

В вопросе о судьбе журнала его редактор проявил завидную принципиальность. «Крайсис» был детищем Дюбуа, он создал этот журнал

и редактировал его на протяжении почти четверти века, но, когда стало ясно, что без финансовой помощи НАСПЦН журнал существовать больше не может, Дюбуа предпочел все же отказаться от этой помощи. Он прекрасно знал, что принятие этой помощи означало гибель «Крайсиса» как независимого печатного органа, установление над ним полного финансового контроля, а следовательно, и идеологической опеки консервативного руководства НАСПЦН. А Дюбуа уже в то время не имел никаких иллюзий на тот счет, что из себя представляло руководство НАСПЦН. Как писал редактор «Крайсиса», совет этой негритянской организации «олицетворял собою больше Капитал и Инвестиции, чем Труд и Социализм».

Отказ от «Крайсиса» и уход Дюбуа из НАСПЦН стали неизбежными после того, как четко определялись идеологические разногласия между Дюбуа и консервативным большинством руководства ассоциации. Уход из журнала и НАСПЦН был для Дюбуа делом очень нелегким, им было отдано четверть века жизни, здесь оставались не только идеологические противники, но и многие искренние друзья Дюбуа. Но остаться значило молчать и отказаться от всех своих принципиальных позиций, от всех своих планов в отношении борьбы за разрешение негритянской проблемы.

Уход из «Крайсиса» и ассоциации был предreshен, когда в ответ на одну из критических статей Дюбуа руководство НАСПЦН приняло 21 мая 1934 года резолюцию, в которой говорилось, что «Крайсис» — орган НАСПЦН и на его страницах никто из сотрудников ассоциации не может критиковать ее деятельность. После принятия этого решения Дюбуа подал заявление с просьбой незамедлительно освободить его от должности редактора «Крайсиса» и члена совета директоров НАСПЦН.

Уход Дюбуа, одного из основателей ассоциации и самого крупного в мире знатока негритянской проблемы, нанес бы тяжелый удар по престижу НАСПЦН, который и так был не на очень большой высоте. И вполне естественно, что просьба Дюбуа об отставке была отклонена и его попросили пересмотреть свое решение. После того как Дюбуа вторично заявил, что при создавшихся условиях его отставка неизбежна, совет директоров вынужден был дать согласие на отставку Уильяма Дюбуа.

Причем характерно, что совет директоров в связи с уходом Дюбуа дал исключительно высокую оценку его деятельности в НАСПЦН и в негритянском движении в целом. В своем решении совет директоров писал, что под руководством Дюбуа основанный им «Крайсис» добился огромной популярности, беспрецедентной в истории американской журналистики. «А идеи, которые д-р Дюбуа пропагандировал в журнале, так же как в

своих книгах и статьях, оказали столь сильное воздействие на негритянский мир, а также на многих представителей прогрессивного белого мира, что проблема взаимоотношений черной и белой рас приобрела теперь совершенно новый аспект. Он создал то, чего никогда раньше не существовало, — негритянскую интеллигенцию, и даже многие из тех, кто не читал его произведений, являются его идейными последователями и учениками. Без него ассоциация никогда не смогла бы стать тем, чем она была и является сейчас».

В решении говорилось о том, что совет директоров не может согласиться со многими заявлениями Дюбуа, в частности с его критическими высказываниями в адрес руководства ассоциации. Эти расхождения, отмечалось в решении, не умаляли, а даже усиливали значение его деятельности: «Его потому и пригласили на эту работу, что он отличался независимостью суждений, смело высказывал свои взгляды, обладал острым умом и необычайно широкой эрудицией».

И в заключение авторы этого решения писали: «Его уход будет для нас большой утратой, ибо, что касается научных изысканий и глубокого анализа жизненно важных для американских негров проблем, никто в ассоциации не сможет выполнять эту работу на таком же высоком уровне».

Выход Дюбуа из ассоциации содействовал прогрессу цветного населения подводил итог его продолжительной, на протяжении почти четверти века работе по организации движения негров, направленной против расовой дискриминации.

Со многими трудностями сталкивался Дюбуа за время своей работы в ассоциации. Особенно сложно стало работать в годы мирового экономического кризиса, который с особой силой ударил по трудящемуся негритянскому населению и создал дополнительные трудности для борьбы негров за равноправие.

Мировой экономический кризис 1929–1933 годов с особой силой обрушился на Соединенные Штаты, объем производства в основных отраслях промышленности сократился на 50 процентов, сельскохозяйственная продукция упала в цене с восьми с половиной до четырех миллиардов долларов. Заработная плата рабочих уменьшилась в среднем в два раза, а число безработных достигло чудовищной цифры — 17 миллионов человек.

Последствия кризиса были тем более катастрофическими, что никто не ожидал этого страшного бедствия, обрушившегося на страну в то время, когда буржуазная пропаганда настойчиво заверяла среднего американца, что наступил век вечного процветания, вечного процветания. Страшные

бедствия обрушились на трудящиеся массы страны — безработица, голод, бродяжничество, рост преступности, волна самоубийств.

Соединенные Штаты вступили в полосу стремительного крушения иллюзий. Дюбуа писал, что никогда американская нация не теряла в такой мере веру в себя, как в годы кризиса. Рухнули все привычные понятия, изменился смысл жизни. «Величайший символ американской жизни — золото куда-то исчезло. Хранилища его — солидные, величественные, роскошно обставленные здания банков — закрыли свои двери. Сбережения людей пропали, те, кто копил деньги, отказывая себе во всем, теперь проливали горючие слезы. Работы не было... Многие миллионы людей бродили по улицам без всякого дела, прося милостыню или все еще стыдясь ее просить. Куда девалась самая богатая страна на свете? Что случилось с самыми хитрыми, самыми умными, самыми удачливыми и находчивыми людьми на земле?»

С особой силой кризис ударил по трудящимся массам негров. Число безработных среди негров было вдвое больше, чем среди белых. Повсеместным явлением было то, что негров выбрасывали с работы, а на их место брали белых рабочих, чтобы как-то рассосать безработицу среди белого населения страны. Причем массовые увольнения негров имели место даже в тех отраслях промышленности, где были самые низкие ставки заработной платы. Вообще заработная плата рабочих-негров была в среднем на одну треть ниже, чем у белых рабочих. Положение негра-безработного было значительно хуже, чем у безработных-белых. Негр получал меньшее пособие, чем белый, его всемерно дискриминировали при получении пособия, негр, как правило, не имел никаких сбережений, что делало его положение особенно тяжелым при потере работы. И как всегда в период острых социальных потрясений, резко усилились антинегритянские настроения. За четыре года кризиса было подвергнуто линчеванию 150 негров.

Никогда на страну не обрушивалось столь страшного бедствия. Кризис был страшнее любой самой разрушительной и кровопролитной войны, страшней самой тяжелой эпидемии. Где был выход из положения? Как можно было хотя бы нейтрализовать страшно разрушительные последствия кризиса, которому, казалось, не будет конца?

Вполне естественно, что взоры негров обратились к негритянским организациям, которые считали себя политическими наставниками всего негритянского народа. Но буржуазно-либеральные организации негров, в том числе и НАСПЦН, были растеряны и подавлены. Казалось, рушились все устои буржуазного общества, и не видно было никаких перспектив на

улучшение положения. НАСПЦН ничего не сделала для улучшения положения негров, чему в немалой степени способствовали внутренние раздоры внутри руководства ассоциации, особенно обострившиеся в годы кризиса.

Для улучшения положения белых рабочих ничего не было сделано и лидерами крупнейшего профсоюзного объединения страны — Американской федерации труда (АФТ), и руководителями социалистического движения США. Единственной партией, бросившей все свои силы на борьбу за улучшение положения рабочих независимо от цвета их кожи, была Компартия США. Несмотря на свою малочисленность, компартия сумела добиться значительных успехов в борьбе за улучшение положения безработных. Под руководством коммунистов были проведены многочисленные демонстрации, забастовки, «голодные походы» безработных на Вашингтон, в которых активно участвовали и негры.

Кризис и его тяжелейшие последствия для трудящихся масс страны, для негров в первую очередь, поставили перед Дюбуа ряд серьезных вопросов. В чем причины кризиса? Почему белые капиталисты обрекают на муки безработицы не только черных, но и белых рабочих? В чем связь негритянской проблемы с проблемой рабочего движения в целом?

Дюбуа писал: «Когда в 1929 году наступил кризис и тысячи рабочих, черных и белых, были обречены на голодное существование, я стал прозревать». Было бы неправильным утверждать, что под влиянием мирового кризиса Дюбуа полностью пересмотрел свои взгляды на коренные проблемы капиталистического общества, постиг законы классовой борьбы и общественного развития, дал единственно правильное, марксистское понимание места негритянской проблемы в развитии американского общества. Нет, он только начал «прозревать», приходило к выводу, сколь противоречивые течения и тенденции оказывали влияние на его мировоззрение.

Годы кризиса еще раз со всей остротой поставили перед Дюбуа вопрос: в чем причины того, что подавляющая масса американских негров живет хуже белых? Он вновь обращается к социологическим исследованиям, тщательно анализирует жизненные условия негров. в масштабах всей страны. В 1939 году Дюбуа опубликовал сделанный им подсчет доходов негров. Из-за отсутствия точных статистических данных по ряду показателей брались приблизительные выкладки, но в целом подсчет был близок к истине. Результаты исследования Дюбуа свидетельствовали о том, что из 2 миллионов 800 тысяч негритянских семей 1 миллион 200 тысяч получали менее 500 долларов в год, 1 миллион

семей — от 500 до 1000 долларов и 600 тысяч семей — 1000 долларов и больше. Причем в последней группе только десять процентов семей получали свыше двух с половиной тысяч долларов в год.

Эти данные, опубликованные Дюбуа в печати, свидетельствовали о том, что жизненный уровень негров был значительно ниже уровня жизни белого населения страны.

Четверть века работы в ассоциации содействия прогрессу цветного населения, пребывание в самом эпицентре негритянского движения дали Дюбуа очень много для углубления его знаний негритянской проблемы, для выработки новых путей ее разрешения.

Огромная заслуга Дюбуа заключалась в том, что он, подобно Фредерику Дугласу, но в новой исторической обстановке, развернул знамя боевой массовой агитации за кардинальное решение негритянской проблемы. Благодаря Дюбуа журнал «Крайсис» превратился в главный центр идеологического воздействия на широкие массы негритянского народа. Можно полностью присоединиться к мнению Дюбуа, когда он заявлял: «Я думаю, я могу, не хвастаясь, сказать, что... я и мой журнал были главным фактором, который революционизировал отношение американских негров к расовой дискриминации. Как удары гонга, наши статьи пробуждали в неграх самосознание, веру в свои возможности и решимость к действию. Сила нашей пропаганды была такова, что самые популярные ныне лозунги негритянского народа родились именно из наших высказываний».

Дюбуа никогда не был присущ догматический подход к негритянской проблеме, к путям и средствам ее разрешения. Его тактика была гибкой, менялась в зависимости от изменения обстановки в стране, учитывала все нюансы, все сложности борьбы.

Большой заслугой Дюбуа являлось то, что он скоро понял и на практике претворял в жизнь единство действий между черными и белыми противниками расовой нетерпимости. И не будет преувеличением сказать, что в этом вопросе позиция Дюбуа была несравненно радикальней, чем позиция любого другого негритянского лидера, включая и великого борца за освобождение негров Фредерика Дугласа.

В начале своей деятельности Дюбуа считал, что негритянскую проблему можно будет разрешить в относительно короткие сроки и для этого достаточно будет энергичных усилий, направленных на научное изучение негритянского вопроса и распространение просвещения среди негров. Но, очевидно, уже тогда, когда Дюбуа перешел на работу в НАСПЦН и возглавил журнал «Крайсис», посвятив себя главным образом

пропагандистской работе, он в значительной мере пришел к выводу, что научных исследований и работы в области просвещения негров явно недостаточно для решения негритянской проблемы.

Постепенно Дюбуа пришел и к заключению, что нет надежд на скорое решение негритянской проблемы. Что расизм проник во все поры государственной, экономической, политической, общественной жизни страны, что расовые предрассудки слишком глубоко укоренились в США, чтобы можно было надеяться на их быстрое уничтожение. Четверть века пропагандистской работы, самое активное участие в повседневной борьбе негров за равноправие, постоянные контакты с различными кругами белого населения убедили Дюбуа в том, что борцам за уничтожение расовой дискриминации придется иметь дело не только с теми, кто заинтересован в раздувании расовой нетерпимости и получает от этого определенную выгоду. Дюбуа пришел также к выводу, что на «протяжении многих десятилетий придется сталкиваться с бессознательными привычками, глубоко уходящими своими корнями в нравы и обычаи народа». Умелая пропаганда, законодательные мероприятия, продуманные, разумные действия — вот средства, которые надо использовать против условных рефлексов расовой ненависти, чтобы преодолеть их».

Все эти сдвиги в отношении Дюбуа к негритянской проблеме произошли в значительной мере в период между двумя мировыми войнами, который сыграл важную роль в развитии идеологических взглядов выдающегося руководителя негритянского народа США. Именно в эти годы оформились взгляды Дюбуа на роль и место панафриканского движения в решении негритянской проблемы в США и в мировом масштабе. Он приходит к твердому убеждению, что американские негры могут успешно бороться за свои права, только выступая единым фронтом с неграми Африки, Вест-Индии, со всеми цветными народами мира.

Работая в ассоциации содействия прогрессу цветного населения с момента ее основания, Дюбуа лучше, чем кто-либо другой, видел, что НАСПЦН не успевает за ростом негритянского движения в стране, не может контролировать и направлять это движение. Дюбуа, постоянно находясь в центре негритянского движения, выступая с лекциями в сотнях городов страны, во всех уголках Соединенных Штатов, видел, что авторитет ассоциации среди негров и белых противников расовой дискриминации неуклонно падает.

И это был закономерный процесс, так как НАСПЦН проявляла неоправданную пассивность даже при решении вопросов, волновавших самые широкие слои негров и всех прогрессивных людей. Ассоциация, в

частности, долго колебалась, прежде чем включиться в активную борьбу за спасение негров — жертв судебного произвола в Скоттсборо, штат Алабама. И только после того, как жизнь негритянских юношей, осужденных в Скоттсборо, была спасена, благодаря в первую очередь усилиям компартии, ассоциация стала проявлять некоторую активность в этом деле.

Суть трагических событий в Скоттсборо заключалась в том, что девять негритянских юношей, в том числе один тринадцатилетний мальчик, были арестованы 21 марта 1931 года в городе Скоттсборо за то, что они будто бы изнасиловали двух белых женщин. Суд был скорый и неправый, это была настоящая судебная комедия — нарушение всех элементарных процессуальных норм. Все обвиняемые, за исключением мальчика, были приговорены местным судом к смертной казни на электрическом стуле.

Борьба за спасение жертв судебных линчевателей в Скоттсборо вышла за границы США, в нее включились многие зарубежные прогрессивные организации. Эта борьба велась несколько лет, и особенно важную роль в ней сыграли американские коммунисты. Расисты ожесточенно сопротивлялись, вынужденные отменить смертный приговор, они присудили негров к чудовищным срокам тюремного заключения, доходившим до 99 лет. Началась новая борьба за отмену решения расистского суда; о том, насколько она была трудной и длительной, свидетельствует тот факт, что последний осужденный по делу в Скоттсборо был выпущен на свободу только в 1950 году.

И тот факт, что НАСПЦН не принимала активного участия в этой борьбе, не мог не подрывать ее авторитета. Подобное отношение консервативного руководства ассоциации к нуждам негров все более обостряло отношения между ними и такими радикальными деятелями негритянского движения, как Дюбуа.

30-е годы явились важным рубежом в развитии негритянского движения, которое под воздействием кризиса 1929–1933 годов претерпело важные изменения. В 30-е годы, в частности, пересматривались многие традиционно сложившиеся взгляды негров, менялась их политическая ориентация, что убедительно доказала избирательная кампания 1932 года по выборам президента страны.

В ходе этой кампании негры сделали первый решительный шаг к разрыву с республиканской партией, партией «освобождения рабов». Уже «компромисс Хейса — Тилдена» 1877 года, открытое предательство негров республиканцами в результате этого «компромисса» свидетельствовало о том, что негры не могут рассчитывать на поддержку республиканцев.

Последующие десятилетия показали, что по мере развития империализма республиканская партия быстро превращалась в партию крупного капитала, партию Уолл-стрита. И тем не менее большинство негров продолжали по инерции поддерживать республиканцев, с партией которых были связаны воспоминания об Аврааме Линкольне, об уничтожении рабства.

Правда, уже в 90-х годах, в период подъема популистского движения, многие негры отдавали свои голоса независимым кандидатам В 1896 году Дюбуа и многие другие негры активно поддержали Брайана. В 1911 году была создана так называемая прогрессивная партия, отколовшаяся от республиканцев, которая получила в ходе избирательной кампании 1912 года активную поддержку со стороны Дюбуа и других лидеров негров. Но отказ «прогрессистов» поддержать требования негров заставил Дюбуа и ряд других влиятельных деятелей негритянского движения поддержать кандидата демократов на пост президента Вудро Вильсона, который дал широкообещательные обещания неграм.

Но 1932 год знаменателен тем, что на этот раз в ходе избирательной кампании за демократов голосовали не только отдельные негритянские лидеры, но и широкие круги избирателей-негров. Во время выборов президента в 1932 году большинство негров, имевших право голоса, — около двух миллионов человек — голосовало против республиканской партии. Активной поддержкой избирателей-негров демократическая партия пользовалась и на выборах 1936, 1940 и 1944 годов.

Победа Рузвельта на выборах 1932 года привела к серьезному изменению соотношения сил на политической арене страны. Дюбуа писал, что «началась тринадцатилетняя эра правления молодого аристократа, который вступил на политическую арену, когда его прекрасное тело уже было безнадежно искалечено тяжелой болезнью. Он, знавший, что такое мужество, обратился к нации с призывом:

— Нам нечего бояться, кроме самого страха!»

С приходом к власти Франклина Рузвельта многие лидеры негров, в том числе и Уильям Дюбуа, связывали серьезные надежды на улучшение положения негров. Однако будущее показало, что каких-либо коренных улучшений для негров «новый курс», провозглашенный Рузвельтом, не принес. Это был еще один удар, и, пожалуй, один из самых тяжелых, по буржуазно-либеральным иллюзиям Дюбуа и других прогрессивно настроенных лидеров-негров.

Основные мероприятия «нового курса» проводились в жизнь уже после того, как Дюбуа вышел из НАСПЦН и не принимал столь активного,

как раньше, непосредственного участия в негритянском движении.

С 1934 года Дюбуа вновь вернулся в Атлантический университет. Вместе с ректором университета Джоном Хоупом Дюбуа развернул бурную деятельность, направленную на то, чтобы превратить Атлантический университет в самое лучшее высшее учебное заведение на Юге США. Деятельность эта, наталкиваясь на многочисленные препятствия, проходила с переменным успехом. Успехов стало значительно меньше, а препятствий несравненно больше, когда в 1936 году неожиданно скончался Джон Хоуп, горячий энтузиаст высшего образования для негров.

Как истинный ученый, Дюбуа прекрасно понимал, что наука не может развиваться без постоянного воспроизводства кадров научных работников. И он уделял огромное внимание решению этой проблемы; как и в первый раз, когда он работал в Атлантическом университете, Дюбуа половину своего времени отдавал занятиям с аспирантами. Многие из его аспирантов получили потом ученые степени и успешно продолжали дело своего учителя.

Опираясь на активную поддержку Джона Хоупа, Дюбуа решил возродить в Атлантическом университете изучение истории и современного положения негров. И опять встала вечная проблема — где изыскать средства на эти научные исследования. С большим трудом была найдена небольшая сумма на проведение подготовительных — работ, и в апреле 1941 года Дюбуа созвал первую конференцию, в работе которой приняли участие многие видные деятели, работавшие в негритянских университетах и колледжах.

Но дальнейшая работа застопорилась из-за отсутствия средств, и Дюбуа пришлось совершить продолжительные поездки по всем негритянским учебным заведениям Юга, чтобы объединить усилия негритянских университетов и колледжей в деле изучения негритянских проблем. В реализации своих планов Дюбуа столкнулся не только с обычными трудностями финансового и организационного порядка. США вступили во вторую мировую войну, и это во много раз усложнило решение вопроса о возобновлении научных исследований истории и современного положения негров.

Дюбуа проявил огромную силу воли, колоссальную энергию и настойчивость, затратил уйму времени, но все же в апреле 1943 года созвал в Атлантическом университете первую конференцию государственных негритянских колледжей с целью согласования программы социологических исследований. В работе конференции приняли участие 34 человека от 30 учебных заведений. Совещание носило не только

организационный характер, было зачитано много интересных докладов и сообщений, сделан ряд выставок...

Дюбуа с огромным воодушевлением занимался организацией и проведением этих научных изысканий, видя в них не только важный вклад в науку, но и с полным основанием рассматривая их как важную практическую помощь неграм и в борьбе за завоевание равных прав с белыми. Дюбуа был глубоко прав, считая, что изучение положения негров во время и после войны будет иметь исключительно важное значение для успешного руководства в будущем негритянским движением. «В период социальных перемен, — писал Дюбуа, — усилятся расовые конфликты, увеличатся нужда и безработица. В такой момент нам нужно располагать точными, тщательно проверенными социологическими критериями, надежной техникой и методикой исследований, в период больших социальных сдвигов не будет ни времени, ни возможности начинать новые тщательные исследования. Если мы начнем сейчас изучение экономических и социальных условий жизни негров и проведем его в масштабе всей страны, то в период послевоенного затишья оно будет служить ценным руководством для переустройства общества и установления прочного мира в стране».

Весной 1944 года планировалось созвать вторую конференцию представителей негритянских учебных заведений, согласившихся принять участие в коллективных исследованиях негритянской проблемы. Но этим планам не суждено было сбыться, так как руководителя этих работ Уильяма Дюбуа без всякого предупреждения уволили в отставку с должности профессора и декана факультета социологии Атлантского университета.

Это была настоящая катастрофа, крушение всех жизненных планов и, главное, полный крах научной работы, составлявшей смысл его жизни, работы, которая началась столь успешно и обещала в будущем дать блестящие результаты. Это был удар, от которого мало кто мог оправиться. В семьдесят шесть лет оказаться без работы, без каких-либо значительных сбережений и без надежды получить какой-либо устойчивый источник существования для себя и своей семьи — от всего этого можно было полностью потерять присутствие духа.

Особенно тяжело было сознавать, что погибли результаты огромных усилий, что научные исследования, сулившие огромные перспективы, не были осуществлены и к ним никогда больше уже не возвращались. Дюбуа с горечью писал на склоне своих лет: «Крушение этого плана нанесло ущерб, о котором я до сих пор не упоминал. Наш план сулил исключительные возможности для экспериментов в области социологии, для анализа и

классификации деятельности людей в очень широком объеме; он безусловно получил бы достаточные средства и смог бы привлечь лучшие научные силы нашей страны, а может быть, и всего мира. На этой основе могла быть построена подлинно научная социология, но возможность была упущена, и от этого пострадала вся социологическая наука».

Дюбуа, как подлинный ученый, меньше всего видел в своем увольнении личную трагедию, на первом месте у него были интересы науки и тот ущерб, который прекращение исследования негритянских проблем наносило общественным наукам в целом и социологии в первую очередь. Дюбуа стоял у колыбели той науки, которая позднее была названа социологией, в ее развитие он внес большой вклад, который признается сегодня во всех странах мира. И если в настоящее время социология заняла почетное место в ряду других общественных наук, то в этом безусловно большая заслуга доктора Уильяма Дюбуа.

Но в то время когда Дюбуа лишили права руководить величайшим в мире социологическим экспериментом, эта наука еще не получила своего признания. «В самом деле, — писал Дюбуа, — в наше время социология еще не нашла заслуженного признания, почти ни один ученый не называет себя социологом, и очень немногие учебные заведения присваивают ученые степени за работы в области социологических наук».

Глава XII

«ЕСЛИ ТО, ЧТО Я ВИДЕЛ И СЛЫШАЛ В РОССИИ, — БОЛЬШЕВИЗМ, ТО Я БОЛЬШЕВИК»

Большой моральной поддержкой для Дюбуа являлось то, что после его увольнения из Атлантского университета он получил приглашение поступить на работу в университеты Говарда и Фиска и в негритянский колледж штата Северная Каролина. Аналогичное предложение пришло и из ассоциации содействия прогрессу цветного населения.

Последнее предложение было поддержано настоятельными просьбами двух близких друзей Дюбуа и членов руководства НАСПЦН Артура Спингарна и Луиса Райта. Дюбуа очень скептически относился к генеральному секретарю ассоциации Уолтеру Уайту, диктаторские методы руководства которого он решительно отвергал. Но он принял приглашение НАСПЦН, рассчитывая, что его огромный опыт полувековой работы в негритянском движении, глубокое знание негритянской проблемы, выдающиеся заслуги в науке, авторитет одного из создателей этой организации — все это оградит его от диктаторских поползновений генерального секретаря и даст возможность выполнить ту программу, которую он наметил для себя, возвращаясь в НАСПЦН.

Дюбуа надеялся, что он не будет занимать никакого руководящего поста в ассоциации, а будет находиться на положении советника, заниматься литературным трудом и попытается возродить panafricanское движение.

Руководство НАСПЦН отнеслось без должного уважения к ветерану негритянского движения и к маститому ученому. Дюбуа просил, чтобы ему предоставили две комнаты — одну для него и библиотеки, вторую для секретаря. Четыре года проработал Дюбуа в НАСПЦН, но ему за все это время так и не были созданы элементарные условия для работы. Семидесятишестилетнему ученому пришлось довольствоваться одной небольшой комнатой для себя и для секретаря, в которой было сложено и все их имущество. Со всех этажей здания в комнату доносился шум, не дававший возможности сосредоточиться. «Только писатель может понять, — писал Дюбуа, — что значит отсутствие удобного помещения».

Несмотря на преклонный возраст, Дюбуа работал с большим напряжением. За четыре года пребывания в ассоциации он написал две книги о колониях и об Африке, отредактировал две другие книги и написал целую серию брошюр и статей в журналы и газеты. Он участвовал в работе нескольких конференций, в частности принял в 1945 году участие в работе пятого Panaфриканского конгресса в Лондоне, где его восторженно встретили как основателя panaфриканского движения. Дюбуа писал, что он проехал 20 тысяч миль и прочитал 150 лекций о работе НАСПЦН. В течение двух семестров он преподавал в новой школе социальных наук в Нью-Йорке и периодически читал лекции в Вассарском, Йельском и Принстонском университетах.

Даже этот далеко не полный перечень проделанной им работы свидетельствует о том, что престарелый ученый был полон сил и энергии, он горел желанием использовать весь свой огромный опыт для дела борьбы за освобождение своего народа от расового угнетения.

Но условий для успешной деятельности на этом поприще в ассоциации не было. Уолтер Уайт попытался сделать то, что в свое время не удалось Букеру Вашингтону, — превратить ученого с мировым именем, выдающегося писателя в автора-невидимку, в составителя речей и докладов. И главное заключалось в том, что реакционное руководство ассоциации хотело, чтобы Дюбуа говорил, писал и делал только то, что соответствовало их интересам.

Дюбуа за свою долгую жизнь немало ошибался, менял свои точки зрения, убедившись в их неправильности, но всегда он был независимым человеком и всегда говорил и делал так, как ему подсказывали его убеждения. Когда он убедился, что его радикальные взгляды не устраивают консервативное руководство, что в ассоциации ему не удастся проводить независимую политику, Дюбуа принял в 1948 году решение уйти из НАСПЦН.

Уход из Национальной ассоциации содействия прогрессу цветного населения, увольнение из Атлантского университета — все это явилось не только следствием того, что Дюбуа не сработался с теми или иными деятелями консервативного толка. Причины его ухода и из университета и из НАСПЦН были более глубокими и серьезными, в основе их были прогрессивные взгляды Дюбуа, его вера в социалистические идеалы, в коммунизм и полное отсутствие желания скрывать эти свои взгляды.

Путь Дюбуа к коммунистической идеологии был длителен и извилист, он пролегал через настоящий лабиринт буржуазно-реформистских, а нередко и националистических воззрений, но тяжелый путь борьбы за

освобождение негров, богатый семидесятилетний опыт самого активного участия в борьбе за уничтожение расовой и национальной дискриминации в мировом масштабе, глубокие знания в области общественных наук и, далеко не в последнюю очередь, бескомпромиссная честность — все это в конечном счете привело Дюбуа в ряды коммунистов, самых последовательных борцов за равноправие всех народов.

Интернационалистские взгляды Дюбуа начали формироваться еще в период его учебы в Гарварде. Он совершил пятнадцать путешествий за границу, в том числе одно кругосветное, что в огромной мере способствовало развитию его интернационалистических взглядов. «К 1945 году, — вспоминал Дюбуа, — после второй мировой войны, все эти контакты с другими странами и народами и изучение международных проблем в их сочетании с расовой проблемой Америки помогли мне привести свои мысли в довольно стройную систему. Я пришел к твердому убеждению, что первым шагом к решению мировых проблем является Мир на Земле».

Дюбуа рано услышал имя Маркса, он проявлял большой интерес к деятельности социалистов в Германии и Америке, сам был некоторое время членом социалистической партии США. Но настоящий интерес к марксизму у него пробудился в годы первой мировой войны и особенно после Октябрьской социалистической революции в России. Дюбуа вспоминал, что именно тогда он принялся читать Маркса. «Его идеи потрясли меня. Я невольно задумывался, какие еще области знаний были скрыты от меня в те годы, когда я получал свое «широкое» образование».

В 1928 году Дюбуа впервые посетил Советский Союз. Направляясь в Советскую Россию, он знал очень мало об этой стране. Дюбуа вспоминал, что о России он впервые узнал из книг в 80-х годах, когда еще учился в школе. Дюбуа с горячим сочувствием относился к русским крестьянам, которые были освобождены от крепостной зависимости примерно в то же время, когда освободились от цепей рабства и негры Америки. Дюбуа уже тогда обратил внимание, что и негры и русские крестьяне после освобождения по-прежнему прозябали в нищете и невежестве.

Дюбуа отмечал, что он очень слабо откликнулся на социалистическую революцию в России, что все его чувства и мысли поглощал самосуд озверевшей толпы и линчевания негров, нарушение их гражданских и политических прав, проповедь ненависти к неграм как к низшей расе, проводившаяся многими американскими учеными. Важным этапом в развитии своих социалистических взглядов Дюбуа считал поездку в Европу на первый Panaфриканский конгресс, когда он смог ознакомиться с

развитием рабочего движения, осознал подлинное значение русской революции.

По возвращении в США Дюбуа имел очень отрывочную и, как правило, совершенно необъективную информацию о Советской России, которая не могла дать даже приблизительно правильного представления о великих свершениях на родине социализма.

Вскоре Дюбуа представилась возможность посетить Советский Союз и увидеть своими глазами великую, далекую и непонятную страну. Вспоминая обстоятельства, связанные с его первой поездкой в СССР, Дюбуа рассказывал, что в 1926 году, как-то утром, к нему в кабинет вошли трое русских — умудренная жизненным опытом супружеская пара и с ними светловолосый гигант, полный энергии и энтузиазма. «Они хотели заручиться моей поддержкой, чтобы помочь Советскому Союзу добиться дипломатического признания со стороны американского правительства. Такая наивность, — вспоминал Дюбуа, — вызвала у меня улыбку. Я объяснил, что особого влияния не имею и считаюсь в Америке всего-навсего гражданином второго сорта».

Дюбуа ответил им, что не может даже принять их предложение пойти пообедать, так как ни в одном приличном ресторане Нью-Йорка не будут обслуживать негра, что он может в любой момент подвергнуться оскорблению и насилию. Русские продолжали настаивать: «Ведь вы выступаете на собраниях и в печати перед одиннадцатью миллионами негров, да и многие белые к вам прислушиваются». Дюбуа пришлось признаться, что он мало знает о России, о том, что там произошло и происходит, что у него нет фактов и он не знает, откуда их черпать, а не имея фактов, он не мог писать. «Если так, — возразили они, — то почему бы вам не побывать в России? Тогда вы сможете все посмотреть своими глазами».

И Дюбуа поехал в Россию. В течение двух месяцев он путешествовал по Советскому Союзу, побывал в Ленинграде, Москве, Нижнем Новгороде, Киеве, Одессе. Два месяца небольшой срок, который не дает возможности по-настоящему познакомиться с другой страной, тем более такой огромной, как Советский Союз. Спустя тридцать с лишним лет после этой поездки Дюбуа писал: «Ни с одной страной нельзя ознакомиться за месяц или даже за год. Это в первую очередь относится к такой обширной стране, как ваша, которая к тому же непрерывно движется вперед, и такими стремительными темпами, что просто захватывает дух. Многое, конечно, зависит от того, какими знаниями о стране обладает приезжий, от его склонностей и предрасположений. Я не владею русским языком, ибо родился в середине

девятнадцатого столетия, когда даже некоторые русские предпочитали разговаривать по-французски». Но Дюбуа отмечал, что у него было то преимущество, что он как негр испытывал глубокую симпатию к русским крестьянам, пережившим крепостничество, мало чем отличавшееся от рабства негров в США.

Во время своего пребывания в СССР Дюбуа посещал школы, заводы, церкви и частные дома, беседовал с рабочими, служащими и крестьянами. Он видел бедность, неграмотность и тяжкий труд, беспризорных, разгребающих мусорные ямы, руины, оставленные гражданской войной, недостаток продуктов и обноски, в которых ходили люди. Но все эти последствия разрушительной гражданской войны и трудностей восстановительного периода не заслонили перед его взором главного, чего не смогли рассмотреть в то время многие зарубежные наблюдатели. «И все же, — вспоминал Дюбуа об этой поездке, — Россия была и, на мой взгляд, остается до сих пор самой многообещающей страной современного мира. Никогда до этого мне не приходилось видеть среди простого, трудового народа, в прошлом столь же отсталого, нищего, суеверного и запуганного, как и наши американские негры, такого множества людей, воодушевленных надеждой, людей, в чьих глазах сверкает столько решимости, как среди крестьян и рабочих России».

Огромное впечатление на Дюбуа произвела неподдельная симпатия, с которой относились советские люди к нему как к представителю американских негров. Именно симпатия, дружеское расположение, а не любопытство, не сенсационный интерес, с чем он неоднократно встречался во время своих многочисленных поездок в Европу.

Во время этого первого посещения СССР Дюбуа на собственном опыте убедился, какова цена той информации, которую публиковала о Советском Союзе уважаемая буржуазная пресса. Дюбуа был страшно поражен, когда прочитал в «Нью-Йорк тайме», что в Кронштадте началась революция и его улицы «залиты кровью». Сообщение было датировано тем самым днем, когда он побывал в этом городе.

Дюбуа поразила огромная созидательная сила народа, строившего новое общество. Для него, мечтавшего создать систему образования для своего народа и положившего много сил для реализации этих планов, было приятной неожиданностью увидеть, как много делалось в СССР уже в те трудные годы для создания системы народного образования. Он видел проницательные методы воспитания бездомных сирот. Он собственными глазами увидел, каким вниманием и почетом окружен в Советском Союзе человек труда.

От взора внимательного американского наблюдателя не укрылось то, что человек, освобожденный от капиталистической эксплуатации, живет полноценной духовной жизнью. Советские люди еще плохо питались и одевались, жили в плохих жилищных условиях, но картинные галереи и театры были переполнены, строилось много школ, больниц, культурно-бытовых учреждений.

Возвратившись в Соединенные Штаты, Дюбуа на страницах «Крайсиса» и других изданий рассказал всю правду о виденном в Советском Союзе. Дюбуа писал, что жилой фонд в СССР находился в довольно запущенном состоянии, но рабочие получают квартиры в первую очередь и самые лучшие из тех, которые можно предоставить. Он подчеркивал, что советские рабочие занимают ключевые политические позиции, что они тянутся к свету, к знаниям, очень многие из них посещают театры и музеи. Дюбуа писал, что если в США существует идолопоклонство в отношении миллионеров, то в СССР — культ рабочего. Коммунисты, отмечал Дюбуа, верят в плюрализм культуры, они создают условия для развития культуры у всех народов и этнических групп, создают все условия для того, чтобы *они* достигли высокого уровня развития. И с особым удовлетворением он отмечал полное отсутствие расовых предрассудков в Советском Союзе: «Во Франции на меня обращали внимание, в Англии ко мне относились с некоторым любопытством, в то время как в Москве, если мне приходилось сидеть рядом с белой женщиной, никто, казалось, не замечал меня. Необычайная это страна».

Именно после своей первой поездки в СССР Дюбуа сказал: «Если то, что я видел и слышал в России, — большевизм, то я большевик».

Огромное влияние оказала поездка в СССР на формирование мировоззрения Дюбуа, на развитие его идеологии, на взгляды Дюбуа на пути разрешения негритянской проблемы в США. Дюбуа отмечал, что именно после посещения Советской России он пришел к выводу, насколько ошибочно сложившееся у них, американских негров, мнение, что предоставление неграм права голоса решит все проблемы: негры получают хорошо оплачиваемую работу, ликвидируют неграмотность, покончат с болезнями, преступностью и всем тем, что характерно для тяжелого положения негров в США. Именно после посещения СССР Дюбуа пришел к твердому убеждению, что нищета негров — прямое следствие расовой дискриминации и сегрегации. Поездка в Советский Союз помогла Дюбуа освободиться и от широко распространенной среди негров иллюзии, что создание независимой негритянской экономики явится важным этапом на пути окончательного решения негритянской проблемы. Дюбуа сделал

вывод о том, что участие кучки негритянских капиталистов наравне с белыми в эксплуатации народных масс отнюдь не является решением негритянской проблемы, что это может лишь навеки заковать негров в цепи рабства.

Дюбуа неоднократно подчеркивал, что становление и развитие его идеологических взглядов являлось длительным и противоречивым процессом. «Многие годы, — писал Дюбуа, — у меня не было твердой идеологической линии. Я пропагандировал социализм сначала как программу освобождения негритянской расы, потом как программу общенациональной борьбы, а после поездки в 1958 году за границу пришел к выводу, что весь цветной мир и та часть белого мира, которая готова отказаться от колониализма и капитализма, должны примкнуть к всемирному социалистическому движению, ведущему в конечном итоге к коммунизму».

К этому выводу Дюбуа пришел только к концу своей жизни, на протяжении многих десятилетий он изменял свои взгляды на социализм, прежде чем воспринял марксистское учение. В годы учебы под социализмом он понимал улучшение условий труда и повышение заработной платы, ликвидацию эксцессов во взаимоотношениях между предпринимателями и рабочими, он не связывал социализм с глубоким изучением марксизма. В тот период для Дюбуа программой-максимум в негритянском вопросе являлось установление для негров тех же экономических возможностей, которыми располагали белые.

Дюбуа не понимал еще, что белые рабочие также подвергаются жесточайшей эксплуатации со стороны капиталистов. Благодаря своим социологическим исследованиям он прекрасно знал положение негров, но не имел почти никакого представления об истории рабочего движения в США. Дюбуа признавал, что его возмущали линчевания негров, но не трогали расправы армии, полиции и наемных бандитов над бастовавшими белыми рабочими, так как он знал, что эти рабочие не допустят, чтобы негр работал или жил рядом с ними. «Лишь с трудом, — писал Дюбуа, — я преодолел эту узость взглядов и уяснил ту истину, что положение белых рабочих в основном аналогично положению черных, даже если случается, что белые рабочие способствуют угнетению негров».

Кратковременное пребывание в Советском Союзе в 1928 году заставило Дюбуа взглянуть другими глазами на социализм, на коммунизм. Как настоящий большой ученый, он хотел понять природу нового общественного строя, увиденного им в Советской России, а для этого надо было изучить марксизм. Такая благоприятная возможность представилась

Дюбуа, когда он в 1934 году поступил на работу в Атлантический университет. Он запланировал несколько лекционных курсов, один из которых посвятил коммунизму.

Со стороны Дюбуа это был смелый и даже рискованный шаг. На Юге США, в питомнике расизма преподавать студентам-неграм коммунизм — на это мог решиться далеко не каждый. В основу своего курса Дюбуа положил «Коммунистический манифест», у него была также хорошая учебная библиотека по вопросам социализма и коммунизма, лучше которой вряд ли кто имел в то время во всех южных штатах.

Начав изучение коммунизма, Дюбуа поступил как подлинный новатор. Правда, сегодня во многих университетах и колледжах США изучают коммунизм, точнее, студенты проходят курс лекций и семинарских занятий по антикоммунизму. Но совсем иной характер носили занятия, проводившиеся Дюбуа, это было творческое, подлинно научное изучение основ коммунизма. «У меня, — вспоминал Дюбуа, — не было и мысли о пропаганде. Ни тогда, ни когда-либо ранее я не был членом коммунистической партии, но я видел рост социализма, верил в возможность построения коммунизма и был убежден, что программа высшего учебного заведения не может игнорировать это великое всемирное движение. Я читал лекции и одновременно учился сам».

Интерес к научному коммунизму, стремление понять грандиозные события, происходившие в России, были вызваны у Дюбуа, как и у многих других деятелей, не только практикой социалистического строительства в России, но и тяжелейшими последствиями мирового экономического кризиса 1929–1933 годов.

Невольно возникал вопрос: почему весь мир охвачен не виданным никогда ранее кризисом, а социалистическая экономика оказалась невосприимчивой к этому страшному бедствию? В чем причина огромной популярности коммунистических идей?

Не только Дюбуа, но и ряд других деятелей негритянского движения все более оживленно комментировали вопросы, связанные с распространением коммунистической идеологии в США и в других странах. Это находило свое отражение и на страницах негритянской прессы. Виргинский еженедельник «Джорнэл энд Гайд» писал: «Коммунизм — это идеал, завоевывающий умы все большего числа обитателей земного шара, цель которого — улучшить жизненные условия бесправных слоев населения и предоставить в распоряжение тружеников справедливую долю плодов их труда». Пенсильванский еженедельник «Трибюн» приветствовал идеалы русских, «потому что они вселяют в нас

надежду на равноправие, которого Америка лишает негров». Издававшийся в Балтиморе «Афроамерикэн» прямо заявлял: «Ни одна партия, кроме коммунистов, не проповедует открыто экономическое, политическое и социальное равенство для негров».

Эти и многочисленные аналогичные высказывания свидетельствовали о том, что негритянское движение США все с большим интересом обращалось к коммунизму, пытаясь понять его философскую, экономическую, политическую сущность. И вполне естественно, что Дюбуа, который к этому времени уже более тридцати лет был одним из самых активных деятелей негритянского движения, возглавлял научный штаб этого движения, с особым интересом относился к коммунистическому движению и к коммунистической идеологии. Подводя своеобразный итог дискуссии в негритянском движении по проблемам коммунизма, Дюбуа заявлял на страницах «Крайсиса»:

«Вопрос, по существу, сводится к следующему: является ли коммунизм, каким мы его видим в России и Америке, теорией, полезной как для всего мира, так и для американских негров? Мир поражен недугом. Многочисленные экономические проблемы, опутавшие его, усложнены проблемой расовых предрассудков... Именно капитализм оставил миру это зловещее наследие нищеты, неустроенности и расовых предубеждений. А подобные проблемы должны быть разрешены, и только путем исканий, исследований и экспериментов негры, как и белые, смогут найти разумный выход».

Этот выход неустанно искал сам Дюбуа. Творчески подходя к опыту построения социализма в СССР, тщательно изучая теорию марксизма, Дюбуа продолжает научные изыскания в области негритянской проблемы, пытаясь найти для нее социалистическое решение.

Побывав в Советской России, Дюбуа уже никогда не выпускал из поля зрения «величайший в мире эксперимент», как он любил говорить, о строительстве социалистического общества в нашей стране. Но скудость информации не позволяла получить полного и правильного представления о всемирно-исторических событиях, развертывавшихся в огромной стране, занимавшей одну шестую часть планеты. Публиковавшаяся американской и европейской буржуазной печатью информация о Советском Союзе была не только отрывочна и неполна, но и, как правило, необъективна. До Дюбуа доходили слухи о голоде среди крестьян, о борьбе с кулачеством и предательством. Падкая на сенсацию американская печать чудовищно раздувала трудности, с которыми сталкивался советский народ, умело скрывая за этой инспирированной газетной шумихой огромные достижения

первой в мире страны социализма.

Во всяком случае, нельзя сказать, что после возвращения из СССР Дюбуа имел информацию, которая могла помочь составить хотя бы приблизительно верное представление о великих свершениях в великой стране. С тем большим интересом Дюбуа использовал предоставившуюся ему в 1936 году возможность еще раз побывать в Советском Союзе и собственными глазами увидеть то, что вызывало столь противоречивые отзывы и оценки. Дюбуа с большим удовольствием поехал в СССР, так как давно пришел к выводу, что личные впечатления от пребывания в стране дают единственно правильное и всестороннее представление о всех ее особенностях.

В 1936 году Фонд памяти Карла Шурца предоставил Дюбуа средства для поездки в Германию с целью изучения промышленного образования. На обратном пути он посетил Советский Союз, Китай и Японию.

Проезжая через всю страну по Транссибирской магистрали, Дюбуа в течение десяти дней внимательно наблюдал огромную панораму, которая, как гигантский свиток, разворачивалась изо дня в день по мере продвижения поезда на восток. Поезд шел медленно, подолгу стоял на остановках, что давало возможность рассмотреть изумительной красоты пейзажи, большое индустриальное строительство, увидеть огромную, почти безграничную страну. Дюбуа писал о своей второй поездке в Советский Союз: «Я видел Москву, переживавшую первый период великой реконструкции. Мой путь лежал через Казань и Омск, через Уральские горы, великие сибирские степи и Байкал. Я видел отблески заводов, работающих для того, чтобы преобразовать советскую промышленность. Я имел возможность обсуждать вопросы социализма».

За десять лет, прошедших со времени первого приезда Дюбуа в Советский Союз, были достигнуты огромные успехи в деле строительства социализма, и главное впечатление, которое он вынес от поездки в СССР, — решимость многонационального советского народа построить социализм. Дюбуа был в числе тех передовых деятелей науки и культуры, которые поняли и оценили величайшее всемирно-историческое значение успехов социалистического строительства в СССР. Он считал, что ни одно событие в мире со времени открытия Америки и французской революции не может сравниться по своему значению с социалистической революцией в России.

И, как искренний друг нашей страны, он все с большей тревогой следил за подготовкой империалистической агрессии против первого в мире социалистического государства.

Побывав в 1936 году в Германии, Дюбуа был поражен ди кой антисоветской пропагандой, которая велась там изо дня в день. Пропагандистский аппарат фашистской Германии работал на полную мощь, извергая потоки клеветы на коммунизм, приписывая ему всяческие преступления, предрекая его неизбежный крах. В Германии открыто говорили о неизбежности войны с СССР, о необходимости уничтожения этого «колосса на глиняных ногах» и решения всех проблем за счет поверженного Советского Союза. После пребывания в Германии Дюбуа стало ясно, что поддерживаемая другими империалистическими державами фашистская Германия готова бросить все свои силы против первого в мире социалистического государства.

Здесь, в Германии, Дюбуа еще раз убедился, что расизм отнюдь не привилегия господствующих кругов США, что в других империалистических странах расизм проявляется не только по отношению к колониальным народам, но и к нацменьшинствам внутри страны.

Дикий разгул антисемитизма в Германии живо напомнил Дюбуа оргии расового насилия на его родине. Герой трилогии Дюбуа «Черное пламя», видный негритянский педагог и общественный деятель Мануэл Мансарт незадолго до второй мировой войны посещает фашистскую Германию. Рассказывая об этой поездке Мансарта, Дюбуа пересказывал свои впечатления о пребывании в Германии в 1936 году.

Страшно неприятный осадок оставался, например, от пребывания в зале, где показывали кинохронику о матче по боксу между известным негритянским боксером Джо Луисом и немцем Шмелингом. Зрители бились в нервном припадке, в зале стоял невообразимый шум, казалось, еще немного, и начнется всеобщее побоище. Это была настоящая демонстрация расизма. «Зрители, — писал Дюбуа, — буйно «болели» за немецкого боксера. Шовинистическая враждебность публики к его молодому темнокожему сопернику не знала границ. А когда Луис был нокаутирован, зрителей охватило настоящее исступление. Можно было подумать, что это святой Георгий совершил свой подвиг, победив дракона».

Дюбуа никогда не был особым поклонником спорта, он считал, что не может растрачивать свое время на бейсбол, но описание Олимпийских игр 1936 года в Германии, которые он наблюдал, могло бы сделать честь любому спортивному журналисту.

Одной из главных задач Олимпийских игр является укрепление дружбы, мира и взаимопонимания между народами. И словно в насмешку над здравым смыслом эти игры были проведены в стране, которая возвела расизм, ненависть к другим народам в ранг официальной государственной

Политики. На многих международных соревнованиях негритянские спортсмены неоднократно прославляли США своими выдающимися достижениями. Так было и во время Олимпийских игр 1936 года. Блестящего успеха на этих играх добился маленький и гибкий Оуэнс, победив на двух спринтерских дистанциях — в беге на сто и двести метров, а также в прыжках в длину, где он установил мировой рекорд, который много лет был незыблем. Высокий и сухощавый Вудраф, отливающий бронзой, напоминающий статую античного атлета, победил в беге на восемьсот метров. Громадный чернокожий Джонсон уверенно выиграл прыжки в высоту.

Настоящие спортсмены и любители спорта всегда выше всех расовых и национальных предрассудков. И, очевидно, на берлинском стадионе большинство зрителей относилось к числу людей, не пораженных бациллой расизма. Во всяком случае, стадион бурными аплодисментами приветствовал успехи негритянских спортсменов. И тогда Гитлер, болезненно склонный к саморекламе и щедро расточавший комплименты в адрес победителей из числа белых спортсменов, покинул стадион. Это был знак открытого пренебрежения к спортсменам-неграм.

Много подобных и более вопиющих фактов расизма наблюдал Дюбуа в фашистской Германии. И это заставляло еще раз задуматься над вопросом о том, что расизм является неизбежным спутником империалистической реакции.

И тот факт, что острие фашистской политики, основывавшейся на расизме, было направлено против Страны Советов, еще раз доказывал Дюбуа, что Советский Союз является подлинным оплотом мира и дружбы между всеми народами.

Дюбуа, выдающийся историк и социолог, побывавший во многих странах мира, много видевший и умудренный богатым жизненным опытом, воспринимал жизнь не как скопление случайных событий, а старался выявить закономерности в развитии этих событий. Его глубокие знания и богатейший опыт подсказывали, что назревают страшные события, что силы империалистической реакции готовят новую мировую войну.

Правда, обстановка была теперь совершенно иной, чем в канун первой мировой войны. И главное отличие состояло в том, что «великий эксперимент» завершился блестящим успехом. Россия из отсталого, ослабленного и истощенного войнами государства превратилась в могучую индустриальную державу, обладающую первоклассной армией. Но тревожило то, что против социалистической страны открыто складывался военно-политический блок фашистских держав, пользовавшийся активной

поддержкой «западных демократий».

В Германии Дюбуа наблюдал бешеную гонку вооружений, он видел в действии лозунг «пушки вместо масла». Не было никаких сомнений на тот счет, что эти пушки поворачивались против Советского Союза. Когда Дюбуа подъехал к дальневосточной границе СССР, здесь на него также пахнуло резкой военной угрозой. Он мог наблюдать на вокзале в Улан-Удэ концентрацию советских войск, готовившихся отразить японскую агрессию.

Когда Дюбуа через Китай прибыл в Японию, его исключительно тепло и радушно встретили в этой стране. Это тепло и радушие были искренними со стороны деятелей науки, искусства и культуры, которые видели в лице маститого ученого и выдающегося общественного деятеля убедительное опровержение расистских теорий о неполноценности цветных народов. Знаки внимания, которые оказывались ему японскими властями, были уже не столь искренни и радушны.

И здесь, в Японии, чувствовалась подготовка к новому мировому конфликту, антисоветская направленность этой подготовки была очевидна для каждого объективного наблюдателя.

Дюбуа много путешествовал в своей жизни, считая поездки в другие страны — лучшим средством познания окружающего мира. Шестнадцать заграничных путешествий, одно из них кругосветное, совершил он за свою долгую жизнь. Неоднократно бывал Дюбуа в нашей стране; помимо двух предвоенных посещений Советского Союза, Дюбуа приезжал в СССР в 1949, 1958–1959, 1962 годах. Он неоднократно подчеркивал, что каждое посещение Советского Союза являлось большим событием в его жизни, что достижения советского народа во всех областях жизни вселяли в него новые силы в борьбе за мир и дружбу между народами, укрепляли веру в светлое будущее человечества. «Опыт вашего народа, — говорил Дюбуа, обращаясь к советским людям, — укрепляет мою веру в человека. У себя дома я мечтал о высоких идеалах для Америки, но, видя их поруганными, временами терял надежду на светлое будущее человека. Вы вернули мне веру в людей. Я убедился, что вы можете изменить человеческую природу, вы можете сделать человека лучше. В вашей стране человек отказывается от эгоистической погони за узколичным счастьем и борется за счастье всего человечества».

Дюбуа прожил долгую и отнюдь не легкую жизнь, его путь не был усыпан розами. Великий ученый и писатель у себя на родине был в первую очередь негром, и никакие заслуги в области науки и искусства не могли застраховать Дюбуа от позорной расовой дискриминации и сегрегации. Он

был убежденным и бескомпромиссным борцом за полное освобождение своего многострадального народа от жесточайшей эксплуатации и расистского террора. Многие трудности и невзгоды преодолел он на этом пути. Дюбуа приходилось отражать атаки не только открытых врагов негритянского народа, но и вести тяжелую, изнурительную борьбу против известных деятелей негритянского движения, начиная от Букера Вашингтона и кончая лидерами Национальной ассоциации содействия прогрессу цветного населения. Дюбуа был человеком огромного личного мужества, и он всегда твердо и последовательно отстаивал то, в правоте чего он был убежден. Он был одним из немногих, кто в период дикого разгула в США маккартистского террора негибимо шел по пути борьбы за сохранение и упрочение мира. Восьмидесятитрехлетний ученый был арестован, на него надели наручники и отдали под суд за то, что он не пожелал отказаться от своих убеждений. Много тяжелых ударов пришлось испытать Дюбуа, но он не согнулся под ударами судьбы, до конца своих дней сохранил жизнерадостность, оптимизм, веру в светлое будущее человечества. И эта вера в нем в значительной мере укреплялась успехами первого в мире государства, которое уверенно шло к своей цели, несмотря на огромные трудности и внутреннего и внешнего порядка. «Проявления человеческой натуры, — заявлял Дюбуа, — порой бывают отвратительны, но мир беспрестанно совершенствуется; спотыкаясь и падая, человек упорно продолжает идти вперед; никогда еще за всю историю человечества мир не был свидетелем столь отважной и столь успешной борьбы, как та, что ведется в Советском Союзе со времени революции 1917 года».

В развитии коммунистической идеологии Дюбуа огромную роль сыграли его поездки в Советский Союз. Он писал, что от надежд и сомнений 1926 года через предчувствия 1936 года он пришел в 1949 году к вере в окончательное торжество коммунизма не только в России, но и во всем мире.

Каждое новое посещение первой в мире страны социализма давало новые подтверждения того, что только в социалистическом обществе могут быть уничтожены все расовые и национальные предрассудки. В 1959 году, находясь в Советском Союзе, Дюбуа заявил: «Я предубежденно настроен в пользу Советского Союза. Моя предубежденность основывается на том, что я видел и испытал. Многие советские люди принадлежат к белой расе. Однако в Советском Союзе нет расовых предрассудков, как нет здесь и расовой ненависти, характерных для англосаксонских стран в их отношениях с миром цветных народов».

Разрешение в Советском Союзе национального вопроса Дюбуа считал

достойным подражания образцом для всех стран, где еще существует расовое и национальное угнетение, в том числе и для Соединенных Штатов. К концу своей жизни Дюбуа пришел к твердому выводу, что социализм — единственная возможность для решения расовых и национальных проблем. Американским неграм, заявлял Дюбуа, необходим социализм. Неграм необходимо нечто подобное тому, что имеют национальные меньшинства в Советском Союзе, — возможность сохранения и развития своих исторических традиций в области искусства и культуры.

13 ноября 1962 года Дюбуа завершил свой последний визит в Советский Союз. На аэродроме перед отлетом самолета в Лондон, откуда он вместе со своей супругой Ширли Грэхем отправлялся в Гану, Дюбуа дал интервью корреспонденту ТАСС. И последние слова Дюбуа в этом последнем интервью на советской земле были о том, что он поражен и вдохновлен грандиозным прогрессом, который обнаружил в СССР во всех областях жизни.

Дюбуа был большим другом советского народа, и он смотрел на нашу страну, на наших людей глазами подлинного друга. Когда Дюбуа приехал первый раз в Советский Союз, он видел длинные, казалось бы, нескончаемые очереди у продовольственных магазинов, стоптанные каблуки у беседовавшей с ним учительницы, покосившиеся дома в деревнях. Но за всеми трудностями, которые переживал наш народ, он видел и огромный энтузиазм рабочих, с которыми он встречался на заводе. Колоссальные достижения в деле народного образования, возможность для всякого, кто хотел учиться, поступить в любое учебное заведение.

Дюбуа посещал нашу страну в знаменательные годы — 1928, 1936, 1949, 1958 годы. Каждый из них был определенной, важной вехой на пути развития нашей страны, нашего народа. И только большой и искренний друг нашей страны мог произнести слова, сказанные Дюбуа в 1958 году, во время очередного приезда в СССР. «Мне остается, — говорил он, — только выразить свое преклонение перед Союзом Советских Социалистических Республик — великим государством, совершившим чудо. За сорок лет — немногим больше срока жизни одного поколения — ваша страна сделала невиданный скачок: если раньше народ страдал от нищеты, болезней и суеверий, то теперь он стал здоровым, он обладает высокоразвитой промышленностью, он навсегда освободился от религиозных пут и поповского засилья».

Дюбуа отмечал, что это чудо свершилось, невзирая на вооруженную интервенцию почти всех цивилизованных стран мира, в том числе и его

страны, невзирая на экономическую блокаду и мутные потоки гнусной клеветы, неслыханной по своей подлости. Дюбуа подчеркивал, что Советский Союз проявил невиданное в мировой истории благородство, пожертвовав миллионами своих сынов и дочерей, значительной частью промышленности, созданной ценой огромных жертв, чтобы спасти от ужасов гитлеризма тот самый мир, который так злобно клеветал на него.

Дюбуа был выдающимся историком, и, когда он говорил об успехах нашей страны и трудностях, которые пришлось преодолеть советскому народу на пути к социализму, он видел все многообразие условий, в которых развивалась наша страна. «Не удивительно, — писал Дюбуа, — что эти замечательные достижения стоили советскому народу много крови и слез — ведь его терзали не только чужеземные агрессоры, но и внутренние враги. Не удивительно, что В период этого сверхчеловеческого напряжения Россия знала и шатания, и раздоры, и голод. Ведь русские — не ангелы во плоти и никогда ими не были, они обыкновенные люди, которых к тому же на протяжении многих веков унижали и эксплуатировали те самые страны, что и сейчас стремятся их уничтожить».

Дюбуа был плоть от плоти и кровь от крови своего талантливой и многострадального народа. Он прекрасно знал историю трехсотлетнего рабства негров, а столетие после освобождения рабов фактически прошло перед его глазами. И Дюбуа прекрасно знал цену успехам и достижениям народа, пережившего целую эпоху жесточайшего гнета и эксплуатации. «Удивляться, — заявлял Дюбуа, — можно лишь колоссальным творческим способностям, силе и моральной стойкости, которую Советский Союз проявил в нашу эпоху. Ни одна страна не дала миру такой плеяды талантов».

Мало кто из зарубежных друзей нашей страны столь всесторонне и глубоко осознавал огромное всемирно-историческое значение успехов Советского Союза, как Уильям Дюбуа. Он подходил к оценке достижений нашей страны как историк, социолог, писатель, Общественный деятель.

Но главная цель жизни Дюбуа заключалась в освобождении негров и всех угнетенных народов мира от расовой дискриминации и сегрегации, в укреплении мира и дружбы между всеми народами. И вполне естественно, что с особым воодушевлением Дюбуа приветствовал успехи советского народа в разрешении национального вопроса. Дружественное отношение Советского Союза к угнетенным народам рассматривалось им как самое убедительное свидетельство интернационализма советской внешней политики. В канун сорокалетия Великой Октябрьской социалистической революции Дюбуа, обращаясь к советскому народу, говорил: «Я

приветствую вас, товарищи, и от души благодарю за то, что вы первыми из всех стран современного мира признали равноправие цветных народов Африки и Азии, Америки и Океании с белыми народами земного шара».

Глава XIII

В БОРЬБЕ ЗА МИР

Дюбуа говорил: «Я не дожидался 1949 года, чтобы бороться за мир. Я начал эту борьбу в самом начале двадцатого века». Еще в период учебы в Берлинском университете Дюбуа в 1893 году, в день своего двадцатипятилетия, написал очень характерный документ, нечто вроде жизненного кредо. Он дал клятву бороться за благо негритянского народа, за истину, за справедливость. Было прожито четверть века, не столь уж большой срок в жизни человека, но достаточный для того, чтобы определить свои взгляды на жизнь, поставить перед собой главную цель жизни. И уже тогда, наряду с борьбой за освобождение негров, Дюбуа дал клятву бороться за «усовершенствование мира», и если потребуется, то «пожертвовать собой» в этой борьбе.

Герберт Аптекер справедливо заметил по поводу Этой клятвы Дюбуа, что многие в двадцать лет ставят перед собой высокие цели борьбы за идеалы справедливости, но как мало тех, кто может сказать спустя шестьдесят лет, что данные им в юности обещания стали летописью истории!

В 1898 году началась испано-американская война, Соединенные Штаты развязали первую в мире империалистическую войну, войну за передел мира. Лихие атаки негритянской конницы в бою у Сан-Хуана, захлебывающиеся от восторга газетные репортеры, восхваления храбрости, выносливости, воинского умения американских чернокожих солдат — все это дезориентировало многих негров, увлеченных волной шовинизма, захлестнувшей США. Дюбуа не поддался этим настроениям, он осудил испано-американскую войну как империалистическую. Дюбуа активно поддержал созданную 17 октября 1899 года Антиимпериалистическую лигу. Вместе с этой антивоенной организацией он осуждал «истребление филиппинцев как ничем не оправданное варварство» Дюбуа был в этот ответственный момент среди тех лидеров негров, которые заявляли, что империалистическая экспансия «означает распространение расовой ненависти и жестокости варварских судов Линча и крайних несправедливостей по отношению к людям темной кожи» Дюбуа был вместе с теми неграми, которые после начала испано-американской войны призывали создать «национальную негритянскую лигу для борьбы с

экспансией, империализмом, трестами и судами Линча».

В конце XIX века в США мало кто интересовался европейскими и мировыми проблемами. И Дюбуа был среди тех немногих, кто внимательно следил за развитием мировых событий и пытался понять тревожную суть этих событий, уяснить, почему мир потрясают непрерывные войны, в чем причина все более усиливающейся тенденции к самой оголтелой внешнеполитической экспансии со стороны всех империалистических держав.

Тщательное изучение расовой проблемы в мировом масштабе, скрупулезное исследование колониального вопроса помогли Дюбуа сделать вывод, к которому не смогли прийти многие деятели, претендовавшие на роль социалистических лидеров. В 1913 году на страницах редактировавшегося им «Крайсиса» Дюбуа заявил, что борьба за колонии является главной, если не единственной, причиной войн между империалистическими державами.

Дюбуа дал ревную отповеди американским империалистам, совершившим открытую интервенцию против Мексики с целью удушения мексиканской революции 1910–1917 годов. Когда США в 1916 году вторично ввели свои войска в Мексику, Дюбуа заявил, что нападение американских вооруженных сил на южного соседа является войной, в которой «черные сражаются за свободы белого человека», он предсказывал, что «в одно прекрасное утро черные узнают, как надо сражаться за самих себя».

И вот началась первая мировая война, чудовищная бойня народов, равной которой не знала мировая история. Много ошибок и заблуждений было у Дюбуа в годы войны, в вопросе об оценке характера войны, об отношении американских негров к вопросу об участии в войне.

В значительной мере ошибки Дюбуа в годы первой мировой войны были вызваны тем, что он не имел необходимого представления об ужасах войны, не представлял, сколь позорный характер носила дискриминация негров в армии США. Когда после подписания перемирия Дюбуа выехал в Европу, увидел собственными глазами страшные последствия войны, обильно политые кровью поля сражений, землю, изуродованную окопами, траншеями и орудийными снарядами, у него на многое раскрылись глаза.

Дюбуа опубликовал по возвращении в США серию статей о жесточайшей дискриминации в американских вооруженных силах солдат-негров, вызвавших приступ бешеной злобы у американской реакции. В многочисленных статьях, опубликованных Дюбуа в первые послевоенные годы, в его лекциях все более отчетливо проявляются антивоенные

настроения. В 1919 году Дюбуа созвал первый Панафриканский конгресс, на котором отчетливо прослеживалась антивоенная тенденция, стремление к такому урегулированию проблемы колоний, которая способствовала бы сохранению и упрочению мира. Дюбуа прямо заявил, что если не будет найдено отвечающее интересам народов Африки решение колониальной проблемы, то вторая мировая война станет неизбежной.

Столь же очевидной была и антивоенная направленность последующих Панафриканских конгрессов, в созыве и в работе которых активно участвовал Уильям Дюбуа.

Во время своих многочисленных заграничных путешествий в период между двумя Войнами Дюбуа с тревогой обращал внимание на то, что, не успев прийти в себя после первой мировой войны, не залечив еще страшные раны этого четырехлетнего побоища, мир стал вползать в новую мировую войну. Во время пятимесячного пребывания в Германии в 1936 году Дюбуа с омерзением смотрел на мутную волну расизма, захлестнувшую фашистскую Германию, на идеологическую подготовку новой мировой войны. И он воочию видел, что главное острие новой империалистической экспансии направляется против Страны Советов, страны, которая первой в мире провозгласила принцип равенства всех народов и воплотила его в жизнь. Ужасы второй мировой войны, десятки миллионов убитых и искалеченных, миллионы людей, погибших в печах крематориев и в концентрационных лагерях, разрушение многих тысяч городов и сел, уничтожение огромных материальных ценностей — все это еще больше укрепило антивоенные настроения Дюбуа, превратило его в активного участника антивоенного движения, развернувшегося в послевоенные годы.

Дюбуа возлагал значительные надежды на Организацию Объединенных Наций, видя в ней важный инструмент мира, орган, способный успешно содействовать мирному урегулированию послевоенных проблем. Дюбуа был назначен консультантом американской делегации на учредительную конференцию ООН в Сан-Франциско. Он использовал свои права консультанта для того, чтобы обратить внимание учредителей ООН на колониальный вопрос, без справедливого разрешения которого, по его мнению, не могло быть и речи о создании прочного мира.

16 мая 1945 года, обращаясь к учредителям ООН, Дюбуа заявлял, что стремление игнорировать права колониальных народов во Всеобщей декларации прав человека противоречит принципам, на которых должна создаваться ООН. «Если бы, — подчеркивал Дюбуа, — недвусмысленно было сказано, что свобода слова, свобода от нищеты и от страха, которые

миролюбивые нации хотят обеспечить, должны распространяться и на 750 миллионов жителей колониальных стран, то это было бы великим историческим актом».

Дюбуа заявлял, что колониальные народы больше, чем кто-либо другой, заинтересованы в том, чтобы на них была распространена Всеобщая декларация прав человека, так как это самые угнетаемые в мире народы, они на девяносто процентов неграмотны, живут в страшной бедности, вымирают от эпидемий. «Трехсотлетняя эксплуатация этих народов, — подчеркивал Дюбуа, — являлась главной причиной войн, беспорядков и страданий».

Дюбуа дискутировал вопрос о правах колониальных народов с Джоном Фостером Даллесом и другими видными деятелями, но без какого-либо успеха. Его предложения не были поддержаны американской делегацией, отвергли их и делегации других империалистических держав.

Особый интерес Дюбуа по-прежнему проявлял к Африке. Он видел свою задачу в том, чтобы возродить забытое прошлое великих африканских цивилизаций, использовать это прошлое для развития национального самосознания африканских народов, для активизации национально-освободительного движения и построения независимых, суверенных африканских государств. В этом направлении Дюбуа работал многие годы, и когда в 1944 году он вернулся в Национальную ассоциацию содействия прогрессу цветного населения, то главное внимание он надеялся уделить изучению колониальных стран, изучению народов африканского происхождения.

Дюбуа надеялся также возобновить созыв Panaфриканских конгрессов, работа которых была прервана мировым экономическим кризисом и второй мировой войной. В 1945 году Дюбуа удалось возродить свою мечту, он созвал пятый Panaфриканский конгресс в Англии, в Манчестере.

Конгресс был созван в городе, являвшемся центром промышленной революции в Англии. Дюбуа писал, что в этой революции важную роль сыграла торговля черными рабами, жесточайшая эксплуатация негров-рабов, вывезенных из Африки. Когда семидесятисемилетний основатель panaфриканского движения вошел в большой прямоугольный зал конгресса, его восторженно приветствовало молодое поколение борцов за освобождение Африки. Дюбуа обратил внимание на то, что из ста представителей африканских колоний, приехавших на конгресс, большинство были молодыми людьми, это было будущее независимой Африки.

Делегаты были преисполнены энтузиазма и решимости. Стены зала украшали лозунги, содержание которых отражало сдвиги в развитии национально-освободительного движения в Африке, происшедшие за время, прошедшее после созыва последних Панафриканских конгрессов. «Африка, проснись после долгой спячки!», «Африка для африканцев!», «Покончить с цветным барьером!», «Свободу всем угнетенным народам!», «Угнетенные народы мира, объединяйтесь!»

И даже в этом внешнем оформлении зала, в содержании лозунгов, под которыми проходил конгресс, чувствовалось влияние Дюбуа. Это были лозунги, которые выдвигались им на протяжении последних лет, воплощение которых в жизнь должно было привести к освобождению африканских народов от колониального ига.

Конгресс подчеркнул в своих решениях прямую связь между экономической политикой колониальных держав и «расовой проблемой», резко осудил империализм, особенно колониальную политику английского империализма. Участники конгресса обратились с целым рядом требований к только что сформированному лейбористскому правительству Англии, которое их полностью игнорировало, как это сделало бы и правительство тори.

Личное участие Дюбуа в работе конгресса имело очень важное значение. Молодые африканские лидеры уезжали из Манчестера, испытав глубокое влияние идей Дюбуа, вдохновленные нестигаемой волей и решимостью «отца панафриканского движения». Дюбуа продолжал уделять большое внимание и изучению истории африканских народов. Демонстрируя поразительную работоспособность для столь преклонного возраста, он опубликовал в 1947 году книгу «Мир и Африка». В 1958–1959 годах Дюбуа переработал эту книгу, которая была переведена на русский язык и вышла в 1961 году в нашей стране под названием «Африка. Очерк по истории Африканского континента и его обитателей».

В 1939 году в Лондоне было принято решение о создании Совета по делам Африки, основателями которого был Поль Робсон, только что возвратившийся к тому времени из поездки в Западную Африку, и Макс Йерген, «цветной» секретарь Христианской ассоциации молодых людей, посетивший Южную Африку. Совет по делам Африки был учрежден в Нью-Йорке. В нем работали многие видные деятели негритянского движения, которые помогли совету собрать прекрасную библиотеку по Африке и ценную коллекцию предметов африканского искусства. Сфера деятельности этого совета была довольно широкой. Издавался каждый месяц бюллетень, информирующий читателей о жизни современной

Африки. Собирались средства в фонд помощи голодающему населению Южной Африки и бастующим шахтерам Западной Африки. Совет приглашал видных деятелей Африки для встреч с руководителями негритянского движения в США. Большую работу вел совет в области лекционной пропаганды.

Общественно-просветительная деятельность Совета по африканским делам не вызывала каких-либо серьезных осложнений во взаимоотношениях между членами совета и американскими властями. Так было до тех пор, пока не началась холодная война, развязанная правящими кругами США на два фронта. Внешний фронт этой войны был повернут против СССР и стран народной демократии, внутренний — против всех прогрессивных элементов страны.

«Потом, — вспоминал Дюбуа, — началась кошмарная «охота на ведьм», и совет был включен в составленный министром юстиции перечень «подрывных» организаций. В мрачный период маккартистской реакции страна была превращена в гигантский полицейский застенок Шпионаж, доносы, провокации, жестокие судебные преследования стали неотъемлемыми атрибутами «американского образа жизни». Немало было в те годы неустойчивых людей, которые под страхом репрессий отказывались от своих убеждений и проявляли готовность включиться в антикоммунистическую истерию, раздувавшуюся американской реакцией.

Нашелся такой человек и среди руководителей Совета по африканским делам. Макс Йерген, не информировав членов правления Совета, выпустил номер бюллетеня, в котором, стремясь показать свою «лояльность», обрушился с резкой критикой на коммунистов. Этот неблагоприятный акт вызвал протест Робсона, который с полным основанием заявил, что совет не является коммунистической организацией, хотя среди его сторонников были и коммунисты. Что же касается политических взглядов членов совета и сотрудников, то это их сугубо личное дело.

Дюбуа писал, что после выступления Робсона в правлении произошел раскол и многие члены правления подали в отставку. В это время Поль Робсон предложил Дюбуа примкнуть к совету, и он принял это предложение, продемонстрировав незаурядное личное мужество. И действительно, в период усиления реакции открыто вступить в организацию, числившуюся среди «подрывных», решился бы далеко не каждый. И это был тем более смелый шаг, что для американского реакционера негр, да к тому же активный участник прогрессивного движения — это объект особой злобы и ненависти.

«Тяжело в Америке черному, а еще труднее, если черный

одновременно и красный». Так сказал Генри Уинстон во время встречи в Москве с советскими историками. Эти слова известного руководителя Компартии США Генри Уинстона, одного из самых выдающихся деятелей современного негритянского движения, потерявшего зрение в застенках американской реакции, очень хорошо выражают условия, в которых приходится работать прогрессивным деятелям-неграм в США.

И когда Дюбуа вступил в совет, числившийся в «черных списках» министерства юстиции, это был шаг, свидетельствовавший об его незаурядном мужестве. В 1948 году Дюбуа был уволен из Национальной ассоциации содействия прогрессу цветного населения, и ему предложили занять почетный пост вице-президента Совета по делам Африки.

Пост действительно был почетный, но, к сожалению, совет, испытывавший серьезные материальные трудности, не смог предложить престарелому ученому никакого жалованья. А Дюбуа, как всегда, был в очень тяжелом финансовом положении. Он говорил о себе: «Сбережениями я не увлекался — у меня не было опыта в этом деле. Моя мать и семья, в которой я провел детство, никогда не имели ни счета в банке, ни страхового полиса — у них редко был лишний доллар».

Дюбуа всегда получал небольшие оклады. На протяжении двадцати трех лет работы в Национальной ассоциации содействия прогрессу цветного населения он получал две с половиной тысячи долларов в год в течение первых пяти лет, а потом — пять тысяч долларов в год. Гонорары от лекций и литературной работы у Дюбуа были очень небольшие. Он был блестящим стилистом, даже многие научные работы Дюбуа читаются как настоящие художественные произведения, не говоря уже об его романах, поэмах и стихах. И тем не менее книги Дюбуа никогда не были среди бестселлеров, более того, иногда он сталкивался и с трудностями в поисках издателя. И это было закономерно. У Дюбуа была не та тематика и не то содержание работ, которые могли бы заинтересовать коммерческого издателя. Ни одно буржуазное издательство не горело желанием популяризировать книги, в которых изобличался «американский образ жизни», расовая дискриминация негров, работы, со страниц которых звучали страстные призывы к борьбе за полное равноправие негров.

Дюбуа был начисто лишен коммерческих способностей. В двадцать семь лет он застраховал свою жизнь на тысячу долларов. Прошло немного времени, и Дюбуа убедился, что белая Пенсильванская компания самым бессовестным образом обманывала его, беря завышенные взносы только потому, что он негр.

Вскоре после женитьбы Дюбуа еще раз попытался застраховаться. На

этот раз, наученный горьким опытом, он застраховался на десять тысяч долларов в негритянской компании «Стандарт лайф». Никто его здесь не обманывал и не обсчитывал. Но и на этот раз ничего хорошего из страховки не получилось — компания обанкротилась, и он потерял все до последнего цента.

Один раз в жизни Дюбуа решил приобрести недвижимое имущество, но незадачливого коммерсанта опять постигла неудача. Дом он купил в Гарлеме, в негритянском гетто Нью-Йорка. Одну квартиру занял Дюбуа с семьей, четыре других он рассчитывал сдавать внаем и иметь постоянный доход. Но оказалось, что дом был заложен и перезаложен, новому домовладельцу стали предъявлять просроченные счета, белые банки открыто дискриминировали черных домовладельцев, что еще более осложняло положение. И, наконец, в 1929 году наступил кризис, который окончательно подорвал коммерческое предприятие Дюбуа. «Я... отдал дом владельцам закладных, — писал Дюбуа, — и в шестидесятилетнем возрасте должен был примириться с потерей своих сбережений».

И вполне естественно, что когда Дюбуа предложили пост вице-президента Совета по делам Африки, но без какого-либо жалования, то это предложение создало для него ряд серьезных проблем. И тем не менее Дюбуа взял на себя выполнение этих обязанностей.

Совет сталкивался со все большими трудностями в своей работе. Над этой «подрывной» организацией как дамоклов меч постоянно висела угроза расправы, терроризированные американцы стали все чаще обходить стороной прогрессивные организации, уменьшилось и число членов совета. Становилось все труднее собирать средства для обеспечения нормальных условий работы совета. Дело — дошло до того, что Дюбуа должен был в 1950 году заявить совету о том, что он не может больше обременять его оплатой помещения, которое он занимал, и содержанием секретаря, ведавшего делами совета.

Совет по делам Африки был одной из немногих прогрессивных организаций в США, которые в условиях антикоммунистической истерии, начавшейся сразу же после окончания войны, боролись за мир и дружбу между народами. И во многом эта линия совета определялась бескомпромиссным курсом его вице-президента, который твердо проводил курс на всемерную поддержку движения сторонников мира.

В 1949 году по приглашению Джона Рогге, в прошлом помощника министра юстиции США, а в то время активного деятеля прогрессивной партии, Дюбуа принял активное участие в конференции деятелей культуры в защиту мира, состоявшейся в марте месяце в нью-йоркском отеле

«Уолдорф-Астория». Дюбуа с полным основанием отмечал, что эта конференция явилась важной вехой в истории прогрессивного движения в Соединенных Штатах. Конференция была созвана По инициативе пятисот пятидесяти видных деятелей американской культуры и науки, по приглашению которых приехали многочисленные гости из других стран, в частности из Советского Союза.

Конференция собралась в очень тревожный момент, когда силы международной реакции начали крестовый поход против СССР и стран народной демократии, когда резко усилилась угроза прогрессивному движению внутри многих капиталистических стран, и в первую очередь в США. Это был период, когда вновь исключительно актуально звучал призыв великого гуманиста нашего времени Горького: «С кем вы, мастера культуры?»

С первого же дня работы конференции стало ясно, что американские мастера культуры с теми, кто шел в первых рядах борцов за сохранение и упрочение мира, за дружбу и взаимопонимание между народами. Этого было достаточно для того, чтобы реакция встретила конференцию в штыки. Толпы хулиганов пикетировали помещения, где работала конференция, буржуазные газеты изощрялись в нападках и клевете на участников конференции.

Отношение буржуазной прессы США к конференции было беспрецедентным по своей резкости и враждебности. В одном из американских журналов был опубликован интересный подсчет, свидетельствовавший о том, что за период с 23 по 30 марта 1949 года в прессе Нью-Йорка было опубликовано две тысячи шестьдесят два печатных материала о работе конференции, из них сто тридцать два выступления были нейтральны по тону, двадцать восемь — в защиту конференции, а все остальные резко выступили против этого представительного собрания деятелей науки и культуры.

Дюбуа с полным основанием мог заявить, что нападки буржуазной печати США на конференцию свидетельствуют только об одном: в США началась хорошо организованная и направляемая умелой рукой кампания против мира, за войну с Советским Союзом.

Конференция явилась не только важной вехой в истории развития прогрессивного движения в США, но и послужила сигналом к началу нового развернутого наступления реакции на прогрессивные силы страны. Репрессии носили столь массовый и ожесточенный характер, что «...в результате американские граждане, — писал Дюбуа, — почти позабыли о том, что в их стране когда-то существовала свобода слова, что когда-то они

имели право задавать вопросы и спорить».

Не таков был Уильям Дюбуа. Его нельзя было ни подкупить, ни запугать. И на заключительном митинге конференции в Мэдисон-сквер-гарден он заявил: «Мы не предатели и не заговорщики. Мы не собираемся призывать людей к насилию, именно против принуждения и насилия мы и выступаем самым решительным образом. Настоящая конференция была созвана не для того, чтобы защищать социализм, коммунизм или «американский образ жизни». Она была созвана для того, чтобы укрепить мир. Мы хотели еще и еще раз заявить о том, что, как бы ни расходились взгляды различных систем на религию, экономику или государственное управление, война не является методом успешного разрешения международных споров».

Движение сторонников мира отстаивало цели, близкие и понятные Дюбуа, цели, за которые он начал бороться задолго до организационного оформления этого движения, сыгравшего столь важную роль в объединении прогрессивных сил в мировом масштабе. В этом движении он увидел воплощение мечты своей жизни: объединение белых, черных, желтых — всех людей планеты в борьбе за единство народов, за мир и дружбу без расовой, национальной и любой другой дискриминации. А когда Дюбуа занимался делом, в котором он видел столь глубокий смысл, он отдавал ему всю свою силу, всю энергию.

Прошел всего месяц после конференции в Нью-Йорке, и Дюбуа уже в Париже на Первом Всемирном конгрессе сторонников мира. Альберт Кан и многие другие американцы, активные участники движения за мир, настаивали на том, чтобы Дюбуа обязательно представлял США на этом форуме народов. И в этом был глубокий смысл. Ширли Грэхем, участвовавшая в составе делегации США в работе этого конгресса, с полным основанием подчеркивала, что никто из членов делегации США не имел такого большого опыта участия в международных встречах, как Уильям Дюбуа. Американским сторонникам мира очень нужен был авторитет Дюбуа, выдающегося ученого, известного писателя, человека, широко известного за пределами США.

Конгресс произвел огромное впечатление на американского ветерана борьбы за мир и дружбу между народами. Он с пристальным вниманием слушал выступления делегатов, представлявших семьдесят две страны мира. Неизгладимое впечатление произвела на него массовая манифестация пятисот тысяч французских сторонников мира на поле стадиона «Буффало». «Конгресс этот, — писал Дюбуа, — явился, по-моему, величайшей в современной истории демонстрацией в защиту мира».

Дюбуа, как истинный гуманист, был убежденным сторонником мира, органически ненавидел войну. И он с чувством огромного удовлетворения голосовал за Манифест мира, принятый в Париже, в котором участники конгресса от имени шестисот миллионов «мужчин и женщин различных цивилизаций, верований, убеждений, различных цветов кожи» заявляли, что «отныне защита мира становится делом всех народов». Вместе со всеми участниками конгресса Дюбуа заявлял: «Мы выражаем свою готовность и решимость выиграть битву за мир, битву за жизнь».

Дюбуа участвовал в работе многих международных конгрессов, съездов, конференций, он был опытным пропагандистом, прочитавшим тысячи лекций и выступавшим во многих сотнях самых острых дискуссий, и тем не менее он с огромным волнением поднимался на высокую трибуну конгресса. Дюбуа обращался фактически к народам всего мира, его голос в полном смысле слова звучал на весь мир.

Затаив дыхание огромный зал слушал блестящую, прекрасно аргументированную речь американского делегата. Тысячи людей смотрели на худощавого, не по годам стройного и подтянутого человека, с небольшой острой бородкой и усами, внимательно и чуть строго смотревшего на огромную аудиторию. Его речь была нетороплива, а голос тверд и спокоен, как у человека, глубоко уверенного в правоте того, что он говорит.

Выступал человек, за плечами которого была большая жизнь, человек, умудренный огромным жизненным опытом и глубокими знаниями, каждое слово которого воспринималось с неограниченным доверием. Весь облик оратора внушал огромное уважение: безупречные манеры, спокойная уверенность человека, много видевшего в жизни и много пережившего, и вместе с глубокой верой в свои силы какая-то исключительно располагающая к себе застенчивость и скромность. Дюбуа шел восемьдесят третий год, но он был бодр, энергичен, как-то по-молодому устремленный вперед, в будущее.

Дюбуа говорил о причинах резкой напряженности в международных отношениях, о том, почему спустя всего четыре года после страшной мировой войны мир вновь трясет военная лихорадка. Дюбуа отмечал, что социализм действительно распространяется во всем мире, даже в Соединенных Штатах. Но не это угрожает миру, а «такой институт нашего времени, как колониализм, тот самый колониализм, который был, есть и будет одной из главных причин войны»...

Буржуазные ученые, пропагандисты, политические и государственные деятели породили и усиленно поддерживают миф о так называемом антиколониализме США. Зная, сколь непопулярно в мире это современное

рабовладение, платные прислужники американского империализма через все каналы настойчиво пропагандировали и пропагандируют миф о том, что США родились в антиколониальной войне и со дня своего рождения они были и остаются принципиальными противниками колониализма во всех его проявлениях. И доказывается это тем, что США никогда не имели колоний, подобных тем, которые составляли английскую или французскую колониальную империю.

Дюбуа, обращаясь к участникам конгресса, разоблачил эти беспочвенные утверждения. «Во главе нового колониального империализма, — говорил он, — стоит сейчас моя родная страна... Соединенные Штаты, великая держава, богатая благодаря богу и процветающая благодаря упорному труду ее простых граждан... Но, опьяненная своей силой, она ведет мир в ад, пытаясь навязать ему новый колониализм и то же самое рабство, которое некогда существовало в нашей стране; она ведет его к третьей мировой войне, которая разрушит весь земной шар».

Конгресс сторонников мира в Париже вселил в Дюбуа новую уверенность в том, что прогрессивные силы в состоянии обуздать поджигателей новой мировой войны, что перспектива сохранения мира вполне реальна. Но чтобы превратить эту реальную возможность в действительность, надо неустанно бороться за массы, за организацию и сплочение сторонников мира. И в июле 1949 года Дюбуа, Лайнус Полинг и другие американские борцы за мир выступили инициаторами созыва Американского континентального конгресса в защиту мира, который было намечено созвать в сентябре 1949 года в Мехико.

Но Дюбуа не смог принять участия в работе этого конгресса, так как был в это время в Москве. Двадцать пять видных американских деятелей науки, искусства и культуры были приглашены на Всесоюзную конференцию сторонников мира, состоявшуюся в августе 1949 года в Москве. «В условиях, — вспоминал Дюбуа, — когда развернулась бешеная кампания против участников мартовской конференции американских деятелей культуры в защиту мира, только я один решился принять это приглашение». Это действительно был смелый шаг, не всякий рискнул бы в то страшное для американцев время на такую поездку.

И вот через тринадцать лет Дюбуа вновь в нашей стране. Обращаясь к тысячной аудитории, собравшейся в Колонном зале Дома Союзов, Дюбуа мог с полным основанием сказать: «Я представляю здесь миллионы граждан Соединенных Штатов Америки, которые так же не хотят войны, как и вы. Однако нелегко американским гражданам узнать правду о мире и

говорить о ней».

Перед участниками конференции выступал активный участник международного движения за мир и выдающийся ученый. И Дюбуа в своей речи не только рассказал о борьбе за мир, но и глубоко проанализировал исторические предпосылки той роли, которую США играют в международной жизни. Он говорил об особенностях исторического развития США, о значении негритянской проблемы в этом развитии, о рабстве негров и их самоотверженной борьбе за его уничтожение, о негритянском движении в более поздний период.

Выступление Дюбуа было классическим примером краткого и вместе с тем глубоко научного анализа особенностей исторического развития страны с целью объяснения ее внутренней и внешней политики на современной этапе. «История Соединенных Штатов за последние семьдесят пять лет, — говорил Дюбуа, — имеет важное значение для истории всего человеческого общества». И Дюбуа убедительными, яркими мазками нарисовал картину исключительно быстрого развития производительных сил в США, выявил прямую связь этого процесса с развитием мировой экономики-и политики.

Дюбуа показал, как засилье монополий тормозит развитие прогресса во всех сферах жизни американского общества, и прямо заявил, что социализм — единственный путь решения всех проблем, стоящих перед страной. Говоря о неограниченной власти монополий в США, Дюбуа делал вывод: «Средством избавиться от этого зла, способом превратить Соединенные Штаты в государство народного благосостояния является переход контроля над промышленностью и правительством в руки американского народа».

Дюбуа закончил свое выступление кратким анализом развития движения за мир в Соединенных Штатах. Он рассказал о том, какая истерическая пропаганда ведется в США для того, чтобы убедить американцев в том, что их свободам грозит опасность и что единственное «спасение» — третья мировая война. «Прогрессивные силы Америки, — говорил Дюбуа, — борются против политики разжигания военной истерии». Перечислив организации США, активно участвующие в борьбе за мир, он закончил свое выступление словами: «Есть еще миллионы других американцев, которые согласны с этими организациями сторонников мира. Я передаю вам их приветствия».

На Всемирном конгрессе сторонников мира в Париже присутствовало около шестидесяти американцев. Они возвратились в США под огромным впечатлением от всего, что им пришлось увидеть и услышать в Париже,

тогда же было решено, что необходимо искать новые пути и средства активизации движения за мир в США. Но в обстановке все более усиливавшейся антикоммунистической истерии и свирепых репрессий против прогрессивных элементов было очень трудно предпринять какие-либо практические шаги для сплочения американских сторонников мира.

Прошел год, и 1 марта 1950 года ряд видных американских участников движения за мир собрались на квартире Джона Рогге для обсуждения вопроса о том, какие меры необходимо предпринять для организации движения сторонников мира в Соединенных Штатах. На этом собрании было принято решение создать в США Информационный центр сторонников мира, чтобы информировать американцев о международном движении сторонников мира и вести работу по борьбе за мир среди населения США.

Создание подобной организации было крайне необходимо, так как американцы, получавшие информации больше, чем все народы, вместе взятые, почти ничего не знали о международном движении за мир.

Возглавил Информационный центр Уильям Дюбуа, что было признанием со стороны американской прогрессивной общественности его больших заслуг в борьбе в защиту мира. Вместе с тем это было и большое доверие, так как в обстановке жесточайших репрессий не всякий мог, презирая угрозы и опасность, руководить движением американцев за мир и дружбу между народами.

Глава XIV

«ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПРЕСТУПНИК»

Американские сторонники мира не ошиблись, остановив свой выбор на Дюбуа, который энергично и умело руководил деятельностью Информационного центра. Под руководством Дюбуа центр периодически рассылал бюллетень под названием «Депеши мира», в котором сообщалось о движении сторонников мира в международном масштабе. Было перепечатано и разослано во все концы страны Стокгольмское воззвание о запрещении атомного оружия. Это воззвание подписали два с половиной миллиона человек, что явилось значительным успехом, учитывая те суровые репрессии, которым подвергались участники движения за мир в США. Центр распространял и другие документы, призывавшие к борьбе за мир, за предотвращение новой мировой войны.

Реакционные силы США рассматривали деятельность Информационного центра как вызов политике военной истерии, и они не замедлили обрушиться с нападками на американских сторонников мира.

Первый удар по Информационному центру нанес государственный секретарь США Дин Ачесон, который заявил 12 июля 1950 года, что деятельность центра надо рассматривать как «пропагандистский прием в притворном «мирном наступлении» Советского Союза».

Дюбуа не замедлил дать решительную отповедь этому «коммивояжеру холодной войны». В заявлении для печати, опубликованном 14 июля, руководитель Информационного центра, обращаясь к Ачесону, спрашивал: «Неужели стратегия нашей страны должна заключаться в том, чтобы всякий раз, когда Советский Союз призывает к миру, настаивать на войне? Неужели любые предложения о предотвращении атомной катастрофы должны отвергаться только из оппозиции к Советскому Союзу?» В заявлении Дюбуа подчеркивалась мысль о том, что силам реакции не удастся одурманить американский народ лживой пропагандой и вытравить из памяти американцев плодотворное советско-американское сотрудничество в борьбе с гитлеризмом.

Дюбуа выражал горячую веру в здравый смысл американского народа, в его готовность бороться против новой мировой войны. Обращаясь к Ачесону, он спрашивал: «Неужели вы» сэр, не допускаете, что есть честные американцы, которые, несмотря на свои разногласия в других

вопросах, ненавидят войну, страшатся ее и полны решимости предпринять что-нибудь для того, чтобы ее предотвратить?»

Логическим следствием всей жизни Дюбуа явилось то, что он возглавил борьбу миллионов американцев, которые были «полны решимости» принять самое активное участие в борьбе за мир. И заслуга Дюбуа перед американским народом и всеми сторонниками мира была тем более велика, что он возглавил эту борьбу в очень ответственный момент и принял на себя тяжелый удар американской реакции.

Над руководимой Дюбуа организацией все более сгущались тучи. Вскоре он стал отчетливо чувствовать, что и лично вокруг него неумолимо замыкается цепь репрессий и преследований. В августе 1950 года Дюбуа получил приглашение принять участие в работе Бюро Постоянного комитета Всемирного конгресса сторонников мира в Праге. Десять дней молчал Вашингтон в ответ на просьбу Дюбуа дать ему разрешение на поездку в Прагу. Только после двух напоминаний просьба Дюбуа была удовлетворена, но срок его пребывания за границей был сокращен, наложен был также запрет на поездки в другие страны без специального разрешения государственного департамента. Дюбуа вспоминал: «Я чувствовал себя узником, которого освободили, взяв с него обещание вернуться в тюрьму к определенному сроку».

Ветеран прогрессивного движения в США, Дюбуа, выступая в Праге, мог на основании своего большого личного опыта заявить: «Никогда еще организованная реакция не обладала у нас такой властью, как и настоящее время, когда она владеет прессой и радио, ограничивает свободу слова, заключает в тюрьмы либеральных мыслителей и писателей. Сегодня в моей стране стало почти невозможно организовать даже митинг в защиту мира».

Дюбуа был убежденным оптимистом, даже в мертвящей обстановке антикоммунистической истерии, все более усиливавшейся в США, он верил в широкие массы граждан США, «которые в подавляющем большинстве ненавидят убийства, разрушение и безумие, выдаваемые за средства достижения прогресса». В своем выступлении в Праге Дюбуа изложил программу практических мероприятий для активизации борьбы за мир в США. «Но это, — подчеркивал он, — требует смелости и готовности к самопожертвованию». Скоро Дюбуа пришлось проявить и смелость и самопожертвование.

Осенью 1950 года началась прямая атака американских властей на Информационный центр. В августе 1950 года министерство юстиции впервые официально информировало руководство центра, что он занимается деятельностью, которая требует его регистрации в

министерстве юстиции в качестве иностранного агента.

Руководство центра ответило на это провокационное предложение решительным отказом, и после повторного предупреждения со стороны министерства юстиции 8 февраля 1951 года суд присяжных в Вашингтоне известил Информационный центр сторонников мира о том, что центр и его сотрудники объявлены виновными в том, что они «не зарегистрировались как агенты иностранного патрона».

Открытое судебное преследование не испугало руководителей центра, которые в ответ на обвинительное заключение суда опубликовали обращение к общественности Соединенных Штатов в защиту своего права бороться за предотвращение новой мировой войны. В обращении говорилось, что обвиняемые не согласны с тем, что идея мира является иностранной идеей, и охотно признаются, что они собирали и распространяли повсюду информацию о движении в защиту мира и его идеи. В заключение подчеркивалось, что деятельность центра имеет исключительно важное значение, так как в настоящее время наиболее острой является необходимость в получении информации о движении в защиту мира и об усилиях для ликвидации угрозы третьей мировой войны.

Не желая выполнять провокационное требование о регистрации в качестве агента иностранной державы, руководство центра вынуждено было 12 октября 1950 года объявить о роспуске Информационного центра сторонников мира США. Но фактически эта организация продолжала свою деятельность до февраля 1951 года, когда суд вынес обвинительное заключение.

16 февраля Дюбуа вызвали в суд в Вашингтон. Это было в канун торжественного обеда в связи с его восьмидесятитрехлетием. Судебное преследование Дюбуа парализовало волю ряда американских деятелей, устрешенных наступлением реакции, несколько человек отказались принять участие в обеде в честь Дюбуа. В связи с этим он писал: «Я могу стерпеть много, как я много и претерпевал в своей жизни, но такое испытание мне было не легко вынести, тем более что удары судьбы следовали один за другим. Между тем у меня сняли отпечатки пальцев, надели наручники, потом отпустили на поруки, а затем снова вызвали в суд».

В этой обстановке для Дюбуа имела очень важное значение та активная поддержка, которую он получил со стороны мировой прогрессивной общественности.

В защиту выдающегося борца за мир активно выступили ученые, писатели, общественные деятели многих стран мира, в том числе и

Советского Союза. С заявлением в поддержку Уильяма Дюбуа выступили выдающиеся советские ученые-историки В. П. Волгин, Б. Д. Греков, А. А. Губер, Н. М. Дружинин, Е. М. Жуков, Е. А. Косминский, И. И. Минц, М. В. Нечкина, Ф. А. Ротштейн, С. Д. Сказкин, Е. В. Тарле и другие.

Советские историки писали, что все честное человечество возмущено новым преступлением американских поджигателей войны, которые через несколько дней после казни семи негров в Виргинии с новой силой начали травлю крупнейшего американского ученого и активного борца за мир. В заявлении говорилось: «Дюбуа — горячий патриот своей родины, и потому он испытывает жгучий стыд за Америку Трумэна, которая своими преступлениями против мира вызывает презрение и ненависть всего прогрессивного человечества». Советские историки приводили слова Дюбуа: «Здесь, в Америке, нас учат гордиться тем, чего мы стыдимся, и стыдиться того, чем мы должны гордиться».

Советские ученые высоко оценили вклад Дюбуа в борьбу за мир и дружбу между всеми народами. «Дюбуа, — говорилось в заявлении, — широко известен как пламенный борец за мир, как один из самых активных организаторов движения сторонников мира в Соединенных Штатах Америки, являющихся главным оплотом мировой реакции и агрессии, — в стране, где борьба за мир преследуется с особой жестокостью... Поджигатели войны стремятся помешать известному ученому профессору Дюбуа, идущему в первых рядах борцов прогрессивной Америки, продолжать борьбу за мир, против сил реакции и мракобесия. Они посягают на жизнь ученого-борца.

Советские ученые-историки заявляют свой решительный протест против этого нового преступления поджигателей войны, преследующих Дюбуа — активного борца за мир, крупнейшего ученого и общественного деятеля, которого знает и ценит все прогрессивное человечество».

Организаторы судебной расправы над престарелым ученым вряд ли ожидали, что будет столь большой резонанс от этой грязной затеи. А резонанс действительно получился огромный. Докеры Австралии, например, информировали госдепартамент, что если не прекратится позорное судилище над человеком, которого знает весь прогрессивный мир, то американские корабли могут обходить стороной Австралийский континент, ни в одном порту Австралии их не будут обслуживать.

Летом 1951 года в Европе был создан «Международный комитет защиты доктора Дюбуа и его товарищей». «Комитет защиты доктора Дюбуа и его друзей», руководимый Полем Робсоном, был создан в Нью-Йорке.

Энергичные выступления в защиту Дюбуа за рубежом и все более

активизировавшаяся деятельность комитета, руководимого Робсоном, свидетельствовали о том, что дело Дюбуа принимало нежелательный для его инициаторов поворот. Судебное разбирательство грозило неизбежными осложнениями, и министерство юстиции предприняло попытку заставить Дюбуа оклеветать своих товарищей по работе в Информационном центре и в благодарность за это прекратить его судебное преследование. Однажды адвокат Дюбуа получил от работника министерства юстиции недвусмысленное предложение на этот счет. «Мы можем замять дело, — сказал адвокату этот сотрудник за стаканом коктейля, — от профессора требуется совсем немного. Пусть он напишет заявление в суд, в котором не будет опровергать, что Информационный центр сторонников мира является агентом советских коммунистов».

Дюбуа решительно отверг это циничное предложение купить свободу и покой ценой предательства. Он ответил, что предпочитает сгнить в тюрьме, чем сделать такое заявление.

Реакция травила Дюбуа поистине иезуитскими методами: судебное преследование началось в канун его восьмидесятитрехлетия, когда вся прогрессивная Америка готовилась торжественно чествовать выдающегося ученого и общественного деятеля. На 23 февраля 1951 года, день рождения Дюбуа, был назначен и, несмотря на все трудности, состоялся торжественный обед с целью сбора средств для обеспечения его научной и общественной деятельности. Более двухсот видных деятелей, среди них такие люди с мировыми именами, как Альберт Эйнштейн, Лион Фейхтвангер, Томас Манн и другие, обратились к американской общественности с призывом поддержать эту инициативу. «Нам, — заявляли они, — представляется редкая возможность выразить на деле свое уважение этому выдающемуся человеку, ученому и мыслителю, обеспечив ему возможность продолжать свои исследования, заниматься писательским трудом и печататься. Его бесценная библиотека должна остаться в целостности и сохранности. Его уникальная коллекция, насчитывающая десятки тысяч писем и рукописей, должна быть приведена в порядок и опубликована. И самое главное, основные работы д-ра У. Э. Б. Дюбуа, давно распроданные, необходимо сделать доступными публике путем издания собрания его сочинений».

И вот в самый разгар подготовки к торжествам, связанным с восьмидесятитрехлетием Дюбуа, началось судебное преследование престарелого профессора. Суд был назначен на 8 ноября 1951 года. Дюбуа получил теперь возможность лично убедиться, как дорого стоит в США попытка доказать свою невиновность. Известный адвокат, согласившийся

защищать Дюбуа, запросил чудовищный для престарелого профессора гонорар — двадцать пять тысяч долларов. Более умеренное вознаграждение запросил другой известный адвокат, но после первой же беседы с прокурором он неожиданно взял свое предложение назад.

В конце концов вопрос с гонораром за выступление защитника отпал, так как правительственный адвокат отказался от вознаграждения за свои услуги. И, несмотря на это, судебные издержки составили огромную сумму — тридцать пять тысяч сто пятьдесят долларов. Такова оказалась чудовищно высокая цена правосудия в США. Дюбуа, живший на скромную пенсию и редкие литературные гонорары, был не в состоянии покрыть эти большие судебные издержки. В июне 1951 года восьмидесятитрехлетний профессор отправился в турне по стране, чтобы выступить с лекциями, рассказать о судебном преследовании, которому подверглись он и его четыре товарища, работавшие в Информационном центре, и собрать средства для покрытия судебных расходов.

Вместе с Дюбуа в это турне отправилась его новая жена Ширли Грэхем. Дюбуа овдовел в феврале 1950 года. Пятьдесят три года прожил он со своей женой Ниной Гомер, которую он похоронил на холмах Новой Англии рядом с их первенцем, трагически погибшим еще в детском возрасте. Дюбуа писал, что редкостная красота и прекрасное домашнее воспитание Нины Гомер привлекали и привязывали его к ней и все же это не был абсолютно идеальный брак. Их супружеский союз страдал основным недостатком многих современных американских семей — разницей в целях и стремлениях супругов. Дюбуа писал, что жена и дети всегда находились в стороне от главной цели его жизни. Воспитание детей и бесконечные семейные заботы поглощали все время жены Дюбуа. Еще больше их разобщила смерть сына, погибшего в результате несчастного случая. Когда позднее у супругов Дюбуа родился еще один ребенок, девочка, Нина Гомер-Дюбуа еще больше замкнулась в кругу своих семейных дел.

Уильям Дюбуа очень тяжело переживал гибель сына. Это было несчастье, от которого он в полной мере так никогда и не оправился. Исключительно теплые, проникновенные слова посвятил Дюбуа своему безвременно погибшему сыну. «Окружающие, — писал Дюбуа, — любили его; женщины целовали его локоны, мужчины серьезно всматривались в его удивительные глаза, а другие дети всегда вертелись вокруг него. Он и сейчас точно стоит передо мной, поминутно меняющийся, как небо, — то заливаются искристым смехом, то мрачнеет и хмурится, то удивленно и задумчиво глядит на мир. Он не знал расовых различий, милый мой

мальчик... в его детском мирке царили только одни бесплотные души. Я — да, пожалуй, и все другие люди — становился возвышеннее и чище, познав бесконечную глубину этой маленькой жизни...

Ясным было утро и день его похорон; птицы пели и цветы благоухали. Деревья перешептывались с травой, но дети сидели притихшие, с печальными лицами. И все же этот день казался мне каким-то обманчивым, нереальным — бледным призраком жизни. Казалось, мы бредем за белой горкой букетов по какой-то незнакомой улице и слышим отзвук какой-то далекой песни. Вокруг нас шумел деловой город; белолицые люди, торопливо проходившие мимо, почти не обращали на нас внимания, разве только, едва взглянув, кто-нибудь произносил сквозь зубы: «Черномазые».

Женитьба в восемьдесят три года на женщине, которая моложе тебя на сорок лет, не столь уж обычное явление, Дюбуа объяснял, что после смерти жены он остался в одиночестве и новая женитьба дала ему возможность заполнить образовавшуюся пустоту и продолжить свою работу и борьбу. Дюбуа писал, что Ширли Грэхем с ее склонностью к самопожертвованию в конце концов убедила себя в том, что ему нужна ее помощь и общество, — а это было действительно так, — и они пришли к выводу о необходимости пожениться.

Дюбуа был одним из самых убежденных для своего времени борцов за полную эмансипацию женщин. В женщине он видел в первую очередь друга жизни, соратника по борьбе, товарища по работе. Дюбуа отмечал, что большинство его друзей и помощников в жизни были женщины, начиная с матери, теток и кузин и кончая многочисленными друзьями по работе и общественной деятельности.

И одним из лучших друзей и помощников Дюбуа была Ширли Грэхем, которая последние двенадцать лет его жизни всегда была рядом с ним. Это был в подлинном смысле слова единомышленник, большой и чуткий друг, незаменимый помощник везде и во всем. Ширли Грэхем соединила свою жизнь с Дюбуа в самый трудный для него период, когда началось судебное преследование ветерана негритянского движения.

Ширли смело включилась в борьбу против судебного преследования Дюбуа. В июне 1951 года Дюбуа и Ширли Грэхем отправились в большую поездку по стране, чтобы рассказать правду о провокационном судебном процессе над Дюбуа и Информационным центром сторонников мира. Первой обычно выступала Ширли.

Один за другим мелькали города: Чикаго, Сент-Пол, Сиэтл, Такома, Портленд, Сан-Франциско, Окленд, Лос-Анжелос, Кливленд, Нью-Йорк. Немало было трудностей и препятствий на этом большом пути. Власти

препятствовали в аренде помещения, газеты замалчивали место и время проведения митингов, на которых выступали Дюбуа и Ширли Грэхем, а нередко и преднамеренно дезинформировали читателей. А главное — над Америкой витал дух маккартизма, терроризированное население боялось идти на встречу с ветераном борьбы за мир и гражданские права.

И, несмотря на все трудности, паломничество престарелого ученого к честной, трудовой, мыслящей Америке увенчалось большим успехом. Десятки тысяч человек лично слушали Дюбуа, из его уст узнали они, за что собираются упрятать за решетку выдающегося ученого и бесстрашного борца за мир и дружбу между народами.

Мало кто ожидал, что тысячи людей придут на встречи с Дюбуа, но это было так. В Чикаго 15 тысяч человек собрались в «Колизее» послушать выступления Уильяма Дюбуа. После агитационного турне Дюбуа правительству США стало ясно, что его не удалось ни запугать, ни сломить.

Ветеран борьбы за мир открыто бросал в глаза американской реакции обвинение в том, что правящие круги США провоцируют новую мировую войну. «Сегодня, — заявлял Дюбуа, — из всех стран на земле единственно США хотят войны, готовятся к войне, вынуждают другие народы воевать... В США теперь ни один человек не чувствует себя в безопасности, если он не заявит публично, что ненавидит Россию... что он против социализма и коммунизма... что он, не колеблясь, поддерживает войну в Корее, что он готов воевать против Советского Союза... что он за использование атомной бомбы или других средств массового уничтожения».

В Вашингтоне судебные чиновники тщательно готовили процесс над Дюбуа, чтобы прикрыть судебной казуистикой расправу над стойким борцом за мир. А в это время Дюбуа бесстрашно обличал американскую «демократию», открыто говорил о своей вере в окончательную победу коммунизма.

Выступая в Чикаго и в других городах, он заявлял, что американский большой бизнес толкает Соединенные Штаты к войне, превращая правительство страны в военную диктатуру. Американские граждане, говорил Дюбуа, лишены свободы слова и свободы мнений, господство капитала принимает все более извращенные формы. «Нынешняя политика США, — подчеркивал Дюбуа, — основанная на пресловутой свободе предпринимательства и частной инициативы, означает свободу преступлений, свободу страданий, свободу для немногих наживаться за счет большинства. Если это и есть американский образ жизни, то да помилует господь бог Америку».

Дюбуа был глубоко убежден в неразрешимости противоречий современной Америки в рамках существующего капиталистического строя. Он объявляет себя сторонником планового хозяйства. «Каждому по потребностям, от каждого по способностям», — повторяет он известный принцип коммунизма и утверждает, что «эта цель может быть достигнута только широкой и разумной демократией... Но если полная демократия, отменяющая цветной барьер и расовую дискриминацию, может быть достигнута только на пути, указанном Карлом Марксом, тогда этот путь нужно признать правильным».

Бросая открытый вызов организаторам и вдохновителям антикоммунистической истерии, Дюбуа заявлял, что ни сила оружия, ни власть, ни богатство — ничто не остановит победного шествия коммунизма.

Поездка Дюбуа по стране увенчалась большим успехом, она привлекла внимание американской общественности к готовящемуся процессу, активизировала борьбу прогрессивных сил США в защиту Дюбуа и его товарищей. Многие представители состоятельных кругов, и белые и негры, отвернулись от Дюбуа в эту трудную минуту, но трудовая Америка, простые люди страны были вместе с ним в этом тяжком испытании. Они не только морально поддерживали Дюбуа, но и оказали ему столь необходимую материальную помощь. Около 40 тысяч долларов было собрано во время этой поездки, и эти средства помогли довести до конца судебное разбирательство.

Неумолимо приближался день суда. 8 ноября 1951 года на скамью подсудимых вашингтонского суда, куда обычно сажают убийц, воров, фальшивомонетчиков, был посажен ученый с мировым именем, человек, которого знало и уважало все прогрессивное человечество.

— Боже, храни Соединенные Штаты Америки! — с этой традиционной фразы началось судебное разбирательство в Вашингтоне. Основную ставку обвинение делало на своего главного свидетеля Джона Рогге — провокатора, предавшего движение сторонников мира. Один за другим выступали свидетели обвинения, тщетно пытаясь доказать, что Информационный центр и его руководитель Уильям Дюбуа являлись агентами иностранной державы. Неопровержимо удалось доказать другое — что один из свидетелей обвинения был тайным агентом американской охраны — ФБР.

Дело принимало оборот, явно нежелательный для организаторов процесса, хорошо продуманный и отрепетированный юридический спектакль грозил закончиться провалом и грандиозным скандалом.

Пришлось срочно объявить перерыв, после которого должен был выступить главный обвиняемый Уильям Дюбуа. Процесс приближался к своему кульминационному пункту, все ждали с огромным напряжением выступления Дюбуа, который подготовил яркую защитительную речь, гневный обвинительный акт против американской реакции.

...Окончен перерыв. В переполненный зал суда возвращается судья и направляется к своему креслу с высокой спинкой. В его походке, жестах уже не чувствуется той уверенности и твердости, которые проявлялись в начале процесса. Все ждут, что сейчас будет предоставлено слово Уильяму Дюбуа. Но в гробовой, напряженной тишине звучат слова, смысл которых не сразу улавливается Дюбуа и другими обвиняемыми:

— Обвинению не удалось доказать утверждения, содержащиеся в обвинительном заключении. Поэтому я нахожу возможным оправдать обвиняемых.

«Волна изумления на минуту захлестнула охваченную возбуждением аудиторию, — вспоминал Дюбуа, — все затаили дыхание. Казалось, вот-вот вспыхнут аплодисменты. Моя жена, сидевшая, как я узнал позднее, за моей спиной, лишилась чувств. Я тоже сначала оцепенел. Кто-то из сидевших слева поцеловал меня в щеку».

Реакция вынуждена была отступить. Это была не только и не столько личная победа Дюбуа, сколько успех миллионов безвестных друзей американских борцов за мир в США и далеко за их пределами.

После процесса Дюбуа опубликовал книгу «В борьбе за мир», где рассказал о всех перипетиях, связанных с судебным преследованием его и его товарищей. Он открыто благодарил коммунистов всего мира за помощь, которую они ему оказали в трудные дни процесса, выражал свои симпатии Советскому Союзу, выступал в защиту супругов Розенберг, протестовал против арестов и преследований коммунистов, преподавал в социалистической школе имени Джефферсона.

Любого из перечисленных действий было достаточно для того, чтобы восстановить против себя всю реакционную Америку, а вместе взятые, они поставили Дюбуа в положение человека, подвергнутого жесточайшему остракизму. Он находился под неусыпным надзором тайных агентов. Под нажимом властей негритянская пресса перестала что-либо сообщать о Дюбуа, его не приглашали читать лекции в колледжи, негритянские церкви и конференции перестали упоминать даже его имя. Дюбуа запретили выезд за границу.

Эта травля Дюбуа вызывала протесты лучших людей Америки. «Позорно и грешно, — заявлял Поль Робсон, — что мы не ответили

энергичными протестами на отказ в паспорте Уильяму Дюбуа. Значение жизни и деятельности Дюбуа трудно переоценить. Он самый ученый и мудрый среди нас. Он отец нашего современного освободительного движения. По широте ума, цельности характера и самоотверженной преданности человечеству наш доктор Дюбуа выдающийся деятель не только в жизни негритянского народа — он один из подлинно великих американцев нашего века».

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

Международное движение сторонников мира выдвинуло многих активных, мужественных борцов за мир и дружбу между народами. Эти люди прошли через огромные трудности, вынесли тяжелейшие испытания. Но особенно трудно приходилось тем, кто вел неравную, изнурительную борьбу в цитадели международной реакции, в Соединенных Штатах Америки.

И одним из самых выдающихся борцов за мир в США был и остается доктор Уильям Дюбуа.

Активная борьба Дюбуа в защиту мира получила высокую оценку международной прогрессивной общественности. В 1950 году на Втором конгрессе сторонников мира он был избран в состав Всемирного Совета Мира. Дюбуа была присуждена Международная премия мира за 1953 год.

В 1958 году Дюбуа был удостоен самой высокой для каждого борца за мир награды — он стал лауреатом Международной Ленинской премии мира. В связи с присуждением Дюбуа этой высокой награды газета «Правда» писала: «Лауреат Международной Ленинской премии мира Уильям Дюбуа — крупный ученый, профессор истории, писатель и публицист, известный своими глубокими исследованиями по истории Америки и Африки, особенно по истории негров в США. Университетами многих стран ему присвоены почетные ученые звания доктора исторических, юридических наук, философии, литературы... Мужественный борец за мир и дружбу между народами, Дюбуа пользуется большой популярностью далеко за пределами США».

Удивительна была жизнь этого человека. В условиях жесточайших репрессий он даже в возрасте более девяноста лет вел огромную научную, литературную, общественную работу.

В конце жизни Дюбуа вновь вернулся к своим старым планам создания «Негритянской энциклопедии». Правительство Ганы предоставило средства для работы над этим научным трудом и пригласило Дюбуа возглавить работу над «Негритянской энциклопедией». Первоначально предполагалось, что Уильям Дюбуа будет руководить всеми работами над этим изданием из Нью-Йорка. Но в 1961 году в США вновь активизировалась реакция, что создало новые дополнительные трудности для Дюбуа во всей его деятельности, особенно той, которая имела отношение к его международным связям. В это время правительство Ганы

предложило Дюбуа переехать на постоянное жительство в их страну, где для него были созданы все условия для работы. Это предложение было принято.

С огромным энтузиазмом и поразительной для его возраста энергией Дюбуа возобновил работу над «Негритянской энциклопедией». Здесь, в Африке, для освобождения которой он так много сделал, и закончился жизненный путь Дюбуа. Он умер в августе 1963 года на девяносто шестом году жизни.

29 августа 1963 года тысячи людей собрались в столице Ганы городе Аккре, чтобы проститься с человеком, который внес огромный вклад в дело борьбы за мир и дружбу между всеми народами. Дюбуа проводили в последний путь со всеми воинскими почестями. Залпы салюта, прогремевшего во время его похорон, были прощанием с выдающимся ученым и борцом за мир и напоминанием о тех тяжелых боях, которые еще предстоят народам Африки в борьбе за завоевание полной свободы и независимости.

Большой и сложный жизненный путь прошел этот замечательный человек. И на всем этом огромном пути, измеряемом почти столетием, Дюбуа всегда был среди тех, кто боролся за светлое будущее людей, за мир и дружбу между народами.

И вполне закономерным было то, что Дюбуа закончил свой жизненный путь коммунистом. По своим убеждениям, взглядам на Жизнь, по своему характеру Дюбуа был настоящий боец. И когда в 1961 году начались новые жесточайшие репрессии против Компартии США, Дюбуа, проявив большое гражданское мужество, встал в ряды коммунистов. В своем письме генеральному секретарю Компартии США Гэсу Холлу с просьбой принять его в партию Дюбуа писал: «Коммунизм... единственно правильный образ жизни для человечества. Добиться этой цели нелегко — были и будут ошибки, но сегодня коммунизм победоносно шагает вперед в области просвещения и науки, жилищного строительства и продовольствия, обеспечивая все большую свободу мыслей и избавляясь от догмы. В конце концов коммунизм победит. Я хочу помочь приблизить этот день».

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УИЛЬЯМА ДЮБУА

- 1868, 23 февраля — рождение У. Дюбуа.
- 1874–1884 — учеба в школе.
- 1884–1886 — учеба в Университете Фиска.
- 1886–1890 — учеба в Гарвардском университете.
- 1890–1892 — аспирант Гарвардского университета.
- 1892 — присуждение ученой степени магистра.
- 1892–1894 — учеба в Берлинском университете.
- 1894–1896 — профессор Уилберфорского университета.
- 1895 — присвоение ученой степени доктора философии.
- 1896 — женитьба Дюбуа на Нине Гомер.
- 1896–1898 — работа в Пенсильванском университете.
- 1898–1910 — работа в Атлантском университете.
- 1899 — публикация книги «Негры Филадельфии».
- 1900 — принятие в члены Американской ассоциации содействия науке.
- 1903 — публикация книги «Души черных людей».
- 1904 — избрание почетным членом Американской ассоциации содействия науке.
- 1905 — созыв Дюбуа Ниагарской конференции.
- 1907 — публикация книги «Негры на Юге».
- 1908 — разрыв с Букером Вашингтоном.
- 1909 — публикация книги «Джон Браун».
- 1910–1933 — работа в Национальной ассоциации содействия прогрессу цветного населения.
- 1910–1934 — редактор журнала «Крайсис».
- 1911 — вступление в социалистическую партию.
- 1911 — участие в организации и работе Конгресса рас в Лондоне.
- 1912 — выход из социалистической партии.
- 1919 — созыв Дюбуа Панафриканского конгресса в Париже.
- 1920 — публикация книги «Темная вода».
- 1921 — созыв Дюбуа второго Панафриканского конгресса.
- 1923 — участие в работе третьего Панафриканского конгресса.

1925 — публикация в СССР на русском языке романа Дюбуа «За серебряным руном».

1928 — первая поездка в СССР.

1933 — возвращение в Атлантический университет.

1935 — публикация книги «Черная реконструкция».

1936 — поездка в СССР.

1944 — увольнение из Атлантического университета, возвращение на работу в Национальную ассоциацию содействия прогрессу цветного населения.

1945 — избрание председателем Панафриканского конгресса.

1947 — публикация книги «Мир и Африка».

1948 — увольнение из Национальной ассоциации содействия прогрессу цветного населения.

1949 — участие в работе Конференции деятелей культуры в защиту мира в Нью-Йорке. Участие в работе Первого Всемирного конгресса сторонников мира в Париже. Участие в работе Всесоюзной конференции сторонников мира в Москве.

1950–1951 — руководитель Информационного центра сторонников мира в США.

1950 — избрание членом Всемирного Совета Мира.

1951 — женитьба на Ширли Грэхем. Суд над Дюбуа в Вашингтоне.

1952 — публикация книги «В борьбе за мир».

1953 — присуждение Международной премии мира.

1958–1959 — пребывание в СССР.

1958 — присуждение Международной Ленинской премии мира.

1959 — присуждение Московским государственным университетом ученой степени почетного доктора исторических наук.

1960 — публикация в СССР на русском языке книг Дюбуа «Испытания Мансарта» и «Джон Браун».

1961 — переезд в Гану. Вступление в Компартию США.

1962 — публикация в СССР «Воспоминаний» на русском языке. Приезд Дюбуа в Советский Союз.

1963, 27 августа — смерть Дюбуа.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Доктор Дюбуа на кафедре Атлантского университета.

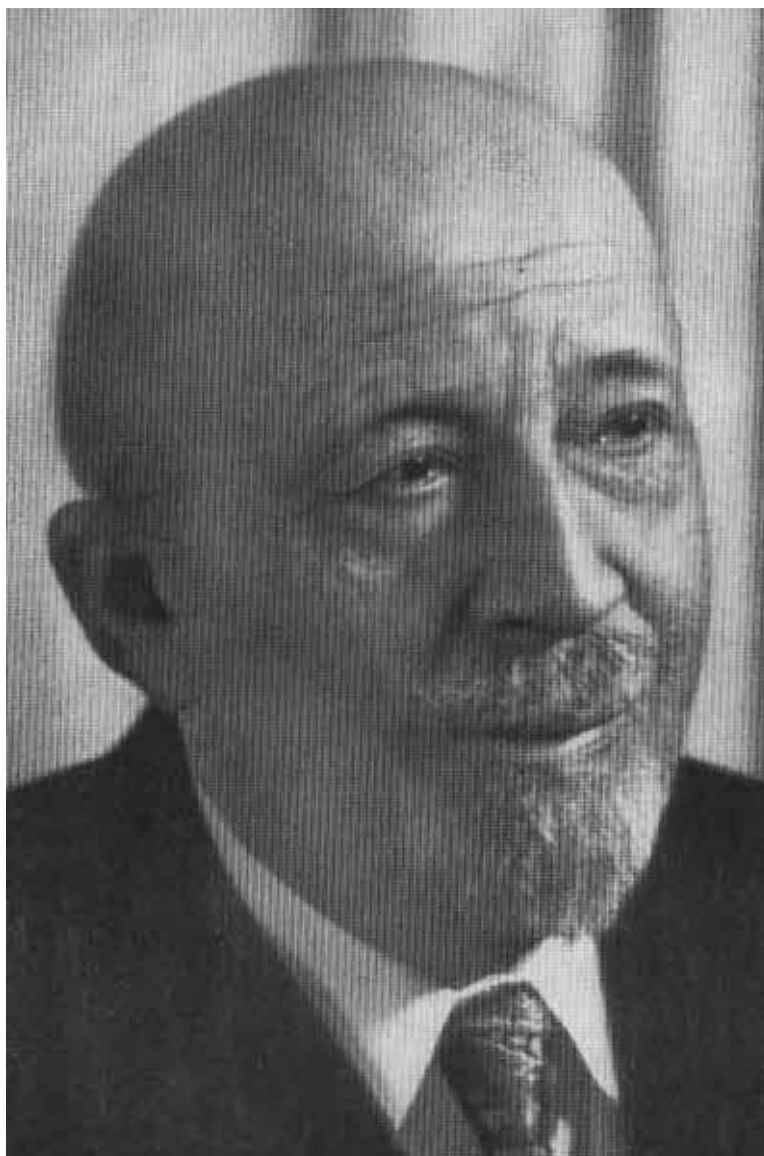
Дюбуа с основоположниками движения «Ниагара», 1906 г.

Дюбуа (указан стрелкой) в шеренге лидеров НАСПЦН участвует в демонстрации протеста против линчевания негров, 1919 г.

Дюбуа с Хьюсетом Джонсоном на торжественном приеме в честь настоятеля Кентерберийского собора, 1948.

Дюбуа

Ташкент. Выступление Дюбуа на Конференции писателей стран Азии и Африки, 1958 г.

Ташкент. Дюбуа беседует с воспитанником колхозного детского сада.

Выступление в Политехническом музее. Москва, 1958 г.

Дюбуа в Политехническом музее. Москва, 1958 г.

Дюбуа на собрании представителей общественности Москвы, посвященном Конференции народов Африки в Аккре, 1959 г.

Ректор МГУ И. Г. Петровский вручает диплом почетного доктора профессору Дюбуа.

Дюбуа осматривает музей земледелия МГУ.

Дюба, май 1959 г.

Дюбуа с Ольдерогге и Тюльпановым, 1959 г. Ленинград.

Пребывание Дюбуа и Ширли Грэхем в Ленинграде, 1959 г.

Ширли Грэхем и Дюбуа на набережной Невы, 1959 г.

У. Дюбуа.

У. Дюбуа и Ш. Грэхем.

Дюбуа с конгрессменом Вито Маркантенио.

Дюбуа с Ширли Грэхем на приеме в советском посольстве в Вашингтоне, 1959 г.

Дюбуа консультирует издателя журнала «Фридомвэйз» Эстер Джексон, 1961 г.

Дюбуа на Красной площади 1 Мая 1959 г.

КРАТКЛЯ БИБЛИОГРАФИЯ

- У. Дюбуа*, За серебряным руном. Л., 1925.
У. Дюбуа, Джон Браун. М., 1960.
У. Дюбуа, Испытания Мансарта. М., 1960.
У. Дюбуа, Африка. М., 1961.
У. Дюбуа, Воспоминания. М., 1962.
У. Дюбуа, Мансарт строит шкоду. М., 1963.
У. Дюбуа, Цветные миры. М., 1964.
W. Du Bois, The Souls of Black Folk. Chicago, 1907.
W. Du Bois, The Negro. New York, 1911.
W. Du Bois, The Suppression of the African Slaves Trade to the United States of America. 1638–1870. New York, 1909.
W. Du Bois, Black Folk. Then and Now. New York, 1945.
W. Du Bois, Black Reconstruction. New York, 1935.
W. Du Bois, Color and Democracy. Colonies and Peace. New York, 1945.
W. Du Bois, Enciclopedia of the Negro. New York, 1933–1946.
W. Du Bois, In Battle for Peace. New York, 1952.
У. Фостер, Негритянский народ в истории Америки. Москва, 1955.
И. А. Золотаревская, Вильям Дюбуа. БСЭ, т. 15, М., 1952.
Р. Ф. Иванов, Дюбуа. СИЭ, т. 5, М., 1964.
Д. Питман, Логика одной жизни. «Иностранная литература», 1962, № 3.
F. L. Broderick, Du Bois. Negro Leader in a Time of Crises. Stanford (Calif), 1959.
W. Rudwick, Du Bois. A Study in Minority Group Leadership. Ph., 1960.
«Journal of Human Relations». First Quarter 1966. Wilberforce, Ohio (The Problem of Colour in the Twentieth Century. A memorial to W. E. B. Du Bois).
«Freedomways», 1965, № 1 (специальный номер журнала, посвященный памяти Дюбуа).

INFO

Иванов Роберт Федорович
ДЮБУА. М., «Молодая гвардия», 1968.
240 с. с илл. («Жизнь замечательных людей».
Серия биографий. Вып. 4 (447).

8И(Амер) + 9(И)7

Редактор *М. Брухнов*
Серийная обложка *Ю. Арндта*
Худож. редактор *А. Носаргин*
Техн. редактор *Г. Петровская*

Сдано в набор 26/1 1968 г Подписано к печати 24.V 1968 г.
А04536.

Формат 84×108 1/32. Бумага типографская № 2.
Печ. л. 7,5 (усл. 12.6) + 9 вкл. Уч. — изд. л. 15.9.
Тираж 65 000 экз. Зак. 62. Цена 67 коп. Т. П. 1967 г. № 431.

Типография изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия».
Москва. А-30. Суцневская. 21.

notes

Примечания

Реконструкция — так называется в американской историографии послевоенный период (1865–1877) истории страны когда были предприняты попытки реконструкции перестройки бывших рабовладельческих южных штатов в интересах капиталистического развития страны. Реконструкция являвшаяся продолжением гражданской войны вторым этапом американской буржуазно демократической революции 1861–1877 годов характеризовалась упорными революционными боями в южных штатах резким подъемом негритянского освободительного движения.

Фредерик Дуглас (1817–1895) — американский аболиционист, революционный демократ, руководитель негритянского освободительного движения См. Ш. Грэхем, *Фредерик Дуглас* Изд. ЦК ВЛКСМ, Серия «Жизнь замечательных людей». М., изд-во «Молодая гвардия». 1959.